ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ.

Архимандрита Гавріила.

ЧАСТЬ II.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

Печатано съ одобренія Издательнаго Комитета, учрежденнаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ.

Часть II.

Эпоха третія отъ распространенія Греческой Философіи въ Римской Имперіи (80 л. до Р. Х.) до восьмаго вѣка по Р. Х.

Греческая Философія, чрезъ сообщеніе съ востокомъ облекается мистицизмомъ. Религіозное свойство философіи этого послѣдняго времени.

§ 39.

ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

Возобновленіе древнихъ системъ. — (Цицеронъ, умершій за 44 г. до Р. Х.)

Стоики.	До Р. Х.	*Епикурейцы.*	До Р. Х.
Сципіонъ — — — — —	181.	Лукрецій — — — — —	59.

Лелій — — — — — — 150.
Катонъ — — — — — — 44.
Брутъ — — — — — — 39.

по Р. Х.

Луканъ — — — — — — 65.
Сенека — — — — — — 65.
Петъ Фассій — — — — 66.
Тацитъ — — — — — — 134.
Эпиктетъ — — — — — 90.
Маркъ Аврелій. — — — 150.

Кассій — — — — — — —
Горацій — — — — — 8
К. Веллей — — — — — —
Помпоній Аттикъ — — 29.
Авсидій Бассъ — — — 25.

по Р. Х.

Плиній Старшій — — — 79.
Діогенъ Лаерцій — — — 210.
Лукіанъ Самосатскій — — 200.

Платоники.

по Р. Х.

Трасилъ — — — — — 30.
Алкиной — — — — — — 130.
Плутархъ Херонейскій — 120.
Максимъ Тирскій — — — 180.

Галіенъ — — — — — — 195.
Апулей — — — — — — 156.

Перипатетики.

до Р. Х.

Андроникъ Родосскій — 60.
Кратиппъ Митиленскій — — —
Ксенархъ Селевкійскій — 48.
Николай Дамаскій — — 15.

по Р. Х.

Александръ Эгейскій — — 60.
Александръ Афродійскій — 20.

Пивагорики.

Секстій — — — — — — 2.
Соціонъ — — — — — — 15.
Аполлоній Тіанскій — — 90.

Циники.

Демонаксъ — — — — 120.
Кресценсъ — — — — — 130.
Перегринъ — — — — — 168.

ФИЛОСОФІЯ РЕЛИГІОЗНАЯ И МИСТИЧЕСКАЯ.

Іудеи.

Аристовулъ — — — — — —
Филонъ — — — — — — 40.
Нуменій — — — — — — 150.
Кабалистика — — — — — —
Раввинъ-Акиба — — — 138.
Симеонъ-Бенъ-Іохай — — 150.

Гностики.

Симонъ Волхвъ — — — 64.
Коринѳъ — — — — — 80.
Карпократъ — — — — 125.
Марціанъ — — — — — 150.
Бардесанъ — — — — — 150.
Манесъ Персіянинъ — — 125.

МИСТИЧЕСКІЙ НЕОПЛАТОНИЗМЪ АЛЕКСАНДРІЙЦЕВЪ.

Аммоній Саккъ — — — 230.
Лонгинъ — — — — — — 245.

Ѳемистій — — — — — 376.
Сиріенъ — — — — — 450.

Плотинъ — — — — — 270.
Амелій — — — — — 280.
Порфирій или Малхъ — — 304.
Едезій — — — — — 320.
Іамвлихъ — — — — — 333.
Евнапъ Сардійскій — — — 350.
Іуліанъ Императоръ — — 333.
Гіероклъ — — — — — 450.
Проклъ — — — — — 485.
Маринъ — — — — — 490.
Олимпіодоръ — — — — 550.
Дамаскій — — — — — 533.
Исидоръ Газскій — — — 535.
Симплицій — — — — 538.

ФИЛОСОФІЯ ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ.

Свят. Іустинъ Мученикъ — 165.
Аѳинагоръ — — — — — 160.
Св. Климентъ Александрійск. 212.
Тертуліанъ — — — — — 218.
Оригенъ Алек. — — — — 260.
Арновій — — — — — 221.
Лактанцій — — — — — 330.
Св. Аѳанасій — — — — 325.
Синезій — — — — — 430.
Августинъ — — — — — 430.

ПОСЛѢДНЕЕ МЕРЦАНІЕ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ.

На востокѣ.

Стобей — — — — — — 500.
Іоаннъ Филопонъ — — — 600.
Св. Іоаннъ Дамаскинъ — — 754.
Фотій — — — — — — 891.

На западѣ.

Маркіанъ Капелла — — 474.
Боецій — — — — — — 596.
Кассіодоръ — — — — — 575.
Исидоръ Севильскій — — 636.
Беда — — — — — — — 735.

§ 40.

Исторію Греческой философіи мы раздѣлили на три различные возраста; въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ особенно занимались однимъ какимъ либо изъ важнѣйшихъ предметовъ человѣческаго познанія, именно: или міромъ, или человѣкомъ, или Богомъ. Философія въ первомъ своемъ возрастѣ занималась физикою, во второмъ нравоученіемъ; въ третьемъ она будетъ заниматься Религіею. Но прежде изложенія теорій, явив-

шихся въ послѣднюю Эпоху, мы должны посмотрѣть на раскрытіе и ходъ Философіи въ различныхъ частяхъ Римской Имперіи.

По уничтоженіи Александромъ Республиканской свободы Греціи, и по покореніи власти своей Египта и большей части Азіи, Александрія нечувствительно заняла мѣсто падшихъ Аѳинъ, и представила въ пользу наукъ новыя средства. Птоломеи, наслѣдовавшіе Александру въ Египтѣ, основаніемъ славной библіотеки и Музея Александрійскаго весьма много содѣйствовали просвѣщенію.

Лагиды Нетребовали отъ ученыхъ мужей Музея новыхъ твореній; но желали, чтобы они Александрію познакомили съ произведеніями ихъ отечества; по этому въ основанномъ, въ первый разъ еще въ древности, Музеѣ, Критика, Герменевтика и Грамматика были усовершаемы съ великимъ соревнованіемъ. Поэты Музея занимались также исторіею перваго своего отечества; Апполоній прославилъ путешествіе Аргонавтовъ; Ликофронъ въ Кассандрѣ изобразилъ участь Трои; Каллимахъ составилъ гимны въ честь олимпійскихъ боговъ; тогда явилась также поэзія дидактическая. Но главная услуга ученыхъ мужей Александрійскихъ, по которой труды ихъ достопамятны въ исторіи разума человѣческаго, заключается въ содѣйствіи быстрымъ успѣхамъ положительныхъ наукъ. Математическія нау-

ки были усовершаемы съ усердіемъ и въ Лицеѣ; по тѣ и другіе обогатились въ Музеѣ новыми пріобрѣтеніями. Эвклидъ въ своихъ началахъ такъ усовершилъ Математику, что какъ бы передѣлалъ ее въ другой разъ; Апполоній, его ученикъ раскрылъ теорію Коническихъ сѣченій; и былъ прозванъ Геометромъ по преимуществу; гораздо позже Діофантъ изобрѣлъ Алгебру. Всѣмъ извѣстны услуги, оказанныя Ератосѳеномъ, Иппархомъ, Страбономъ и Птоломеемъ Астрономіи и Географіи.

Такимъ образомъ Философія, достигши зрѣлаго возраста, служила для всѣхъ наукъ руководствомъ.

Въ Греціи Архимедъ прославился приложеніями Геометріи и исчисленіями къ Механикѣ; Марій Тирскій усовершенствовалъ Историческую Географію; Ѳеодосій написалъ разсужденіе о сферѣ; Павзаній былъ для Греціи Страбономъ.

Таковы были въ различныхъ частяхъ Александровой Имперіи успѣхи наукъ и Философіи. Теперь посмотримъ, какую участь онѣ имѣли въ столицѣ Римской Имперіи.

Римляне начали знакомиться съ Греческою философіей, и въ особенности съ ученіемъ Стоическимъ, Перипатетическимъ и Академическимъ, только послѣ завоеванія Греціи, и особенно при посредствѣ трехъ

Философовъ. — Карнеада, Діогена и Критолая, которые были высланы къ нимъ Аѳинянами. (*)

Между II-ю и III-ю Пуническою войною Философія Римлянъ состояла въ нѣкоторыхъ правилахъ практической мудрости Клавдія, Катона, Сцеволы, Сципіона Метелла, подобныхъ изрѣченіямъ Греческихъ мудрецовъ. Когда по завоеваніи Греціи Римъ вступилъ въ тѣснѣйшія сношенія съ городами, гдѣ процвѣтали школы открытыя для наукъ; то знаменитые Римляне не могли долгое время быть равнодушными къ этимъ благороднымъ занятіямъ. Такъ Сципіонъ Африканскій и Лелій были въ тѣсной дружбѣ съ Философомъ Панетіемъ, и старались вступить въ связь съ другими Философіями; Катонъ имѣлъ дружбу съ Антипатромъ Тирскимъ, стоикомъ; М. Брутъ, Варронъ, Пизонъ занимались изученіемъ древней Академіи; а Лукуллъ съ ревностію занимался всѣми ученіями греческой Философіи; Силла принесъ въ Римъ сочиненія Аристотелевы. Всѣ важнѣй-

(*) Аѳиняне должны были заплатить 500 талантовъ за разграбленіе города Оропы; для ходатайства по сему дѣлу они отправили Карнеада, Критолая и Діогена. Цензоръ Катонъ присовѣтовалъ тотчасъ отослать ихъ назадъ: поелику они краснорѣчіемъ такъ помрачали умы Сенаторовъ, что невозможно было отличить истину отъ лжи.

шіе люди, отъ войны Митридата до царствованія Августа, съ усердіемъ занимались ученіемъ Греческихъ школъ. Прежде всего скажемъ о томъ главномъ гражданинѣ, о томъ важномъ человѣкѣ, который былъ въ одно и тоже время главою ораторовъ и философовъ Римскихъ.

§ 41.

ЦИЦЕРОНЪ.

Цицеронъ важнѣйшую услугу своему отечеству оказалъ тѣмъ, что онъ заставилъ своихъ гражданъ учиться философіи. Занимаясь этою наукою, онъ повидимому имѣлъ четыре главныя цѣли: — познакомить Римлянъ съ ученіемъ Грековъ, почерпнуть въ нихъ все достойное уваженія, одѣть это красивымъ слогомъ и всемъ блескомъ, какой только они могли заимствовать отъ ораторскаго искуства и приспособить ихъ къ главнымъ нуждамъ общества, испорченнаго въ нравственности. Изъ всѣхъ греческихъ школъ одну Эпикурейскую онъ не уважалъ; напротивъ онъ хвалитъ Пиѳагора, благоговѣетъ предъ Сократомъ, постоянно удивляется Платону, наравнѣ ставитъ съ нимъ Аристотеля, и этихъ двухъ философовъ щитаетъ за свойственниковъ, а не за соперниковъ; онъ въ восхищеніи отъ строгихъ правилъ Зенона, присоединяется, по примѣру Карнеада и Филона, ко второй Академіи; и въ этой послѣдней

школѣ научается искуству сравнивать, изслѣдовать всѣ древнія ученія, противополагать ихъ между собою и дѣлать изъ нихъ благоразумный выборъ.

Вообще по словамъ Дежерандо, онъ слѣдуетъ новой Академіи въ умозрительныхъ вопросахъ, Платону въ психологіи, Аристотелю, и особенно Зенону въ нравоученіи. Онъ предпочитаетъ Аристотеля въ политикѣ, но Платона ставитъ въ образецъ своего метода; онъ любитъ подражать ему въ разговорахъ; и, если онъ неравняется ему въ осторожности при своихъ разборахъ, то равняется въ возвышенности, превосходитъ ясностію, и представляетъ въ себѣ образецъ философскаго краснорѣчія, до котораго еще никто никогда не достигалъ.

Невидно, чтобы Цицеронъ старался познакомить Римлянъ съ Метафизикою и діалектикою Грековъ: изслѣдованія Метафизическія мало понравились бы Римлянамъ, и мало сходствовали съ самымъ геніемъ Цицерона. Въ одной части своихъ разсужденій онъ ограничиваетъ сократическій Методъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ возобновленъ Платономъ; а въ другихъ разсужденіяхъ, напримѣръ о должносяхъ и законахъ, онъ восходитъ къ первымъ началамъ, дабы правильнымъ путемъ дойти до выводовъ. Изъ вопросовъ умозрительнаго нравоученія онъ занимался только тѣми, кои разобраны въ его разсужденіяхъ о природѣ Боговъ, о

судьбѣ и гаданіи; но онъ ихъ разсматривалъ частно и болѣе изъ любопытства; потому что онъ признавалъ ихъ предметами, неприступными для ума человѣческаго. — Но въ дѣятельномъ нравоученіи онъ пожинаетъ обильные плоды отъ философскаго образованія, съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергая холодныя положенія, уничтожающія добродѣтель чрезъ подчиненіе ея разчетамъ пользы и своекорыстныхъ побужденій. Разсуждаетъ ли онъ о гражданскомъ законоположеніи? Какъ онъ далеко оставляетъ за собою обыкновенныхъ законовѣдцевъ, занимавшихся безъ пользы толкованіемъ текста закона преторскаго! Право положительное онъ производитъ отъ права естественнаго; а правила права естественнаго начертываетъ на основаніи вѣчной и всеобщей нравственности. Здѣсь онъ соединилъ возвышенный духъ Платона съ строгимъ духомъ Аристотеля, патріотизмъ граданина съ нравственностію человѣка честнаго и съ благочестіемъ человѣка религіознаго. Законовѣдецъ въ его училищѣ найдетъ объясненіе отечественныхъ законовъ, а частный человѣкъ, руководствуясь ею въ простотѣ, будетъ повиноваться разуму и самому Богу.

Цицеронъ, разсуждаетъ о законахъ, руководствуясь Платономъ: по его образцу, онъ также написалъ разсужденіе о Республикѣ. Этотъ гражданинъ республики и защитникъ упадающей свободы, вооружаясь противъ дерзкихъ замысловъ Цезаря, Антонія, Окта-

вія, признаетъ выгоды мудрой монархіи, и вмѣстѣ съ Аристотелемъ предетавляетъ образецъ правленія въ соединеніи и гармоніи трехъ видовъ правленія Монархическаго, Аристократическаго и народнаго.

Но говоря въ подробности объ этомъ отличномъ человѣкѣ, мы не можемъ ничего сказать о его преемникахъ. Въ то самое время, когда Цицеронъ старался расположить своихъ соотечественниковъ къ важнѣйшему и благородному ученію, нравы уже начали повреждаться, свобода болѣе уже не существовала. Ко всѣмъ порокамъ, раждающимся отъ избытковъ, гордости и властолюбія, присоединились ласкательство и рабство: Философія тогда была достояніемъ очень не многихъ людей добродѣтельныхъ, которые воружились противъ общаго развращенія нравовъ и противъ чрезмѣрной власти тиранніи.

§ 12.

ШКОЛА СТОИКОВЪ.

Мы уже видѣли, что славный побѣдитель Аннибала и его другъ Лелій были знакомы съ ученіемъ стоическимъ, при посредствѣ Философа Панетія. Эта школа считаетъ въ числѣ своихъ послѣдователей еще мужественнаго и добродѣтельнаго Катона, коего мудрости и благоразумію много удивлялись его современники,

и коего Виргилій называетъ предсѣдателемъ праведниковъ въ Елисейскихъ поляхъ.

Уроки Катоновы образовали М. Брута, этаго жаркаго защитника Римской свободы, человѣка справедливаго, военнаго и философа. Онъ сочинилъ похвальное слово своему знаменитому отцу; сочиненія его до насъ не дошли.

Историки также помѣщаютъ между послѣдователями философіи стоической Піита Лукана: но онъ преувеличилъ ея правила и какъ въ своемъ характерѣ, такъ и въ своихъ стихахъ обнаружилъ ложное величіе и почти совершенное отсутствіе естественности.

Замѣчаютъ такое же преувеличеніе стоической нравственности въ Сенекѣ, въ сочиненіяхъ коего выражаются недостатки его характера. Онъ углублялся въ разсматриваніе сердца человѣческаго, даже до послѣднихъ его сокровенностей; почерпалъ для себя уроки какъ при дворѣ, такъ и въ низшемъ классѣ общества; ибо испытавъ всѣ непостоянства человѣческой жизни, онъ переходилъ попеременно отъ состоянія счастливаго къ ссылкѣ, а отъ ссылки къ счастію, коего опять лишался.

Его творенія содержатъ много нравственныхъ замѣчаній, сколько основательныхъ, столько же и остроумныхъ. Ни на какого писателя болѣе его не ссылаютъ-

ся. Его слогъ краткій и остроумный чрезвычайно способенъ къ этому. Такъ какъ онъ кажется красивымъ болѣе въ ссылкахъ на него, нежели когда его читаютъ; то и говорятъ о немъ, что онъ болѣе доставляетъ славы сочиненіямъ другихъ, нежели своимъ собственнымъ. Стоики упрекали, не смотря на преувеличеніе нравственности, Сенеку за то, что онъ оставлялъ часто ихъ правила. Гордость, по мнѣнію его, составляетъ побужденіе для человѣка къ добру. Упрекаютъ его еще за то, что онъ хотѣлъ изъ своего мудреца сдѣлать существо высшее самаго Божества. Богъ, по его мнѣнію, совершенъ по своей природѣ, а мудрый долженъ быть совершеннымъ по своему свободному и независимому произволу.

Очень многія его сочиненія до насъ не дошли; правила Стоицизма онъ излагаетъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: *о спокойствіи души*. Литературная слава его основывается на разсужденіи о *благодѣяніяхъ*, поднесенномъ Ебулу щедрому, въ 7-ми книгахъ, сочиненныхъ имъ подъ конецъ своей жизни. Монтань предпочиталъ всѣмъ сочиненіямъ этого философа его письма къ младшему Люцію, (числомъ 124.) въ коихъ онъ разсуждаетъ о всѣхъ частяхъ нравственности, съ украшеніемъ, неприличнымъ слогу письменному. Если бы онъ былъ авторомъ трагедій, извѣстныхъ подъ его именемъ, какъ утверждали нѣкоторые критики, то не было бы писателя, равнаго ему въ плодовитости.

Оразій Петъ, котораго строгій Тацитъ назвалъ самою добродѣтелію, не вдался въ тѣ излишества, за кои упрекали Сенеку, и не прибавилъ ничего къ строгости секты стоической. Онъ жилъ въ царствованія Тиверія, Калигулы, Клавдія и Нерона. Сохраняя независимость среди всеобщаго униженія, онъ противился скромнымъ и умѣреннымъ образомъ Тираніи; желалъ добра и не искалъ славы не потому, чтобы пренебрегалъ славу, но потому, что любилъ болѣе добродѣтель. Внимая гласу своей совѣсти, онъ не менѣе уважалъ и общественныя благопріличія; его поведеніе всегда было одинаково и неукоризненно.

Знаменитѣйшимъ между державшимися ученія стоическаго былъ почти въ то же время рабъ Епафродита добродѣтельный Эпиктетъ, коего *Руководство* представляетъ, въ сокращенномъ видѣ, картину Философіи нравственной стоической, безъ тѣхъ преувеличеній, за которыя правильно упрекаютъ писателей этой школы. Извѣстно, что Господинъ его человѣкъ грубый, безсмысленный и злонравный, утѣшался скручиваніемъ ногъ своего раба; *ты переломишь ихъ*, говорилъ Эпиктетъ ему, и дѣйствительно такъ случилось; *я тебѣ объ этомъ говорилъ*, сказалъ тогда спокойно Философъ (*).

(*) Цельсъ указывая на это спокойствіе Философа спрашивалъ Оригена: что большаго сотво-

Эпиктетъ, какъ Стоикъ, не имѣлъ ни тщеславія, ни той строгости, какія видны въ большей части послѣдователей этой школы. Скромность онъ уважалъ болѣе всего. Будучи врагомъ Эпикура и его ученія, онъ благоговѣлъ предъ Сократомъ и представилъ въ себѣ величественную картину истиннаго Циника. Несмотря на свою нищету, онъ въ продолженіи жизни, а особливо послѣ смерти своей пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Первый изъ историковъ Римскихъ, великій писатель, наказывающій тирановъ описаніемъ ихъ, держался также правилъ этого благороднаго высокаго ученія, которое одно могло людей, еще непросвѣщенныхъ христіанствомъ, воодушевить къ возстанію противъ повержденія и уничиженія современниковъ.

Но Философія Стоическая во всемъ своемъ блескѣ отразилась въ лицѣ добродѣтельнаго Императора Марка Аврелія. Онъ учился у стоика Секста Херонейскаго, внука Плутархова, и умѣлъ этой системѣ Философской сообщить особливый характеръ пріятности, поставивъ главною добродѣтелію любовь къ отечеству, соединенную съ религіею. Онъ предоставляетъ участь

рилъ вашъ Спаситель? Оригенъ отвѣчалъ: Спаситель добровольно воспріялъ за насъ и самую смерть.

человѣка Божеству; въ немъ находитъ побужденія для добродѣтели, а отъ него заимствуетъ возможность истинной дѣятельности. Его почитаютъ часто ученикомъ Платона, поколику онъ и законы вселенныя и законы нравственности соединяетъ въ едино, подчиняя систему существъ единой гармоніи. Причина всеобщая, говоритъ онъ, есть потокъ увлекающій все; все происходящее есть перемѣна вида, все существующее есть зародышь имѣющаго случиться такъ, что міръ всегда будетъ юнымъ. Маркъ Аврелій не держался этихъ положеній для республики; онъ не назначалъ ихъ для потомства; но размышлялъ объ нихъ для своего собственнаго употребленія. Онѣ составляли залогъ внутреннихъ его чувствъ; — тайна эта была узнана послѣ смерти его.

Главною причиною успѣховъ Философіи стоической въ Римѣ и того, что ее держались преимущественно люди, служившіе обществу, была ревность, съ которою ея послѣдователи занимались выгодами общества и законовѣденіемъ. Во время Цицерона составители Римскаго законовѣденія, Сцевола, Бальбъ, Сулпиціи были хорошо наставлены въ ученіи стоическомъ. Изъ этой школы вышла секта Прокулейцевъ, оказавшая великую услугу наукѣ тѣмъ, что она ввела въ оную разсужденіе и изслѣдованіе. Законъ, по мнѣнію ихъ былъ естественнымъ руководствомъ къ человѣколюбію, изображеніемъ родства, соединяющаго всѣхъ людей,

и взаимнаго благоволенія, располагающаго ихъ къ взаимному вспоможенію. Монтескю, хорошій судія въ этомъ дѣлѣ, очень уважалъ эту школу.

§ 43.

ЦИНИКИ.

Философія Циническая въ это время также многихъ имѣла послѣдователей; но какъ ни кто изъ нихъ не усилилъ этого ученія, то мы упомянемъ только о Демоноксѣ Кипрскомъ, учившемъ въ Аѳинахъ, Кресцентѣ Мегалопольскомъ и Перигринѣ. Этотъ человѣкъ, гордившійся именемъ философа, оказался недостойнымъ онаго сколько по своимъ порокамъ, столько же по непостоянству воображенія и чрезмѣрному тщеславію. Думаютъ, что онъ сожегъ самъ себя около 168 послѣ Р. Х.

§ 44.

ЭПИКУРЕЙЦЫ.

Съ ученіемъ Эпикурейскимъ Римляне познакомилъ Лукрецій, коего поэма есть древнѣйшая на этомъ языкѣ. Онъ родился около 95-го года предъ Р. Х., и былъ десятью годами моложе Цицерона, а годомъ моложе Цезаря. Надобно думать, что онъ прожилъ нѣсколько

времени въ юношескихъ лѣтахъ въ Греціи и даже въ Аѳинахъ. Ибо таинствъ философіи, космологіи и физики Эпикурейской онъ не могъ узнать въ Римѣ. Друзьями Лукрецію были Манлій и К. Кассій, кои оба подобно ему, держались правилъ философіи Эпикурейской. Послѣдній, какъ гражданинъ, неустрашимый и строгій; по примѣру Стоика Брута, умеръ за свободу.

Сервій, говоря о Виргиліи, свидѣтельствуетъ, что онъ основательно изучилъ философскія ученія, но самъ Виргилій еще болѣе увѣряетъ насъ, посредствомъ многочисленныхъ ссылокъ въ томъ, что нѣтъ ни одного ученія, котораго бы онъ не воскресилъ въ своихъ безсмертныхъ пѣсняхъ.

Еще изъ поэтовъ философомъ былъ другъ Мецената и Августа, Горацій, который самъ говоритъ о своемъ усердіи къ ученію Эпикурову, въ продолженіи его юности. Зрѣлый опытъ привязалъ его напослѣдокъ къ положеніямъ Портика. Напослѣдокъ изъ любви къ независимости, онъ не держался исключительно никакой школы; его правило состояло въ томъ, что бы не судить на основаніи мнѣній какого либо учителя. (*)

Къ Эпикурейцамъ также причисляютъ Т. П. Ат-

(*) Nullius addictus jurare in verba magistri.
Quo mecunqve rapit tempestas deferor hospes.
Lib. 1. Epis. 1. ver 14, 15.

тика, друга Цицеронова, который во время несогласій Цезаря и Помпея, Брута и Антонія, такъ велъ себя, что не присоединяясь ни къ какой сторонѣ, былъ любимъ всѣми.

Можно причислить къ этой школѣ: двоихъ Плиніевъ, неутомимыхъ изслѣдователей явленій природы, впрочемъ старшаго Плинія правильнѣе причислить къ скептикамъ. Эпикурейцами можно почесть сатирика Лукіана Самосатскаго, который въ своихъ остроумныхъ, краснорѣчивыхъ и строгихъ критикахъ, подъ разными видами, осмѣиваетъ притязанія догматизма и гордость мнимоученыхъ; Діогена Лаерція, сочинителя исторіи древнихъ философовъ, драгоцѣнной, не смотря на недостатокъ критики и вкуса; наконецъ Цельса, котораго называютъ Гиппократомъ Латинскимъ потому, что перевелъ сочиненія его, и который спорилъ съ Христіанами, но встрѣтилъ въ Оригенѣ опаснаго себѣ противника.

Философы, о которыхъ мы говорили, вообще держали сторону Эпикура потому, что его нравоученіе обѣщало имъ жизнь пріятную и неподверженую тѣмъ мученіямъ, на которыя стоики осуждали родъ человѣческій. Но болѣе всего держались этого ученія тѣ, которые видѣли въ его началахъ защищеніе ихъ безвѣрія и разврата, въ который они были погружены. Эти послѣдователи Эпикура содѣлали его имя и систему

ненавистными. Они то у Грековъ, равно какъ и у Римлянъ возмутили Стоиковъ и Академиковъ, и подвигли ихъ на презрѣніе себя. Поврежденіе нравовъ, охлажденіе мужества и патріотизма, низость и рабство, всюду видимыя между ними, оправдывали строгость суда, произносимаго на нихъ.

§ 45.

ПЕРИПАТЕТИКИ.

Философія Аристотеля была не по вкусу Римлянъ, склонныхъ къ дѣятельности. Греки, которые занимались ею, должны были толковать Философа Стагиритскаго, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по причинѣ темноты и неопредѣленности выраженій его. Послѣ Андроника Родоскаго, который привелъ въ порядокъ и изъяснялъ книги Аристотеля въ Римѣ, и Кратиппа Митиленскаго, котораго Цицеронъ и другіе также Римляне слушали въ Аѳинахъ, причисляютъ къ перипатетикамъ: Николая Дамаскаго или Дамаскина, и Кленарха Селевкійскаго, которые во время Августа, учили въ Римѣ; Александра Егея, бывшаго въ числѣ учителей Нероновыхъ, и особенно славнаго толкователя Александра Афродійскаго, который основалъ въ Александріи школу критики, и опровергалъ ученіе фатализма, несогласнаго съ порядкомъ нравственнымъ. Въ ближайшее къ этому время между Перипатетиками слав-

ны Синкретисты: Θемистій, Сиріенъ и Симплицій. Толкованія послѣдняго на философію Аристотелеву, вмѣстѣ съ толкованіями Александра Афродійскаго, суть замѣчательнѣйшія изъ всѣхъ писанныхъ въ этой школѣ.

§ 46.

ПЛАТОНИКИ.

Послѣ паденія Академіи Скептитической, въ вѣкѣ Августа, основалась новая школа Платоническая, имѣвшая многихъ послѣдователей. Между ними извѣстный Θрассилъ Мендскій, названный Астрологомъ, Алциной, Плутархъ Херонейскій, Анулей, Максимъ Тирскій и славный врачь Галіенъ. Алциной сочинилъ введеніе въ философію Платона, которое оправдываетъ свое названіе; въ немъ сокращенно въ порядкѣ и ясности излагаются основныя начала этого ученія. Плутархъ болѣе извѣстенъ по описаніямъ свойства великихъ людей, нежели по вниканію въ истинный духъ системъ философскихъ; онъ въ историческихъ своихъ изысканіяхъ обнаруживаетъ болѣе знанія, нежели разборчивости мнѣній. Его правильно упрекаютъ въ безразсудности, съ которою онъ собираль преданія суевѣрныя. Апулей не больше показалъ разборчивости въ своихъ сочиненіяхъ философскихъ; онъ смѣшалъ понятія Пиѳагора съ Платоновыми, и часто сюда присоединялъ, какъ это не замѣдлили и вообще сдѣлать прочіе Философы, преданія

восточнаго Богослуженія. Максимъ Тирскій начально занимался умозрительными положеніями основателей Академіи; онъ, напримѣръ, весьма старался раскрыть то положеніе, что *наши познанія суть только воспоминанія*. Вообще эти Философы усиливались распространить нравственность и религіозную теорію Платона. Они преимущественно занялись умозрѣніями Платоновыми о Богѣ и Богослуженіи, о душѣ міра и о демонахъ, о началѣ міра и началѣ зла; идеямъ они усвоили форм усущественную; по отвлеченнымъ своимъ началамъ изъясняли замѣчательнѣйшія произшествія своего времени, напримѣръ, прекращеніе дѣйствія оракуловъ. Отъ этого со всѣхъ сторонъ стала обнаруживаться нужда религіозныхъ чувствъ, которая не замедлила раскрыться съ большею силой.

Галіенъ тщательно изслѣдовалъ школы Философскія, неподражая ни одной изъ нихъ. Онъ уважаетъ Платона и толкуетъ часто его; но часто также держится Логики Аристотелевой и изъясняетъ теорію софизмовъ, а иногда слѣдуетъ Стоикамъ. Прежде его, для изъясненія отношеній дѣйствій души къ органамъ тѣлеснымъ, были вымышлены гипотезы нелѣпыя. Онъ съ особеннымъ раченіемъ занялся опроверженіемъ Платонова раздѣленія души на три части, и трехъ отдѣльныхъ обиталищъ ихъ въ различныхъ частяхъ тѣла. Различая съ точностію начала мышленія отъ начала жизни органической, или животной, онъ разсуждаетъ

о послѣднемъ, какъ о посредствующемъ орудіи, обязанномъ доставлять первому средства для дѣйствованія. Его система есть Эклектическая и неотлична отъ системы Потамона Александрійскаго, который извлекая все, что находилось лучшаго въ каждой системѣ, старался составить особенную систему.

Впрочемъ не надобно этого частнаго опыта Эклектизма смѣшивать, какъ это дѣлали, съ неоплатонизмомъ Александрійскимъ, о которомъ мы будемъ говорить далѣе.

§ 47.

ПИѲАГОРЕЙЦЫ.

Таинственность, коею прикрыта была исторія и ученія Пиѳагора, удивительныя преданія касательно его лица, должны были привлекать на этого Философа вниманіе людей, расположенныхъ къ чудесному. Къ этому числу принадлежатъ К. Секстъ и Сотіонъ, оба извѣстные Сенекѣ, а особенно славный Апполоній Тіанскій изъ Каппадоніи, подражатель Пиѳагоровъ, который прорицалъ и съ науками нравственными соединялъ мистицизмъ религіозный. Его біографъ Филостратъ, повидимому, хотѣлъ представить изъ него Мессію политеизма. Многіе другіе Философы, по его примѣру, руководствовались ученіемъ Пиѳагора при изученіи при-

роды, или старались открыть высокое и тайное ученіе въ ученіи Пиѳагора о числахъ, и основывали его на теоріи Платоновой.

§ 48.

ФИЛОСОФІЯ РЕЛИГІОЗНАЯ И МИСТИЧЕСКАЯ.

Разумъ человѣческій немогъ быть удовлетворенъ и послѣ столькихъ стараній объ усиленіи и объясненіи положеній Греческой Философіи въ первомъ и во второмъ ея возрастѣ. Онъ изъ многихъ случаевъ видѣлъ недостаточность всѣхъ системъ и ни на одной не могъ остановиться. Философы употребили всѣ средства къ тому, чтобы привести къ истинѣ, и всѣ эти средства по порядку были опровергнуты скептицизмомъ.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи Философія по необходимости должна была изслѣдовать, нѣтъ ли въ разумѣ такой силы, незамѣченной доселѣ, которая бы, не основываясь ни на отвлеченіи, часто приводящемъ къ пустымъ мѣчтаніямъ, ни на опытѣ, котораго недоетаточность также была доказана, могла прямо постигать истину неотносительную, но безусловную, и не только истину отвлеченную, но дѣйствительное начало всякой истины и безусловное ея начало, т. е. Бога.

Христіанство совершенно соотвѣтствовало этой

нуждѣ. Религія Христіанская, предписывающая любовь къ Богу и человѣчеству, возвѣщающая всѣмъ народамъ, безъ ученыхъ прикрасъ, союзъ рода человѣческаго съ Богомъ, доставляла сладостное утѣшеніе душамъ, колеблемымъ сомнѣніемъ и неизвѣстностію. И въ это время, когда свобода греческая была потеряна безъ возврата, могущество Римское, приходящее къ концу, уже само себя уничтожало, и оставляя духъ безъ всякаго практическаго занятія, предавало его во власть всѣхъ своевольствъ празднаго Эгоизма, духъ человѣческій устремился къ Христіанству со всѣмъ усердіемъ такъ, что оставлялъ для неба землю, и для Бога разрывалъ связи съ развратнымъ обществомъ. Въ минуту подчиненія своего религіи онъ немогъ употреблять прежнихъ методовъ, въ недостаточности которыхъ былъ увѣренъ; по этому не сносился ни съ чувственнымъ наблюденіемъ, ни съ анализомъ, ни отвлеченіемъ: но обнаружился во вдохновеніи, Энтузіазмѣ, просвѣщеніи (illuminatio).

Къ числу внѣшнихъ причинъ, содѣйствовавшихъ къ открытію въ Философіи этого новаго направленія, надобно отнести вопервыхъ знакомство Грековъ съ востокомъ. Въ самомъ дѣлѣ востокъ отличается идеализмомъ мистическимъ, основаннымъ на непосредственномъ созерцаніи и вдохновеніи. По предположенію нѣкоторыхъ отличныхъ критиковъ, ясно держались его Александрійскіе Неоплатоники, это соединеніе Филосо-

фіи съ мистицизмомъ изъясняется удобно. Философія Греческая, по сему предположенію, сама происходитъ изъ древнихъ преданій Азіи и таинствъ Фракіи. Зороастръ, Гермесъ, Орфей суть учители Пиѳагора, Платона; Философы Греческіе только отдѣлили отъ этой первоначальной мудрости вымыслы и одѣли ее учеными формами. Точно также и ученіе Платоново, хотя въ Александріи приняло новый видъ, впрочемъ походило на первоначальное ученіе, и было истолковываемо въ томъ же смыслѣ, въ какомъ было сочиняемо. Покрайней мѣрѣ достовѣрно то, что часть преданій Азіи перешла къ Грекамъ, сперва въ Аллегоріяхъ Миѳологическихъ, кои допустили поэты въ переиначенномъ видѣ; потомъ въ таинственныхъ наставленіяхъ; наконецъ прямѣе чрезъ посредство самыхъ Философовъ, которые подобно Пиѳагору и Платону, знакомились съ этими ученіями во время своихъ путешествій. Но нельзя полагаться совершенно на такое мнѣніе, какъ это сдѣлали Неоплатоники Александрійскіе, которые могли сами сочинить то, что приписывается Зороастру и Тригмегисту, и даже самые отрывки Орфеевы, на которыхъ они часто основывали свое ученіе.

Явленію упорядоченнаго Мистицизма Александрійскаго, столь знаменитаго въ исторіи Философской, и столь различно обсуживаемаго, предшествовали нѣкоторые несовершенные опыты Мистицизма; начнемъ съ опытовъ Іудейскихъ и Гностическихъ.

§ 19.

УЧИТЕЛИ ІУДЕИСКІЕ.

Іудеи во время плѣна Вавилонскаго познакомились съ религіозными преданіями Персовъ; другая Колонія, жившая въ Египтѣ, вошла въ связь съ Греками, въ слѣдствіе перевода семидесяти толковниковъ подъ руководствомъ Дмитрія Фалерійскаго. Слѣдствіе этихъ сообщеній тотчасъ открылось, когда Іудеи возвратились въ свое отечество. Такъ во Іерусалимѣ Фарисеи и Саддукеи раздѣлились между собою, и первые занялись истолкованіемъ текста Закона, а вторые упражнялись буквальнымъ смысломъ; между тѣмъ какъ Эссеи и Θерапевты тайно занимались созерцательною жизнію, строгимъ нравоученіемъ, мудростію.

Аристовулъ первый старался, не только соединить, но даже и найти единство въ нѣкоторомъ смыслѣ между преданіями священныхъ книгъ, и Философіею, и литтературою Греческою, а особенно между стихами Орфея, Лина, Гезіода и Омира. Дабы усилить свою систему, онъ объяснялъ священныя книги науками Греческими, а науки и даже Миѳологію объяснялъ по закону и ученію Моисееву.

Филонъ, продолжавшій этотъ родъ толкованія, раздѣлялъ мнѣнія Ессеевъ; онъ изъ познанія гре-

ческихъ системъ, а особенно системы Платоновой, которая во многихъ отношеніяхъ согласна съ идеями религіозными востока, выводилъ доказательства совершенства Божественности своей народной религіи. Въ такомъ точно духѣ послѣ историкъ Іосифъ Іудейскую религію объяснялъ Философіею Грековъ.

По мнѣнію Филона созерцаніе порядка во вселенной можетъ насъ руководствовать къ познанію Божества, но только пріуготовляя насъ къ нему; самое познаніе непосредственно должно происходить отъ созерцанія Самаго Бога. Филонъ, слѣдуя Платону, раздѣляетъ міръ на умственный и чувственный; Бога и матерію почитаетъ вѣчными; допускаетъ міръ идеальный и область идей, кои суть образецъ, по которому Богъ образовалъ вселенную. Платонъ почиталъ идеи современными Богу, но не олицетворялъ ихъ; признавая ихъ существующими въ умѣ Божественномъ; Филонъ напротивъ олицетворяетъ ихъ, составляя изъ нихъ свое первое слово λόγος, почитаемое имъ за Сына Божія, какъ произведеніе высшаго его дѣйствія. Второе слово есть слово дѣйствительно дѣйствующее въ чувственномъ мірѣ. Каждое изъ этихъ трехъ Божественныхъ свойствъ участвовало въ произведеніи міра. Это и составляетъ Платонову троицу Верховнаго Существа. Къ симъ понятіямъ, заимствованнымъ изъ выспренней Философіи Платона, Филонъ присовокупилъ весьма многія идеи, заимствованныя изъ преданій восточныхъ.

Примѣромъ оныхъ можетъ служить раздѣленіе человѣка на небеснаго и земнаго, гипотезъ о первоначальномъ человѣкѣ, служившемъ образцомъ для человѣчества смертнаго.

Филонъ признаетъ двѣ души, одну разумную и другую неразумную. Первой приписываетъ три способности: разумъ, чувство, слово; а второй страсти чувственныя. Разумъ есть неотдѣляемая часть Божественной природы. Онъ имѣетъ также свое слово, подобное слову Божію; и заключаетъ въ себѣ въ возможности всѣ формы. Душа существовала прежде тѣла; она свободна; какъ обложенная чувствами, она понимаетъ только предметы чувственные; но въ произвольномъ полѣтѣ, отрѣшаясь отъ грубыхъ органовъ, возвышается къ предметамъ умственнымъ. Этой свободы отъ узъ тѣлесныхъ желаетъ мудрый; и борьба съ чувствами составляетъ его занятіе; чрезъ созерцаніе человѣкъ просвѣщается и достигаетъ всѣхъ совершенствъ.

Нуменій Апамейскій старается представить яснѣе понятіе о троицѣ. Онъ различаетъ въ существѣ Божественномъ безтѣлесномъ, во первыхъ Бога первобытнаго, Верховнаго, неизмѣняемый, вѣчный и совершенный умъ, во вторыхъ Творца міра, умъ νϑς., который къ первобытному Богу относится, какъ его Сынъ, а къ міру какъ его Творецъ. Онъ допускалъ также невещественность и безсмертіе души.

§ 50.

ГНОСТИКИ.

Въ тожъ самое время, какъ эти ученые Іудеи покушались завладѣть греческою литературой, другіе преимущественно занялись преданіями Азіи. Они назывались Гностиками потому, что искали познанія γνωσις высшаго и сокровеннаго о Бытіи Божіемъ и началѣ міра. Нѣкоторыя секты Гностиковъ, усвоивъ различные восточные догматы, остались болѣе ими менѣе вѣрными догматамъ Іудейскимъ, а другія уклонились отъ оныхъ болѣе или менѣе явнымъ образомъ. Иные Гностики были открытыми врагами возникающему Христіанству; другіе, покушаясь завладѣть имъ, были для него гораздо гибельнѣе, они внесли въ него ереси, коими была обуреваема въ первые вѣки Церковь.

Симону Магику приписываютъ распространеніе ученія, которое называетъ Климентъ Александрійскій Восточною Философіею, а Евнапъ Философіею Халдейскою. Наименованіе Магикъ означало тогда ученика Маговъ, человѣка знакомаго съ тайными преданіями Азіи. Онъ жилъ у Самаритянъ, уже знакомыхъ съ различными Восточными догматами; начальники другихъ сектъ Гностическихъ Василидъ, Валентинъ, Карпократъ жили въ Александріи; они туда пришли изъ Персіи или Сиріи.

Извѣстнѣе всѣхъ изъ Гностиковъ былъ въ треть-

емъ вѣкѣ Манесъ Персіянинъ, начальникъ Манихеизма. Онъ раскрылъ восточную систему о двухъ началахъ, двухъ первыхъ существахъ-добромъ и зломъ, безпрестанно спорющихъ между собою. Другая секта Гностиковъ, признавая Бога единственнымъ началомъ, произвела изъ него, какъ изъ источника свѣта, различные чины свѣтлыхъ тварей или духовъ, называемыхъ Эонами. Вообще Гностики признавали матерію началомъ зла и твореніе самаго міра щитали отпаденіемъ отъ Существа Божественнаго. Это предположеніе было главною причиною заблужденій, которымъ подвержены были Неоплатоники Александрійскіе. Къ симъ главнымъ догматамъ присоединялось множество другихъ идей мечтательнѣйшихъ и дерзновеннѣйшихъ. Каждая изъ нихъ основывалась на мнимомъ откровеніи. Вообще воображеніе играетъ главную ролю въ Философіи восточныхъ жителей. Они любятъ составлять гипотезы и объяснять дѣйствія сверхъ-естественныя. Нравоученіе ихъ исполнено мечтаній сверхъ-естественныхъ, и прикована къ самому мелочному аскетизму.

§ 51.

КАБАЛЛИСТИКА.

Іудейское ученіе, извѣстное подъ именемъ Кабалистики, сходно съ ученіемъ гностиковъ. Это ученіе почиталось Мудростію Божественною, распространяемою и сохраняющеюся между Іудеями чрезъ тайное пре-

даніе. Исторія его наполнена баснями. Ему сперва училъ Раввинъ Акибга и ученикъ его Симеонъ Бенъ Іогай, прозванный искрою Моисея.

Въ этомъ ученіи совокуплены разсказы о началѣ всѣхъ вещей, какъ творенія Божія; въ немъ допускается, что всѣ существа природы произошли изъ первоначальнаго свѣта и по мѣрѣ удаленія отъ него умаляются въ совершенствахъ постепенно въ различной мѣрѣ. Все существующее имѣетъ природу духовную; и матерія, даже уголь есть только сгущеніе и помраченіе лучей свѣта, словомъ всякое существо Божественно.

Къ этому ученію объ истеченіи присоединены бредни о демонахъ, которыми занимается Магія; о четырехъ стихіяхъ душъ, объ ихъ образованіи и происхожденіи; наконецъ о человѣкѣ, какъ маломъ мірѣ. На основаніи послѣдняго мнѣнія допускается возможность познанія чрезъ вдохновеніе, гаданія, прорицанія, всѣ роды суевѣрія; вѣра въ сообщеніи съ Геніями высшаго рода, и въ возможность дѣйствовать ихъ силою; словомъ всѣ басни многихъ чудаковъ, но не чудотворцевъ.

§ 52.

МИСТИЧЕСКІЙ НЕОПЛАТОНИЗМЪ АЛЕКСАНДРІЙЦЕВЪ.

Платонъ училъ вѣрованію въ Единаго Бога, Духа

чистаго, вѣчнаго, безпредѣльнаго, всемогущаго, Бога благаго и правосуднаго, который все видитъ и предвидитъ, управляетъ міромъ, сотвореннымъ мыслію его ума; далѣе допускалъ міръ идеальный, единый, истинный, неразрушимый; духовность и безсмертіе души, которая съ собою приноситъ на землю врожденныя идеи о первыхъ началахъ; признавалъ награды и наказанія въ будущей жизни, научалъ любви къ Богу, высочайшему благу человѣческому, вѣрѣ, упованію, Богопочтенію и молитвѣ.

Но этѣ высокія истины, разсѣянныя въ различныхъ его сочиненіяхъ, и выраженныя весьма часто языкомъ темнымъ и аллегорическимъ, были доступны только нѣкоторымъ отличнымъ умамъ, пріуготовленнымъ долговременнымъ и усильнымъ образованіемъ. Религія Христіанская научаетъ симъ истинамъ всѣхъ людей языкомъ обыкновеннымъ и простымъ; она говоритъ сердцу, и по сему была понятна всѣмъ, и міръ тотчасъ покорился ей. По этому сходству Религіи Платоновой и главныхъ догматовъ христіанскихъ, по необходимости ученіе Платоново было высоко цѣнимо. Весьма многіе отцы Церкви, при покореніи Христіанской вѣрѣ языческихъ Философовъ, которые еще сопротивлялись ей, опирались на религію ученика Сократова. Св. Іустинъ, первый изъ отцевъ греческихъ даже сказалъ, что открытое нѣкогда Сократу Словомъ, было послѣ того открыто варварамъ тѣмъ же

самымъ Словомъ, которое содѣлалось человѣкомъ, и которое называется Христомъ. Итакъ философія Греческая должна была рано или поздо пропасть отъ Христіанства; но она не могла тотчасъ отказаться отъ себя самой, отречься отъ своихъ правъ, и покориться безъ спора. Борьба была продолжительна и поддерживалась съ обѣихъ сторонъ съ жаромъ. Духъ Греческій прежде покоренія явился въ послѣдній разъ въ своемъ блескѣ въ школѣ Александрійской.

Дабы сколько нибудь остановить распространеніе новой религіи, философы Александрійскіе должны были соединить между собою части Греческой философіи. Итакъ философія греческая въ Александріи въ это время должна была содѣлаться Эклектическою, — и она была таковою.

Мы уже замѣтили, сколько Аристотель былъ близокъ къ Платону, разсуждая объ истинахъ общихъ, безусловныхъ, необходимыхъ, и показали сходство между формами одного и идеями другаго. Итакъ должно было въ системѣ Аристотеля оставить тѣ положенія, которыя въ области познаній положительныхъ довѣряли опыту, и прилѣпиться къ тѣмъ, которыя разсуждали объ общихъ правилахъ, и заимствовать изъ нихъ опредѣленія сущности, понятія объ Энтелехіи; дабы согласить Аристотеля съ своимъ учителемъ. Онтологія Аристотелева вся способствовала новому Платонизму.

Но Эклектизмъ для школы Александрійской составлялъ цѣль внѣшнюю; истиннымъ свойствомъ философіи ея есть религіозный мистицизмъ. Такъ какъ цѣлію ея была цѣль религіозная, то сущность философіи должно было составлять, и въ самомъ дѣлѣ составляло умозрѣніе о свойствахъ Божественныхъ и объ отношеніяхъ Бога къ міру т. е. Теодицея. — Эта Теодицея мало извѣстна; ученый Бруккеръ непостигши всей глубины ея, судитъ объ ней съ предубѣжденіемъ; но Буле нѣсколько правосуднѣе къ ней; между тѣмъ и его сужденія не очень достаточны. Можно сказать, что исторія философіи первыхъ четырехъ вѣковъ послѣ Р. Х. требуетъ еще усовершенствованія.

Согласно плану настоящаго сочиненія, не имѣя возможности подробно излагать частныхъ ученій всѣхъ философовъ этого времени, мы сдѣлаемъ краткое очертаніе сей Теодицеи, которая составляла общую точку, вокругъ которой всѣ философы Александрійскіе вращаются, и которая, бывъ хорошо вырузамлена, уяснитъ нѣкоторымъ образомъ мнѣнія каждаго изъ нихъ въ особенности.

По мнѣнію Александрійцевъ вообще начало вещей Богъ, есть единица безусловная, чуждая всякой примѣси, и нераздѣлимая. Онъ, какъ безусловная единица, не можетъ имѣть свойствъ, качествъ, видоизмѣненій, потому что все это будетъ его раздѣлять; по сему его бытіе необходимо заключается въ чистой сущнос-

ти. Но не будетъ ли это Богъ Парменидовъ, Элеатическая единица, единица отвлеченная, безъ свойствъ и качествъ, которая безъ различія дѣлается духовнымъ основаніемъ души человѣческой, и подлежащимъ всѣхъ возможныхъ измѣненій матеріи, глыбы земли такъ какъ и души Катона? — Благодаря Бога этого ничего нѣтъ! Философія Греческая не подвиглась бы впередъ, если бы Александрія вновь воспроизвела школу Элеатическую, если бы Аммоній Саккъ и Плотинъ были ни что иное, какъ Парменидъ и Зенонъ. По ученію школы Александрійской, Богъ есть не только сущность чистая, но еще разумъ безусловный, сколько можетъ быть таковымъ разумъ, потому что разумъ, принимаемый въ этомъ смыслѣ, есть разумъ, знающій вещи неопредѣленныя, напримѣръ этотъ разумъ будетъ состоять въ познаніи Бога и самаго себя; разумъ составляетъ въ Богѣ вторую степень и второе отношеніе, подъ коимъ Богъ можетъ быть понимаемъ. Кромѣ сего, Бога должно понимать Всемогущимъ. — Это могущество, эта дѣятельность есть дѣятельность и могущество Творческія. Такимъ образомъ по мнѣнію Александрійцевъ Богъ троиченъ: Богъ самъ въ себѣ, Богъ, какъ разумъ, Богъ какъ могущество. Не тотчасъ можно видѣть недостатки этой Теодицеи, хотя она заключаетъ въ себѣ важное заблужденіе.

Представляя Бога, какъ разумъ, допускается въ немъ раздѣленіе: ибо познать себя можно не иначе,

какъ поставивъ себя предметомъ собственнаго познанія; по сему самому свойству разума вводится понеобходимости въ сущность Божескаго единства двойственность условіе мысли и свойство сознанія. Отселѣ или надобно допустить Единаго Бога безъ сознанія; или надобно согласиться на двойственность въ первоначальной единицѣ. Далѣе Богъ имѣетъ могущество, производящее только подъ условіемъ дѣйствованія безконечнаго и неограниченнаго; итакъ могущество допускаетъ въ дѣйствующемъ и обладающемъ имъ, безпредѣльную многосложность. По сему Александрійцы, почитавшіе Бога за совершенную единицу, присоединяя къ нему разумъ и могущество, тѣмъ самымъ вводятъ двойственность и многосложность въ единицу.

И такъ вотъ начало заблужденія въ этой Философіи: по мнѣнію ея многосложность, разность и двойственность начало разности, ниже единицы безусловной; а отсюда слѣдуетъ, что Богъ, какъ существо чистое и самобытное выше Бога, почитаемаго причиною, разумомъ и могуществомъ; а по сему могущество и дѣйствіе, разумъ и мысль ниже бытія независимаго, ниже безусловной единицы.

Этѣ непосредственныя слѣдствія неоднократно повторятся въ послѣдствіи.

Когда разумъ или существо, вводящія двойственность, представлены нисшими бытія самобытнаго; то что будетъ міръ? Міръ, согласно мнѣнію Александрій-

цевъ, не просто образованъ, какъ думали Стоики; но онъ есть истинное твореніе Божіе, исполненное разума и жизни; прекрасенъ, строенъ, безсмертенъ подобно своему Творцу. А отселѣ очевидно, что онъ, какъ исполненный разнообразія и многосложности ниже своего начала; посему міръ и твореніе суть отпаденіе отъ Божественнаго Существа. Еслибы Александрійцы захотѣли далѣе выводить слѣдствія; то они должны бы были сказать, что Богъ лучше бы сдѣлалъ, когда бы нетворилъ міра; должны бы были обвинять Бога и его природу; ибо эта природа, будучи разумомъ и могуществомъ, причиною, и вмѣстѣ единицею и существомъ, не могла не произвесть внѣ себя міра и разнообразія.

Если въ теодицеи Александрійской Богъ разсматриваемый, какъ чистая сущность выше Бога, разсматриваемаго, какъ могущество и разумъ; то и въ Психологіи ихъ душа человѣческая, разсматриваемая какъ чистая сущность должна быть выше души, разсматриваемой какъ разумъ. Первая и благороднѣйшая изъ ея способностей, по мнѣнію ихъ, состоитъ въ возможности возвышаться надъ разумомъ. Она достигаетъ этого посредствомъ дѣйствія, называемаго Александріцами, простотою, $\alpha\pi\lambda\omega\sigma\iota\varsigma$, т. е. приведеніемъ души къ состоянію сущности чистой, чуждой мысли и разума, къ единицѣ. Душа до этой простоты состоянія сущности и единицы доходитъ чрезъ ис-

тупленіе. Это слово происходитъ отъ Александрійцевъ; потому что оно было приведено въ правила, и поставлено основаніемъ умозрѣнія философскаго въ первый разъ только въ Школѣ Александрійской! Такая Психологія Александрійцевъ проистекла изъ ихъ Теодицеи; она тѣсно соединялась съ ихъ главною цѣлію, — съ цѣлію религіозною. Религія есть соединеніе человѣка съ Богомъ. Соединяется человѣкъ съ Богомъ чрезъ уподобленіе себя Богу; посему когда въ школѣ Александрійской Богъ былъ представляемъ единицею совершенною; то человѣкъ неиначе могъ уподобиться Богу, какъ имѣя возможность содѣлаться безусловною единицею.

Платонъ училъ, что человѣкъ долженъ уподобляться Богу, и что онъ уподобляется мыслію, идеями потому, что Богъ, по мнѣнію Платона, есть основаніе идей, λογος θειος. Когда Богу усвоенъ разумъ; то нравственность Платона неисключаетъ ни дѣйствія ни познанія. Но школа Александрійская Бога представляетъ въ образѣ совершенной единицы; посему нравоученіе и религія ея не могутъ не различествовать отъ нравоученія и религіи Платоновой. Платонъ полагалъ, что человѣкъ долженъ уподобляться Богу; этого было достаточно, по его мнѣнію; а школа Александрійская учитъ единенію человѣка съ Богомъ, ἑνωσις т. е. требуетъ разрушенія всего человѣческаго потому, что ежели человѣкъ, стараясь уподобиться Богу, возвышается

надъ обыкновенными условіями существованія; то онъ можетъ соединиться съ Богомъ неиначе, какъ поглощаясь и терясь въ немъ.

Изъ этого краткаго обозрѣнія началъ, служившихъ основаніемъ мистицизму Александрійцевъ, можно предвидѣть, какимъ заблужденіямъ понеобходимости они должны были подвергнуться. Первые Философы, преподававшіе этотъ мистицизмъ еще могли предохранить себя отъ оныхъ; но ихъ послѣдователи впали въ нелѣпыя суевѣрія.

§ 53.

АММОНІЙ САККЪ.

Основателемъ Александрійской школы историки почитаютъ Аммонія Александрійскаго, человѣка по происхожденію неизвѣстнаго, пропитывавшагося ремесломъ носильщика хлѣбовъ, отъ чего онъ и прозванъ Саккомъ. Имѣя сильную ревность, природную склонность и Энтузіазмъ къ наукамъ, онъ умѣлъ воспламенять таковое же усердіе во многихъ отличныхъ Философахъ, между коими знамениты были: Геренній, Оригенъ и Плотинъ. Онъ читалъ со вниманіемъ Платона и Аристотеля и рѣшился ихъ согласить, о чемъ старались уже и прежде его. Истина только одна, говорилъ онъ; посему великіе умы при исканіи оной не-

могутъ не встрѣтиться. Три послѣдніе изъ его учениковъ, о которыхъ мы упомянули, обязались держаться его ученія темнаго; первый нарушилъ данное обязательство, а другіе послѣдователи его примѣру.

Славный Лонгинъ, авторъ разсужденія о высокомъ, который училъ Греческой Литтературѣ злополучную Зиновію, и который погибъ жертвою своей приверженности къ этой царицѣ, учился у Аммонія. Однакожъ онъ возставалъ противъ введенія мистицизма въ Философію.

§ 54.

ПЛОТИНЪ.

Изъ учениковъ Аммонія значительнѣе всѣхъ Плотинъ, который привелъ въ порядокъ и раскрылъ таинственный Эклектизмъ. Его можно почитать истиннымъ авторомъ этаго Эклектизма. Плотинъ родился въ Ликополѣ, въ Египтѣ, около 205-го года, въ царствованіе Императора Александра Севера. Мѣсто его рожденія и состояніе его родителей неизвѣстны. Онъ самъ скрывалъ свое происхожденіе, и молчалъ о всемъ относившемся къ обстоятельствамъ его рожденія. Ученики его говорили, что небесный духъ хранитель, обитавшій въ его тѣлѣ, принужденъ былъ изъ своей высокой сферы сойти на землю. Рѣшительно и съ охотою онъ

сталъ упражняться въ философіи очень поздно. Ему было уже двадцать пять лѣтъ, какъ онъ началъ въ первый разъ заниматься ученіями философовъ различныхъ школъ, но въ нихъ онъ ничего не нашелъ удовлетворительнаго. Плотинъ, говоритъ его біографъ и ученикъ Порфирій, возвращался всегда печальный и задумчивый изъ школъ философскихъ, которыя онъ посѣщалъ въ столицѣ Египта. Одинъ изъ его друзей привелъ его къ Аммонію, и онъ, едва только выслушалъ его, воскликнулъ: „вотъ кого я искалъ.“ Дѣйствительно онъ руководствовался его методомъ въ своемъ собственномъ ученіи. Они оба совершенно сходствовали въ чувствованіяхъ и любомудріи. Плотинъ учился у Аммонія одиннадцать лѣтъ, до того самаго времени, какъ онъ восторженный похвалами, коими учитель его осыпалъ мудрость Маговъ и Браминовъ, самъ рѣшился путешествовать на востокъ, дабы почерпать мудрость въ самомъ источникѣ. Война Императора Гордіана съ Персами, представила ему случай исполнить это желаніе. Посему онъ вступилъ въ службу Римской Имперіи, будучи тридцати девяти лѣтъ, но онъ не достигъ своей цѣли, потому что походъ этотъ не имѣлъ успѣха, и онъ возвратился въ Римъ на 40 году своей жизни съ остаткомъ войска. Тамъ онъ тотъчасъ обнаружилъ свои чувствованія, и почитая тѣло темницею духа, носилъ одежду Пиѳагорейцевъ, воздерживался отъ всякой пищи мясной, наблюдалъ частые и суровые посты, и старался уединяться для того,

что бы безъ развлеченія предаться своимъ Философскимъ размышленіямъ. Десять лѣтъ онъ обучалъ публично, и его уроки привлекали необыкновенное множество слушателей и слушательницъ. Къ строгому наблюденію законовъ умѣренности и воздержанія онъ безъ сомнѣнія былъ расположенъ Философіею, изложенною нами выше, которая предполагая особенную силу въ отвлеченіяхъ и неслыханныхъ усиліяхъ воображенія, заставляла его быть хладнокровнымъ къ удовольствіямъ, выгодамъ и радостямъ настоящей жизни. Онъ уважалъ и любилъ въ каждомъ человѣкѣ только Божественнаго Генія, его воодушевлявшаго; любезными качествами онъ заслужилъ уваженіе двора и милость Императора Галена, который подарилъ ему мѣсто разрушеннаго города Кампаніи, съ тѣмъ, что бы, онъ построилъ его вновь, и что бы учредилъ въ немъ правленіе Платоново. Новое поселеніе должно было назваться Платоновымъ городомъ; но это предположеніе не исполнилось. Олимпій, врагъ Плотина, хотѣлъ навесть на мечтателя вредоносныя звѣзды: но звѣзды будто бы потекли назадъ! Жрецъ Изиды вызывалъ въ храмѣ Генія Плотинова — и будто бы явился самъ Богъ! Амелій приглашалъ Плотина принесть жертву Геніямъ. Философъ гордо отвѣчалъ: не я вамъ, а вы мнѣ слѣдуйте: Сенаторъ Рогадіанъ бросивъ должность и все имѣніе посвятилъ себя въ ученики Плотина — и будто бы, по сказанію самаго учителя, освободился отъ подагры.

Плотинъ совершенно преданный Энтузіазму и религіозному восторгу, не занимался изложеніемъ своихъ уроковъ на бумагѣ; его идеи на подобіе источника текли, выражались почти безъ соблюденія порядка, кратко и языкомъ необработаннымъ. Порфирій, любимый его ученикъ, получилъ позволеніе привести въ порядокъ его сочиненія; онъ ихъ раздѣлилъ и присовокупилъ къ нимъ нѣкоторыя примѣчанія въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ: *Эннеады*. Это сочиненіе есть разсужденіе о выспренней Метафизикѣ, самое полное, самое отвлеченное и удивительное. Порядокъ, въ которомъ Порфирій памѣревался изложить мысли своего учителя, есть только мнимый. Въ немъ матеріи перемѣшаны. Сочиненіе раздѣлено на шесть Эннеадъ; каждая Эннеада составлена изъ десяти книгъ. Первая содержитъ предметы нравственныя, вторая Физику; третія общія размышленія о всеобщихъ законахъ вселенной; четвертая разсматриваетъ душу человѣческую; пятая занимается разумомъ; шестая есть родъ краткаго обозрѣнія всего ученія.

Этѣ шесть Эннеадъ раздѣлены на три книги: въ первой заключаются три первыя Эннеады, во второй четвертая и пятая, въ третьей шестая. Въ раздѣленіи своемъ Порфирій руководствовался четырмя таинственными числами своей школы: единицею, двоицею, троицею и Эннеадою.

Въ сочиненіяхъ Плотина представляется съ малы-

ми отличіями истинное свойство Философіи Александрійской, выше изложенной. Историкъ Буле, строго разбирающій Плотина, почитаетъ его систему образцовымъ твореніемъ Философіи трансцендетальной. Это созерцаніе безконечнаго, эта простота души, это дѣйствіе иступленія, посредствомъ котораго душа можетъ соединиться съ Божествомъ, должно было по необходимости увлечь пылкое воображеніе Плотина за границы разума. Его система есть воображаемый міръ, гдѣ говорятъ и дѣйствуютъ Платонъ и Аристотель существа эѳирныя а не дѣйствительныя. Хотя нельзя его упрекать въ чрезмѣрностяхъ, въ которыя впали его послѣдователи, Ѳеургію и Магію поставившіе главнымъ своимъ занятіемъ; впрочемъ ненадобно забывать того, что Плотинъ, по словамъ Порфирія, якобы четыре раза видѣлъ Бога, и самъ Порфирій одинъ разъ на 68 году жизни. Безпечность о здоровьѣ разстроила тѣлесныя силы Плотина, и этотъ мнимый чудотворецъ покрытый гноемъ, кончилъ жизнь слѣдующими, выражающими его Философскій духъ словами: теперь мое Божественное соединится съ божественнымъ вселенной!

Главные вопросы, которые Плотинъ старался разрѣшить въ своей системѣ суть слѣдующіе:

1) *Какое должно имѣть понятіе о Богѣ?*

Плотинъ представляетъ Бога всесовершеннѣйшимъ

единствомъ. Должно быть высочайшее основаніе всякаго бытія жизни и ума, и это основаніе должно быть выше всякаго бытія жизни и ума. Оно есть источникъ ума, слѣд. не умъ; начало всекаго сознанія, слѣд. само безъ всякаго сознанія, безъ воли, безъ хотѣнія; оно выше всякой жизни, слѣд. не есть жизнь, не есть существо живущее; оно наконецъ выше всякаго бытія, выше всякаго существа, слѣд. не есть существо. Такимъ образомъ это начало есть нѣчто безкачественное. Чтобы ни приписали мы ему, все это ниже его, все это происходитъ отъ него и въ немъ не находится. Это основаніе есть единица, безъ которой не можетъ быть ни одного существа; единствомъ держится всякое тѣло, единствомъ живетъ душа, дѣйствуетъ умъ; слѣдовательно должна быть всеобщая первоначальная единица, отъ коей зависитъ всякое бытіе и всякая жизнь. Подобнымъ образомъ мудрствуетъ Шеллингъ: въ Богѣ есть основаніе Его бытія, это основаніе не есть самъ Богъ, а нѣчто, хотя не отдѣльное, но различное отъ него. Всѣ вещи имѣютъ свое основаніе въ томъ, что въ самомъ Богѣ не есть онъ Самъ, что есть основаніе собственнаго Его бытія. — Шеллингіанцы видимо подражаютъ Плотину, но хотятъ еще, такъ сказать, перемудрить его, стараясь утоньчить абсолютъ свой болѣе самой Единицы Плотиновой. Окенъ недостаточнымъ нашелъ названіе Единицы, и не устыдился сказать: всѣ положительныя количества происходятъ изъ нуля; слѣд. и всѣхъ вещей основаніе есть нуль. Оче-

видно, что Плотинъ и Шеллингіанцы умствуютъ не почеловѣчески; они представляютъ намъ Бога чуждымъ и для ума и для сердца: Бога, который не имѣетъ ни сознанія, ни ума, ни какихъ свойствъ и качествъ, кого мы не можемъ ни любить ни почитать. Метафизика ихъ безплодна и для Религіи и для нравственности, безполезна и для нравственной Философіи; ибо изъ начала безкачественнаго совершенно ничего нельзя вывесть. Къ ученію о *единомъ* Плотинъ присовокупляетъ слѣдующее замѣчаніе: душа человѣка должна сама собою безъ пособія ученія возноситься до созерцанія единаго; ибо не въ устахъ, или письменныхъ наставленіяхъ, но въ ней самой лежитъ къ тому основаніе. Она исходитъ отъ единаго какъ всеобщаго источника жизни, и живетъ въ вѣчномъ съ нимъ союзѣ. Здѣсь хотя и полагаетъ средостѣніе тѣлесная природа; но сіе не препятствуетъ душѣ дышать единымъ; ибо оно присуще всѣмъ и каждому. Во влеченіи къ нему состоитъ ея благо, и удаленіе отъ Него есть ея зло. И такъ по самому существу душа должна непрестанно стремиться къ соединенію съ Единымъ. Но ежели она продолжаетъ это стремленіе; ежели она усиливается отторгнуть себя отъ всего замнаго, дабы всею собой объять единое; ежели она удостоивается созерцать Его, сколь возможно сіе созерцаніе: тогда она зритъ себя какъ нѣчто исполненное свѣта выше-чувственнаго, или даже какъ самый чистый, чуждый тяжести, легкій свѣтъ, который теперь просіяваетъ, но снова омрачится, когда получитъ тяжесть.

2) Какъ изъ единаго Божественнаго начала произошло другое бытіе и держится досель?

Единое постоянно пребываетъ въ полномъ самодовольствіи. Всѣ вещи въ продолженіи своего бытія изъ внутренней своей силы, безъ всякаго измѣненія въ самихъ себѣ, даютъ бытіе внѣшнему, которое завися отъ нихъ, служитъ отпечаткомъ первообразной ихъ сущности; такъ напр. изъ постоянно пребывающаго существа солнца исходитъ свѣтъ безъ измѣненія въ самомъ солнцѣ, подобнымъ образомъ и при единомъ мы должны представлять нѣкоторую кругозарность, которая исходя изъ него, безъ измѣненія въ немъ самомъ, окружаетъ его какъ свѣтъ окружаетъ солнце. Такъ совершеннѣйшее отъ вѣчности раждаетъ нѣчто вѣчное, что будучи ниже его въ своемъ достоинствѣ, есть совершеннѣйшее послѣ его. И сіе совершеннѣйшее порожденіе единаго есть умъ, который ниже единаго; ибо онъ, созерцая свое начало, имѣетъ въ немъ нужду, тогда какъ самое единое не нуждается въ умѣ: но онъ превосходнѣе всѣхъ прочихъ вещей; ибо онѣ исходятъ отъ него и суть его порожденіе.

Умъ есть созерцаніе. Отъ преизобильной полноты Единаго произошло нѣчто другое, и сіе производное существо обратилось къ единому — воззрѣло на Него, и такимъ образомъ родился умъ. Здѣсь въ умѣ уже двойственность. Умъ имѣетъ для себя предметъ позна-

нія — и вотъ двѣ вещи познаемое и познающее. Въ умѣ различается сила мыслящая, самое дѣйствіе мышленія и мыслимые предметы, которые должны быть тождественны между собою. — Сіе разнообразіе умственной жизни должно связываться единствомъ. Мышленіе, какъ существенное дѣйствіе мыслящаго, не должно отдѣляться отъ силы мыслящей, ибо въ противномъ случаѣ сія сила могла бы мыслить и не мыслить, а слѣд. и мышленіе для нея было бы чемъ то случайаымъ. Равнымъ образомъ и мыслимый предметъ долженъ быть неразлученъ съ непрестанно мыслящею силою; ибо иначе не будетъ пищи для мышленія, или мышленіе безъ предмета будетъ ложно, а не истинно. По началу единства умъ дѣлается существомъ непрестанно мыслящимъ и при томъ такимъ, которое объемля за одинъ разъ всѣ предметы, когда созерцаетъ ихъ, то созерцаетъ себя самаго и обратно. По началу разнообразія тотъ же самый умъ находится въ непрестанномъ движеніи разнообразнаго мышленія, и такимъ образомъ всегда пораждаетъ что либо новое. Онъ находится въ непрестанномъ какъ бы странствованіи по области истины, и на каждомъ шагу во внутреннемъ кругѣ своего дѣйствованія всегда встрѣчаетъ что либо другое, ежели бы не было сей многоразличности, то очевидно умъ долженствовалъ гдѣ либо успокоиться, и потому пересталъ бы мыслить; что не возможно. И такъ умъ заключаетъ въ себѣ множественную разнообразность вещей и есть мыслимый міръ, гдѣ всѣ живетъ въ со-

вершенномъ согласіи и гармоніи. Здѣсь находится множество идей и каждая идея не иное что есть, какъ вещъ сама въ себѣ; каждая вещь мысленнаго міра есть дѣйствіе умнаго мышленія и потому опытъ есть умъ, но умъ не всеобщій, а частный. — И сей-то мысленный міръ есть чертежъ и образъ міра чувственнаго. Посему все то, что живетъ въ мірѣ чувственномъ, заключается уже и въ мірѣ мысленномъ. Здѣсь есть также небо усѣянное звѣздами, — земля со всѣми возможными растѣніями и животными, воды и море со всѣми водными жителями, воздухъ со всѣми своими обитателями. Но все это не находится въ высочайшей чистотѣ и совершенствѣ. Истина составляетъ пищу и существо сего міра. Здѣсь жизнь есть мудрость, но мудрость не пріобрѣтенная посредствомъ изысканій, а первоначальная, ни откуда не производимая т. е. самое бытіе есть мудрость. Здѣсь все открыто всему, и каждое существо видитъ все и знаетъ все чрезъ непосредственное созерцаніе. Поелику же сіи мысленныя существа суть ни что иное, какъ живыя мысли ума разнообразнаго въ своихъ видахъ мышленія, но всегда одинаковаго и въ самомъ разнообразіи; то естественно слѣдуетъ, что и сіи обитатели умнаго міра должны быть одинаковы и вмѣстѣ различны. И такъ онѣ общее имѣютъ то, что каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ все, такъ что все есть повсюду, и не только цѣлая совокупность есть все, но и каждая опредѣленная мыслимая вещъ есть все. Но что касается до ихъ

различія; то очевидно, что онѣ существуя въ умѣ, и потому не отдѣляясь между собою въ пространствѣ, должны между собою различаться только своими собственными качествами, и сіи качества суть ихъ бытіе; поелику же тамъ, гдѣ есть образъ или форма, предполагается нѣчто образуемое; то сіе образуемое есть превыше чувственная матерія мысленнаго міра т. е. та самая неопредѣленная чистая возможность всѣхъ существъ, которую созерцаетъ умъ въ Единомъ. Такъ посредствомъ дѣятельности и творческой силы ума происходитъ мысленный міръ, существующій въ умѣ.

На томъ же основаніи, что каждая вещь изъ внутренней своей силы пораждаетъ нѣчто другое внѣ себя, умъ пораждаетъ также нѣчто менѣе совершенное нежели онъ самъ, но совершеннѣйшее послѣ себя. Сіе произведеніе ума есть душа. И такъ душа стоитъ на третьей степени отъ Единаго. Она также мыслитъ; но ея мышленіе не столь ясно, какъ мышленіе ума, ибо она созерцаетъ предметы не въ себѣ самой, но въ другомъ т. е. въ умѣ. Ея дѣйствія не суть дѣйствія внутреннія, но изливающіяся во внѣшность. Наконецъ ея силы двоякаго рода: Однѣ направлены къ горнему, каковъ умъ, а другія долу, кои сообразно мысленному міру дѣйствуютъ на матерію, и сіи низшія силы обращенныя къ матеріи и образующія оную суть чувственность и растительность. И такъ, по мнѣнію Плотина, мышленіе или созерцаніе составляетъ главную и коре-

ную силу всего сущаго такъ, что въ созерцаніи состоитъ сущность бытія. Не только умъ живетъ потому что созерцаетъ и мыслитъ; но и вся природа видимая живетъ созерцаніемъ и для созерцанія. Вѣчное дѣйствіе природы имѣетъ цѣлію познаніе: ибо все что въ ней ни производится, имѣетъ опредѣленную форму, или что тоже, мысль, которая образуя матерію дѣлаетъ ее предметомъ познанія. Но здѣсь не должно разумѣть созерцанія чувственнаго, въ которомъ предметъ находясь внѣ созерцающаго, предшествуетъ созерцанію. Напротивъ мышленіе, которое одушевляетъ всю природу, которое составляетъ сущность и животнаго и растѣнія и камня и вообще насѣкомыхъ тварей — есть мышленіе умное, гдѣ предметъ лежитъ уже въ самой созерцающей силѣ, и соединенъ съ нею тѣснѣйшимъ образомъ. Каждое произведеніе природы совершается уже по предварительному представленію предмета, присущаго силѣ мышленія, которое одушевляетъ природу. И такъ созерцаніе есть причина всякаго бытія, и послѣдняя цѣль всякаго дѣйствованія и стремленія. Но сія главная сила жизни имѣетъ многія степени, смотря по степени темноты или ясности созерцаній. Она слабѣе дѣйствуетъ въ растѣніи, нежели въ животныхъ и т. д.

Высочайшая степень умной жизни принадлѣжитъ уму, который взирая на чистую возможность всего сущаго въ единомъ, даетъ ей опредѣленное бы-

тіе въ собственныхъ мысляхъ, и, не изходя внѣ самаго себя, живетъ во внутреннемъ блаженномъ созерцаніи. Все прочее, что ниже ума, начинаетъ постепенно утрачивать сію крѣкость мышленія, и потому неиначе можетъ мыслить, какъ изводя свои созерцанія во внѣшніе образы. Душа будучи болѣе слаба и менѣе совершенна нежели умъ, не могла успокоиться въ созерцаніи идей, составляющихъ внутреннюю жизнь ума, но подобно Геометру, которой свое мышленіе ограничиваетъ внѣшними очертаніями, изобразила сіи идеи внѣ себя. При непрестанномъ дѣйствіи души произошли безчисленные виды другихъ душъ, одаренныхъ тою же силою внѣшняго мышленія, но различныхъ по своимъ качествамъ и степенямъ созерцанія.

Душа и тѣло, форма и матерія никогда не были различны между собою, ибо все сущее вѣчно. Но представляя себѣ раздѣльно вѣчный порядокъ образованія міра, можно усматривать слѣдующую постепенность: Единое не пребываетъ существомъ, замыкающимся въ себѣ самомъ, но оно разливается отъ полноты жизни и пораждаетъ бытія другія. Такъ произошелъ умъ и душа. Но съ предположеніемъ сего постепеннаго развитія жизни, получается нѣчто послѣднее, послѣ чего ничто уже болѣе не возможно. И сіе самое есть матерія, которая не имѣетъ ничего болѣе отъ единаго и совершеннаго, и потому есть нѣчто неопредѣленное, въ которомъ уничтожена всякая дѣйствительность. На семъ

послѣднемъ предѣлѣ жизни душа усматриваетъ мракъ и образуетъ его внѣшнею силою мышленія, производитъ для себя свѣтло-мрачную храмину или темницу, которая есть тѣло. И такъ, по мнѣнію Плотина, матерія есть необходимое слѣдствіе продолжающагося раскрытія единой коренной силы, коея дѣйствія въ безконечномъ низхожденіи всегда порождаютъ нѣчто худшее и менѣе совершенное, пока наконецъ являются произведенія, въ коихъ первоначальный свѣтъ изчезаетъ, и начинается тѣнь совершенно противоположная своему благому началу. Соображая все сказанное Плотиномъ о произхожденіи міра, видимъ, что все сущее по вѣчнымъ и необходимымъ законамъ жизни изтекло изъ единаго и утверждается во единомъ. — Плотинъ представивъ себѣ безкачественную единицу, принужденъ былъ въ эту пустую мечту вносить качества за качествами, единицы за единицами. Ласкательствуя язычникамъ, онъ населилъ видимый міръ матеріальными Богами, какъ то солнцемъ, луною и звѣздами и воображаемый неограниченными Геніями. Но эти Боги Плотина, составляя одинъ Божественный умъ, — какъ мысли, разумъ, могутъ ли составлять верховнаго, перваго и единаго Бога?

3) *Въ какомъ взаимномъ соотношеніи къ Богу состоятъ всѣ существа производныя?*

Міръ, какъ совокупность всего дѣйствительнаго,

есть связное цѣлое, одаренное жизнію, и потому есть одно великое животное. Сія великая цѣлость состоитъ: 1) изъ начала всякаго бытія т. е. первоначальной единицы, содержащей въ себѣ основаніе всего возможнаго; 2) изъ первоначальнаго ума, который какъ первая сила внутренняго мышленія есть главное начало познанія, и потому опредѣленнаго бытія, и наконецъ 3) изъ души какъ начала внѣшней жизни обнаружившейся и разлившейся въ безчисленныхъ степеняхъ видимыхъ тварей. Отсюда произошли двѣ существенныя части міра; одна мысленная, которая заключаетъ въ себѣ совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ существъ въ ихъ высочайшемъ совершенствѣ и неизмѣняемости; другая чувственная, которая есть отпечатокъ перваго и объемлетъ всю совокупность бытій измѣняемыхъ. Умъ и душа составляютъ два главныя основанія сихъ двухъ частей міра, и каждое отдѣльное существо той и другой части относится къ уму или душѣ, какъ видъ къ своему роду. Посему каждое недѣлимое бытіе носитъ на себѣ печать своего рода, который проникаетъ и наполняетъ собою всѣ подчиненные ему виды. Каждое недѣлимое существо въ мірѣ мысленномъ или чувственномъ, не смотря на свое различіе отъ другихъ существъ, заключаетъ въ себѣ все и представляетъ изъ себя сокращенный міръ, одушевляемый умомъ или душею.

По мнѣнію Плотина вся видимая природа держит-

ся силою невидимаго міра, который присущъ всѣмъ и каждому недѣлимому предмету въ мірѣ чувственномъ. Здѣсь каждое отдѣльное существо получаетъ силу жизни и бытія изъ горняго міра. И потому-то все, что ни имѣется въ чувственной природѣ, есть только образецъ той совершенной жизни, которая сокрыта во внутреннемъ мышленіи ума.

Но какъ по образцу мысленнаго міра, который есть чистое бытіе и жизнь ума, душа могла произвесть такой міръ, гдѣ является жизнь противоположная жизни умной? Въ составъ видимой природы входятъ неразумныя животныя, растенія, камни и тому подобныя; спрашивается: можетъ ли быть взаимное согласіе двухъ міровъ въ семъ отношеніи?

Въ природѣ, отвѣчаетъ Плотинъ, нѣтъ ничего такого, чтобы было чуждо ума. Животныя, почитаемыя нами за неразумныя, только кажутся неразумными, и все затрудненіе состоитъ только въ томъ, что они иначе обнаруживаютъ свой разумъ, нежели люди. Но не справедливо было бы заключать изъ сего, что они чужды умной жизни: ибо извѣстно, что виды ея безчисленны. Такъ на прим: и самый видимый человѣкъ живетъ иначе, нежели какъ живетъ человѣкъ мысленный; здѣсь умъ его обнаруживается въ заключеніяхъ и выводахъ, а тамъ дѣйствія ума несравненно возвышеннѣе умозаключеній; ибо состоятъ въ непосредствен-

номъ созерцаніи. Вообще существо мыслящее о животномъ есть умъ, и самое мышленіе о животномъ есть умъ. Но ежели въ умѣ мышленіе и мыслимый предметъ тождественны; то какъ же могло мыслимое оставаться чемъ либо неразумнымъ? Въ такомъ случаѣ самый умъ пересталъ бы быть умомъ. И такъ всякая жизнь, какъ видъ умнаго дѣйствія, никогда не должна быть представляема чуждою ума. Справедливо то, что при дальнѣйшемъ развитіи сей умной жизни она постепенно утрачиваетъ часть своего совершенства; но при всемъ томъ жизнь, какъ жизнь всегда остается умною до послѣдняго своего предѣла, которой оканчивается внѣшними предѣлами. Посему не только животныя, но и растѣнія, камни, самый огонь, воздухъ, вода и все видимое исполнено ума, живетъ и держится его силою. Здѣсь все растетъ и образуетъ себя по извѣстной идеѣ изъ нѣкоей внутренней силы, присущей каждому недѣлимому. И потому все есть произведеніе силъ мыслящихъ, кои тѣмъ только отличаются отъ совершеннѣйшихъ силъ горняго міра, что сіи послѣднія живутъ въ себѣ самихъ тогда, какъ первыя изводятъ себя во внѣшность и образуютъ для себя видимые предметы такъ, что матерія есть ни что иное, какъ осадка души, а духъ есть истонченный экстрактъ матеріи.

Такимъ образомъ въ цѣлой совокупности существъ разлита жизнь и свѣтъ ума, который самъ произошелъ изъ единаго всесовершеннаго и чистѣйшаго начала. По

сему все сущее должно быть чисто и совершенно, должно быть чуждо всякаго зла, которое не имѣя мѣста въ чистой возможности единаго, не можетъ имѣть мѣста и въ бытіи опредѣленномъ.

4) *Но, ежели сіе заключеніе и оправдывается міромъ мысленнымъ, то ему противорѣчитъ міръ чувственный, гдѣ нельзя не примѣчать явленій, совершенно противоположныхъ всему благому и доброму: откуда же зло?*

Ежели ни одно существо, по чистотѣ своего произхожденія изъ совершеннаго начала, не можетъ быть первоначальнымъ зломъ: то очевидно, что его надлежитъ искать въ чемъ либо такомъ, что чуждо всякаго бытія, и не имѣетъ въ себѣ никакой опредѣленной формы и качества. Но такова есть матерія. И такъ въ ней сокрыто первое основаніе зла. Каждая душа недѣлимая не можетъ быть злою сама въ себѣ, но дѣлается таковою, поколику она въ соединеніи съ тѣломъ подчиняется владычеству зла, влекущаго ее къ матеріи. Доколѣ она преклоняется на сторону ума, дотолѣ она свободна отъ всѣхъ недостатковъ, и пребываетъ чистою и совершенною: но выходя изъ сего состоянія и обращаясь къ неопредѣленной и безкачественной, матеріи, она сама наполняется неопредѣленностію и созерцаетъ тьму вмѣсто свѣта. Посему люди не были сами первою причиною зла. Мы обыкновенно не охотно

пріемлемъ въ себя зло, обремѣняющее душу, можемъ избѣгать его и господствовать надъ нимъ при пособіи высшей намъ присущей силы, не заключающейся въ матеріи. Сихъ явленій довольно, что бы увѣриться въ томъ, что зла искать надобно внѣ человѣка.

И такъ зло по мнѣнію Плотина первообразное и производное. Первое раждается вмѣстѣ съ матеріею, и потому таже самая трудность, каковая встрѣчается въ его системѣ при производствѣ матеріи, встрѣчается и здѣсь. Матерія есть необходимое слѣдствіе дальнѣйшаго развитія жизни: то же самое происхожденіе и ту же самую необходимость имѣетъ и первообразное зло. Ясно, что въ семъ пунктѣ заключалось явное противорѣчіе цѣлой системы, которая никакъ не соглашалась допустить, что бы вмѣстѣ со всемъ благимъ и добрымъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ цѣлаго міра, въ естественномъ и необходимомъ порядкѣ происходило коренное и первоначальное зло. Для избѣжанія сей несообразности Плотинъ не хотѣлъ принять ученія Гностиковъ, производившихъ зло отъ положительнаго уклоненія воли одного изъ началъ міра. Но тѣже самые неудоборазрѣшимые вопросы, каковые, по его замѣчанію, вытекали изъ ученія Гностиковъ съ большею запутанностію представляются тамъ, гдѣ онъ кореннымъ основаніемъ зла называетъ матерію. Ибо что значитъ сія матерія? Ежели она есть необходимая тѣнь, долженствовавшая окончить разширеніе свѣта жизни,

и свѣтъ сей не могъ имѣть другаго для себя предѣла кромѣ матеріальнаго зла: то значитъ, что и самое зло естественно раждается вмѣстѣ съ міромъ, и имѣетъ уже для себя основаніе въ его началахъ, по крайнѣй мѣрѣ въ томъ отношеніи, что сіи начала не могли дать лучшихъ предѣловъ жизни. Но ежели сіе безкачественное зло матеріи есть нѣчто постороннее въ разсужденіи самой жизни, и сія послѣдняя при своемъ развитіи только вытѣсняла далѣе и далѣе сіе отрицательное начало зла: то не смотря на отрицательный его характеръ, уже потому самому, что допускается его вліяніе на сопредѣльную жизнь, нельзя не принять его вторымъ началомъ образованія міра. А въ такомъ случаѣ вводится дуализмъ; что составляетъ новое противорѣчіе въ системѣ Плотина.

Міръ чувственный не совершенъ по самой степени своей жизни, но какъ произведеніе благаго начала, онъ совершенъ столько, сколько могла вмѣстить его природа. Зло физическое есть только мнимое, и какъ необходимая постепенность въ явленіяхъ жизни, перестаетъ быть зломъ истиннымъ. Сіе мнимое зло имѣетъ даже свою пользу для цѣлаго и потому служитъ доказательствомъ Высочайшаго всемогущества, которое умѣетъ здѣсь и самое зло обращать въ добро. Сію послѣднюю мысль Плотина трудно согласить съ его системою. Какая польза для силы мыслящей, которая есть главная въ цѣломъ, какая для нее польза, что

матерія въ чувственномъ мірѣ иногда затмѣваетъ внѣшнюю мысль и препятствуетъ ей дѣйствовать свободно и чисто, въ чемъ собственно состоитъ зло по системѣ Плотина. Да и какъ обратить сіе въ добро? Такъ ли, что сила мыслящая послѣ сего яснѣе представитъ себѣ предметъ? Но по понятію Плотина она не можетъ усовершиться чемъ либо внѣшнимъ и предметы внутри её Енн. III. кн. II. гл. 3 — 5.

Далѣе Плотинъ, вѣрно слѣдуя своему понятію о причинѣ зла, полагаетъ, что основанія нравственной порчи не должно искать въ волѣ человѣка, но внѣ его, отъ сочетанія съ тѣломъ необходимо произходятъ злыя пожеланія, и вообще раждается множество причинъ, имѣющихъ вредное вліяніе на волю человѣка. Отсюда малое не примѣтное склоненіе къ злу легко увеличивается, возрастаетъ и наконецъ умъ дѣлаетъ преступнымъ безъ всякаго участія воли.

Судя по сему отвѣту, естественно заключить, что причина зла нравственнаго лежитъ во внѣшней силѣ мышленія т. е. душѣ міра. Ибо, ежели бы человѣкъ не былъ сопряженъ съ тѣломъ, то онъ остался бы чуждъ пороковъ, но душа извела его во внѣшній міръ, и здѣсь онъ становится невольно порочнымъ по причинѣ своего сообщенія съ злою матеріею.

Но, если по понятію Плотина самое изведеніе мыс-

лей во внѣшность есть необходимое свойство души; то нѣтъ болѣе нужды сказывать, что основаніе нравственнаго зла лежало уже и въ самыхъ благихъ началахъ міра, такъ что безъ содѣйствія сихъ началъ матерія не имѣла бы силы ввести зло въ природу. Плотинъ старается какъ бы оправдывать сіи начала, покушаясь уменьшить гнусность нравственнаго повреждения. Въ семъ намѣреніи онъ обнаруживаетъ мысль, что между нравственною добротою и зломъ различіе состоитъ въ одной степени, что міръ есть великая драма, которая требуетъ различныхъ ролей, и что Богъ, какъ Творецъ цѣлаго, назначилъ для сего каждой душѣ недѣлимой имѣть мѣсто, дѣйствованіе и образъ поступковъ. Енн. III. кн. II. гл. 13. Но кромѣ того, что подобная мысль ни мало не уничтожаетъ упомянутой несообразности съ цѣлою системой, при строгомъ изслѣдованіи она легко приводитъ къ фатализму и освобождаетъ человѣка отъ вмѣняемости его дѣйствій.

Казалось, что и самъ Плотинъ не доволенъ былъ собственнымъ своимъ отвѣтомъ, и посему даетъ другой, совершенно противоположный первому. Человѣкъ говоритъ онъ, самъ виновникъ зла; ибо онъ имѣетъ свободу и можетъ самъ собою опредѣлить свою волю къ дѣйствіямъ. Справедливо то, что зло имѣетъ внѣшнія причины, но онѣ не уничножаютъ нашей свободы, которая необходимо принадлежитъ къ самому существу человѣка гл. 9 — 10. И что по видимому справед-

ливѣе сего рѣшенія! Но сія справедливая сама въ себѣ мысль есть постороннія въ цѣлой философіи Плотина. И въ самомъ дѣлѣ сколь ни тонки, остроумны и основательны примѣчанія сего Философа на фаталическія системы, сколь ни сильны его убѣжденія, что ни одна философія не должна вооружаться и испровергать свободу души человѣческой, какъ не обходимое условіе нравственныхъ поступковъ, и наконецъ сколь ни справедливъ его приговоръ, что всякое ученіе, оспориваюшее свободу, должно быть ложно; но все сіе есть нѣчто отдѣльное отъ его философіи, и не имѣя мѣста въ ней самой, составляетъ особое ученіе неиспровергающее его систему. Ибо ежели мысленный міръ Плотина, въ коемъ все необходимо, есть истеченіе первосущаго, равно какъ и міръ чувственный есть истеченіе міра мысленнаго, а совокупность обоихъ міровъ, равно какъ и всего въ нихъ сущаго, не будучи произведеніемъ существа, дѣйствовавшаго на основаніи извѣстныхъ цѣлей, есть необходимое и чуждое всякаго сознанія слѣдствіе первоначальной жизни; ежели по сему во всей вселенной есть такая связь и единство, что и самое отдаленное близко ко всему другому и ни одна часть не можетъ дѣйствовать, не приводя въ движеніе цѣлаго; наконецъ ежели на семъ основаніи имѣетъ мѣсто магія и гадательная наука: то очевидно, что въ такомъ сцѣпленіи существъ, гдѣ все посредствомъ единой хотя мысленной, но механической силы сочетается въ единую жизнь, уничтожается всякая свобода

и разнообразіе въ нашей жизни. Такая Психологія и практика, уничтожая всякую нравственность, одинаково вредна какъ для Мусульманина, такъ и для всякаго человѣка. И солнце и червячекъ, и высочайшая добродѣтель, и отвратительное злодѣйство, — все это, по мнѣнію Плотина, также необходимо, — какъ необходима его единица! Отъ чтенія подобныхъ теорій, не очищенныхъ судомъ Философскимъ, основательный человѣкъ можетъ потерять время, а скудоумный лишиться и послѣдней искры здраваго разсудка.

§ 55.

ПОРФИРІЙ.

Порфирій родился въ 233 году въ Батаніи, въ Тирской колоніи въ Сиріи, и на сирскомъ языкѣ назывался Мальхомъ. Онъ учился первоначально у Лонгина, вѣроятно въ Аѳинахъ, гдѣ этотъ отличный критикъ былъ Профессоромъ. Въ этой школѣ онъ почерпнулъ расположеніе къ ясному и точному выраженію, къ здравой критикѣ, которую онъ даже ввелъ въ Философію. Отличившись въ своемъ отечествѣ, онъ пожелалъ видѣть Римъ, гдѣ познакомился съ Плотиномъ. Съ этого времени судьба его рѣшилась; и онъ совершенно предался Философіи. Пылкое воображеніе и меланхолическій темпераментъ расположили его къ Философіи подобной Философіи Плотина. Погружаясь

въ состояніе изступленія, необходимое, по его мнѣнію, для хорошаго философствованія, онъ вѣрилъ дѣйствительности привидѣній, вымышляемыхъ его пылкимъ воображеніемъ. Эта же живая вѣра отражается въ его повѣствованіяхъ, о тѣхъ явленіяхъ, которыя видѣлъ его наставникъ, и чудесахъ имъ произведенныхъ.

Онъ размышлялъ о сочиненіяхъ древнихъ Мудрецовъ, и особенно о сочиненіяхъ Платона и Аристотеля. Отъ него намъ достались толкованія на сочиненія философа Стагиритскаго. Его введеніемъ въ Категоріи Аристотеля съ особеннымъ стараніемъ занимались философы среднихъ вѣковъ. Александрійская философія имѣла тогда ужасныхъ враговъ въ Гностикахъ и Христіанахъ. Порфирій сражался съ тѣми и другими. Споръ съ первыми былъ не очень опасенъ, на противъ споръ съ послѣдними былъ опаснѣйшій и труднѣйшій.

Порфирій усвоилъ себѣ всѣ существенныя идеи Плотина; онъ старался только дополнить различныя части его системы, усилить ихъ и утвердить ихъ на незыблемыхъ основаніяхъ. Плотинъ сказалъ, что души животныхъ также одарены разумомъ; ибо сущность души одинакова. Порфирій пыталъ подтвердить этотъ догматъ доказательствами опытными, которыя онъ заимствовалъ отъ Аристотеля, Стратона Физика и Плутарха. Онъ подобно своему учителю доказываетъ, что душа есть существо простое, недѣлимое и не-

протяженное; но вмѣсто того, что бы поставить тѣло сѣдалищемъ души, онъ поставляетъ тѣло и душу въ простое отношеніе, не соединяя существенно души съ тѣломъ. Это отношеніе состоитъ въ силѣ души, ограничивающей тѣло. А поелику эта сила подчинена душѣ, то она имѣетъ умственное протяженіе, посредствомъ котораго удобно соединяется съ тѣломъ. Душа можетъ дѣйствовать также въ отдаленіи отъ мѣста, ею занимаемаго, и тѣлеснаго соприкосновенія для нее не нужно; потому что не имѣя протяженія и частей она можетъ существовать всюду. Онъ обработалъ такъ же ученіе о душахъ или геніяхъ посредствующихъ между человѣкомъ и Божествомъ. Болѣе замѣчательныя положенія, которыми Порфирій старался объяснить мистическій Пантеизмъ Плотина суть слѣдующія:

I. Всякое тѣло существуетъ въ какомъ нибудь мѣстѣ, тогда какъ его безтѣлесное ни находится ни въ какомъ мѣстѣ.

II. Безтѣлесное уже потому самому, что оно совершеннѣе всякаго тѣла и пространства, существуетъ повсюду и при томъ какъ недѣлимое; и не такъ, какъ будто бы одна его часть заключалась въ такомъ, а другая въ другомъ мѣстѣ.

III. Поелику безтѣлесное существо не смѣшивается съ тѣлами, то оно, будучи присуще тѣламъ, не

приражается къ нимъ своею собственною природой, какъ обыкновенно что либо протяженное къ протяженному.

IV. Тѣло не можетъ ограничивать безтѣлеснаго, какъ бы замыкая его въ себѣ: ибо тѣло не можетъ вмѣстить въ себя и положить собою границы тому, что не имѣетъ протяженія, какъ напримѣръ безтѣлесному.

V. По сему безтѣлесное существуетъ повсюду, не заключаясь никакимъ пространствомъ. И ежели когда оно поставляется въ какомъ либо мѣстѣ, то здѣсь оно живетъ только особенною силой, само будучи вездѣ. Такъ ежели оно одушевляетъ какое либо тѣло, то не входитъ въ него цѣлымъ существомъ, но дѣйствуетъ на оное чрезъ непостижимыя исходящія отъ него силы, оставаясь въ полной свободѣ продолжать, или прекратить свое соединеніе съ тѣломъ.

VI. Не должно себѣ представлять, что будто бы всякое существо, дѣйствующее на другое, непремѣнно должно дѣйствовать чрезъ соприкосновеніе и вблизи, но возможно дѣйствіе и въ отдаленіи.

VII. Безтѣлесное не можетъ претерпѣвать никакого измѣненія. Ибо во всемъ измѣняемомъ предполагается, что оно можетъ получать какое либо качест-

во, коего не имѣетъ до своего измѣненія. Кромѣ сего всякое измѣненіе есть постепенное разрушеніе, и слѣд: все измѣняющееся должно быть преходяще. Но сего нельзя сказать о безтѣлесномъ, коему не можетъ быть приписаиа ни какая перемѣна бытія; но должно принадлежать что либо одно, или полное бытіе, или совершенное небытіе.

VIII. Все безтѣлесное имѣетъ жизнь, и притомъ внутреннюю, существенную жизнь безъ всякаго измѣненія. Но поелику жизнь состоитъ въ переходѣ отъ дѣятельности къ дѣятельности, то очевидно, что и въ самомъ неизмѣняемомъ бытіи безтѣлеснаго долженъ быть переходъ. Впрочемъ сей переходъ не есть какое либо измѣненіе. Ибо онъ долженъ быть таковъ, что предшествующая дѣятельность простираясь впредь, остается и твердо пребываетъ въ самой себѣ. А отсюда безтѣлесныя существа и тогда, когда порождаютъ что либо другое, сами не утрачиваютъ ничего, но остаются въ тойже полнотѣ бытія. И такимъ образомъ раждаютъ, не будучи измѣняемы.

IX. Каждое существо, порождающее другое существо, всегда производитъ нѣчто меньше себя. и слѣд:

X. Всякое рожденное по самой природѣ своей обращается къ роду.

XI. Чтожъ касается до существъ раждающихъ,

го сіи иногда обращаются, а иногда не обращаются къ своимъ произведеніямъ, или и то и другое дѣлаютъ отчасти.

XII. Безтѣлесныя существа безъ всякаго противорѣчія могутъ быть представлены разнородными. Есть безтѣлесныя существа, предшествующія тѣламъ; другія имъ современны; однѣ сопряжены съ тѣлами, другія существуютъ отдѣльно; однѣ имѣютъ нужду въ другихъ, другія живутъ независимо сами собою; одни въ дѣйствіяхъ и явленіяхъ жизни всегда одинаковы, другія нѣсколько разнообразны.

XIII. Одному уму принадлежитъ отрѣшенно нераздѣлимая безтѣлесная сущность. Качества и Формы нераздѣлимы въ самихъ себѣ, но становятся раздѣлимыми въ тѣлахъ. Душа по существу своему занимаетъ средину между умомъ и сими качествами.

XIV. Въ цѣломъ мірѣ есть два пути, — нисходящій и восходящій. Когда безтѣлесныя субстанціи нисходятъ, то по оскудѣнію въ силѣ раздѣляются на многія недѣлимыя; когда же восходятъ, то по воспольненію силы паки совокупляются съ единицами.

XV. Все обращается къ своему началу. Тѣла міра обращаются къ душѣ — и отсюда раждается кругообразное движеніе въ видимой природѣ. Душа міра са-

ма обращается къ уму, а сей къ первоначальному источнику жизни.

Такимъ образомъ все по средствомъ возвышенія, по мѣрѣ собственной силы приближается къ сему первосущему. Но въ семъ общемъ возвышеніи только совершеннѣйшія бытія достигаютъ послѣдняго конца своихъ стремленій. Напротивъ другія, хотя имѣютъ подобную силу, обращаясь къ своимъ порожденіямъ, уклоняются отъ цѣли, и, увлекаясь матеріею, подвергаются грѣхопаденію.

Порфирій вмѣстѣ съ Плотиномъ защищаетъ безтѣлесность души, и изключаетъ изъ нее всякое протяженіе и дѣлимость. Правда, согласно съ цѣлою системою произвести изъ одной души всѣ прочія души, нельзя было не говорить о множествѣ ея частей, но онъ дѣлаетъ примѣчаніе, что подъ симъ не должно разумѣть частей, положенныхъ одна внѣ другой, изъ чего собственно слагается протяженіе, а только надобно представлять разнообразіе силъ, способностей и дѣйствій.

Какъ тѣла могутъ дѣлиться до безконечности, но при семъ дѣленіи, нельзя дойти до частей безтѣлесныхъ, и всегда будутъ оставаться тѣла, различающіяся одною взаимною величиною протяженія, точно также говоритъ онъ и душа имѣетъ безчисленныя спо-

собности, изъ коихъ каждая опять есть душа, равно какъ и цѣлая совокупность оныхъ есть также душа. Какъ главная сила жизни сія послѣдняя обнаруживаетъ себя во многихъ видахъ, различныхъ между собою по формѣ: но между тѣмъ совокупность сихъ видовъ въ цѣломъ не дѣлаетъ самой души чемъ либо сложеннымъ, такъ, что бы отдѣльныя ея части соприкасались и ограничивались въ пространствѣ; напротивъ здѣсь имѣетъ мѣсто одно только отношеніе конечнаго къ безконечному, — силъ подчиненныхъ къ силѣ первообразной.

По свидѣтельству Стобея Порфирій о различіи и независимости души отъ тѣла такъ думалъ: въ тѣлахъ болѣе господствуетъ разнообразіе частей, нежели сколько единство жизни, привносимое въ нихъ душею: напротивъ въ душѣ всегда перевѣсъ на сторонѣ единства; и хотя тѣло, соединенное съ душею, во многомъ ей препятствуетъ, но никогда не можетъ лишиться единства, по коему она, будучи тождественна съ безконечно-мощною силою души міра, сама дѣлается мощною.

Еще прежде Порфирія Плотинъ во всей природѣ хотѣлъ примѣчать жизнь исполненную ума. Теперь его мечтательный преемникъ и ученый толкователь, на основаніи тождества одной души во всѣхъ недѣлимыхъ душахъ, предпринимаетъ разкрыть сіе мнѣніе и произвести изъ него дальнѣйшія послѣдствія. Первый опытъ

сего покушенія Порфирій дѣлаетъ надъ душами животныхъ и въ семъ намѣреніи построеваетъ слѣдующее умоключеніе: ежели мы какому либо существу приписываемъ душу, то нельзя ему въ то же время не приписать и основной силы души вмѣстѣ со всѣми производными ея силами. И такъ ежели животныя имѣютъ душу, и коренная сила ея есть умъ; то нѣтъ сомнѣнія, что и животныя также разумны какъ и человѣкъ. Сію мысль Порфирій далѣе усиливаетъ наблюденіями изъ опытнаго міра. Животныя, говоритъ онъ, умѣютъ издавать различные звуки, по коимъ одни разумѣютъ другихъ. И кромѣ сего могутъ перенимать языкъ человѣковъ. Отсюда видно, что и они подобно намъ имѣютъ даръ слова, коего мы хотя и не разумѣемъ, но были люди, умѣвшіе понимать его, каковъ напримѣръ Аполлоній Тіанскій. Но извѣстно, что языкъ не можетъ существовать безъ разума. Да и можно ли имъ отказать въ сей способности, когда онѣ во всемъ намъ подобны, и во многомъ еще превосходятъ? Они умѣютъ предостерегаться отъ враговъ, предусматривать собственную пользу, съ выгодою перемѣняютъ мѣста въ извѣстныя времена года, воспитываютъ дѣтей и пр. Наконецъ ежели мы приписываемъ животнымъ способность чувственныхъ представленій, то нельзя не допустить въ нихъ разумной силы. Ибо давно уже примѣчено Стратономъ, что безъ дѣйствія мысли не возможно принимать чувственныхъ впечатлѣній такъ, что когда вниманіе обращено къ чему либо другому, совер-

шенно нельзя примѣчать предметовъ, присущихъ чувствамъ. По сему ежели природа ничего не дѣлаетъ безъ цѣли, и слѣд: давъ чувство животнымъ, хотѣла, что бы онѣ примѣчали полезное и вредное, и отвращаясь отъ послѣдняго, желали перваго: то нѣтъ сомнѣнія, что она одарила ихъ вмѣстѣ и разумомъ. И такъ животныя одушевлены и подобно человѣку имѣютъ извѣстную степень разума. Отсюда Порфирій выводитъ, что убивать и снѣдать животныхъ есть дѣйствіе, совершенно противное нравственнымъ законамъ, и что самыя жертвоприношенія изъ животныхъ неугодны Божеству, но пріятны только злымъ демонамъ. Уроды въ физическомъ мірѣ не плодятся. Уроды въ умственномъ мірѣ — Плотинъ и Порфирій возродились въ Спинозѣ, Шеллингѣ, Гегелѣ и Гербартѣ.

§ 56.

ЯМВЛИХЪ.

Ямвлихъ, родившійся въ Халцикѣ въ Целесиріи отъ богатой и знаменитой фамиліи, наслѣдовалъ Порфирію, послѣ Анатолія, о которомъ историки не говорятъ ничего положительнаго. Ямвлихъ жилъ въ царствованіе Константина. Вѣрованіе въ магію, ѳеургію, чудеса и возможность сообщенія съ горними духами, распространилось не только между Христіанами, но еще заманило въ сѣти славнѣйшихъ языческихъ фило-

софовъ. Ямвлихъ, можетъ быть, покорствовалъ расположенію своего вѣка; но можетъ быть также (и это послѣднее мнѣніе весьма вѣроятно), что онъ заблудился только въ слѣдствіе содержимыхъ имъ мистическихъ понятій. Онъ дѣйствительно не ограничился системою Плотина, но тотчасъ впалъ въ нелѣпости, отъ коихъ его предшественники себя предохранили. Мистицизмъ сдѣлался правиломъ его поведенія, а по нему то болѣе, нежели по философскимъ заслугамъ онъ извѣстенъ.

Въ философіи онъ былъ очень посредственъ. Въ жизнеописаніи Пиѳагора, онъ представляетъ мудреца Самоскаго Магикомъ. Изъ этого жизнеописанія онъ намѣревался составить кольца цѣпи, долженствующей соединить ученіе Александрійцевъ съ древнею философіею Грековъ, а чрезъ нее и съ древними преданіями Азіи. Онъ названъ Божественнымъ; каковое названіе новые Платоники наконецъ давали по произволу своимъ наставникамъ. Это имя дано было ему не только по причинѣ его сильной ревности къ тому дѣлу, коего онъ былъ жаркимъ защитникомъ, но также по причинѣ чудесъ (*) ему приписываемыхъ, потому что онъ щи-

(*) Евнапій разсказываетъ, что будто бы Ямвлихъ однажды при ученикахъ вызвалъ двухъ Геніевъ хранителей источниковъ, и что ученики отъ сего имѣли большую довѣренность къ учителю.

тался между первыми чудотворцами своего времени. Этой славы, по духу того времени, сильно искали, и обыкновенно усволли ее начальникамъ сектъ. У Ямвлиха было весьма много послѣдователей во всѣхъ частяхъ Римской имперіи. Знаменитѣйшій изъ нихъ Едезій удалился въ Пергамъ, что въ Мизіи, и тамъ основалъ школу. Кажется онъ былъ по особенному призыванію привязанъ къ Философіи потому, что онъ, происходя отъ знаменитой Каппадокійской Фамиліи, при удовлетвореніи своему желанію долженъ былъ побѣждать сильное сопротивленіе своего семейства. Онъ побѣдилъ это сопротивленіе терпѣніемъ, и путешествовалъ въ Сирію съ Ямвлихомъ, у котораго онъ учился съ успѣхомъ, равнымъ его ревности. Евнапій увѣряетъ, что онъ будучи обладаемъ религіознымъ Энтузіазмомъ, хотя и не смѣлъ его обнаружить, можетъ быть, по обстоятельствамъ, не долго послѣдовалъ своему учителю. Дѣйствительно въ это время Константинъ разрушалъ знаменитѣйшіе храмы языческіе, и знаменитѣйшіе Философы принуждены жить втайнѣ, такъ что одинъ изъ нихъ Сопатеръ Апамейскій, съ характеромъ сильнымъ и упорнымъ, представился ко двору Императора, и сначала былъ принятъ благосклонно, но потомъ вскорѣ сдѣлался жертвою ненависти придворныхъ.

У Едезія учениками были: Евсевій Мендскій, Максимъ Ефескій и Хрисанфъ Сардійскій. Къ школѣ послѣдняго принадлежали: Историкъ Евнапій, который въ

жизнеописаніяхъ Софистовъ оставилъ намъ драгоцѣннѣйшіе документы для исторіи этой эпохи; и Императоръ Юліанъ, съ которымъ вмѣстѣ взошелъ на тронъ Александрійскій мистицизмъ.

Юліанъ, послѣдній въ фамиліи Константина, былъ съ самаго дѣтства окруженъ приставниками, которыхъ первымъ стараніемъ было удержать его въ Христіанской вѣрѣ. Будучи удаленъ отъ дѣлъ, онъ съ усердіемъ предался наукамъ; и Константій, по словамъ Евнапія, изъ политики содѣйствовалъ удовлетворенію его расположенія, желая лучше видѣть его занятымъ книгами, нежели думающимъ о тронѣ, который ему принадлежалъ. По этому представлены ему были всѣ удобства для ученыхъ занятій, и Юліанъ воспользовался оными. Не довольствуясь книгами, онъ посѣщалъ всѣхъ знаменитѣйшихъ людей своего вѣка и между прочими Едезія, начальника школы, въ которой процвѣтали, Максимъ, Хрисанѳъ, Прискъ и Евсевій; послѣдній, насмѣхавшійся надъ мнимыми чудесами своихъ сверстниковъ, употреблялъ всѣ усилія къ тому, что бы отвратить Юліана отъ Мистицизма и Ѳеургіи: Но Юліанъ, вопреки его совѣту привязался къ Хрисанѳу, который особенно отличался религіознымъ энтузіазмомъ мистическими и Ѳеурическими мѣчтами. Въ этой школѣ онъ образовалъ себя, и сдѣлался такимъ, какимъ остался на всю свою жизнь. Изъ жизни этаго государя можно вполнѣ узнать, какой видъ дали ученію Пла-

тонову эти энтузіасты, смѣшавъ со строгой нравственностію мистическій восторгъ и самыя грубыя суевѣрія язычества. Эти суевѣрія, отъ которыхъ со временъ Цицерона просвѣщенная Философія старалась очистить религіозныя идеи, здѣсь сталкивались по призванію Философіи новой, и какъ бы освящались. Въ самомъ дѣлѣ посредствомъ ихъ чудесное было изъясняемо наподобіе простыхъ Феноменовъ; порядокъ вещей сверхъестественныхъ дѣлался самымъ существеннымъ закономъ природы; видимый міръ представлялся эмблемою; человѣкъ, по своимъ прямымъ связямъ съ чинами умственнаго міра, получалъ не только безпрерывныя откровенія, но даже нѣкоторый родъ дѣйствительнаго владычества, которое имѣло свои орудія и правила, и которое не должно было имѣть никакихъ границъ потому, что учавствовало нѣкоторымъ образомъ въ высшемъ могуществѣ. Послѣдователи Ямвлиха болѣе походили на жрецовъ, нежели на проповѣдниковъ Философіи. Юліанъ всѣмъ предразсудкамъ своихъ учителей усвоялъ силу, чтобы чрезъ нее показать, что можетъ здѣлать Александрійскій мистицизмъ, или лучше сказать, чего онъ не можетъ сдѣлать; съ паденіемъ его вмѣстѣ кончилась роль Александрійской школы.

Впрочемъ нѣкоторыхъ частей Философіи Платоновой держались, Клавдій, Саллюстій, который былъ во время Юліана Консуломъ въ 365-мъ году, и написалъ сокращеніе этой Философіи, толкователь и сократи-

тель Макробій, Олимпіодоръ и Гіероклъ, который въ духѣ своей школы толковалъ славную поэму, приписываемую Пиѳагору, извѣстную подъ именемъ *золотые стихи*. Но неоплатонизмъ прежде своего изчезновенія на нѣсколько минутъ ожилъ въ лицѣ Прокла, который былъ послѣднимъ и знаменитѣйшимъ его представителемъ.

§ 57.

ПРОКЛЪ.

Въ началѣ пятаго столѣтія послѣ Р. Х. Аѳины сдѣлались преимущественнымъ мѣстопребываніемъ Александрійской философіи. Неоплатонизмъ въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ нѣкогда процвѣтала Академія, Лицей и Портикъ, не имѣлъ уже той восточной и Египетской физіогноміи, которою онъ отличался вовремя Ямвлиха и его учениковъ; сохраняя свою мистическую и религіозную форму, онъ получилъ характеръ болѣе Греческій и Аттическій.

Проклъ родился въ Константинополѣ въ 412 году. Въ юности онъ учился въ Ксантѣ, городѣ, посвященномъ Аполлону или Нервѣ; откуда происходили его родители; потомъ удалился въ Александрію, гдѣ учил-

ся у Олимпіодора, (*) наконецъ уѣхалъ въ Аѳины, гдѣ изъ уроковъ Плутарха, сына Несторіева и знаменитой Асклепигеніи, дочери Плутарховой, а въ особенности изъ уроковъ Сиріена, онъ узналъ философію Аристотелеву и Платонову; въ продолженіи своихъ путешествій онъ былъ посвященъ во всѣ таинства Ѳеургіи. Такимъ образомъ онъ сдѣлался философомъ, т. е. по его понятіямъ, жрецомъ вселенной. Онъ съ усердіемъ изучалъ книги Гермесовы, Пиѳагоровы, и въ особенности творенія, приписываемыя Орѳею; но болѣе онъ приверженъ былъ къ твореніямъ Платоновымъ. На сочиненія Платоновы онъ смотритъ, какъ на оракуловъ, какъ на книги пророческія; вездѣ онъ видитъ въ нихъ таинственный смыслъ; самые простые разсказы считаетъ онъ высокими аллегоріями, вездѣ говоритъ именемъ Платона, въ Платонѣ читаетъ свои собственныя мысли и занимается толкованіемъ одной системы Платоновой. — Маргинъ, его любимый ученикъ и Біографъ, описываетъ строгую его жизнь, его возвышенное благочестіе, его рѣдкія героическія добродѣтели; онъ представляетъ его свободнымъ отъ всѣхъ человѣческихъ отрастей и почти безъ человѣческихъ слабостей. Дѣйствительно онъ былъ изъ величайшихъ людей своего времени, отличнѣйшимъ Геометромъ и Астроно-

(*) Другій Олимпіодоръ, писатель толкованій на Платоновы разговоры, жилъ въ срединѣ 6 вѣка.

момъ; его толкованіе на Птоломея почиталось за послѣднія слова древнихъ математиковъ. Я назвалъ бы охотно Прокла, говоритъ ученый издатель его твореній, по его высокому таланту анализировать, въ синтетической школѣ Александріи, Аристотелемъ Александрійскаго мистицизма. И какъ скончался этотъ Аристотель мистицизма! Въ таинственныхъ гимнахъ, запечатленныхъ глубокою меланхоліею, онъ сожалѣетъ о землѣ, оставляетъ ее въ добычу варваровъ, и на минуту погружается своимъ духомъ въ достославную древность прежде, нежели теряется на всегда въ нѣдрѣ вѣчнаго единства, которое составляло высокій предметъ его мыслей и усилій!!

Вмѣстѣ съ Прокломъ кончилась Александрійская школа. Она вдругъ распространилась въ Египтѣ, Италіи и Аѳинахъ, овладѣла языческимъ Богословіемъ и имѣла нѣкоторыхъ послѣдователей даже между Христіанами. Юстиніанъ въ 529 году приказавъ закрыть языческія школы, нанесъ рѣшительный ударъ этой Философіи въ Аѳинахъ. Исидоръ Газскій, который заступилъ мѣсто Марина, Дамаскій и славный толкователь Аристотеля Симплицій, были принуждены со многими другими Философами удалиться къ персидскому царю Хозрою. Война скоро принудила ихъ оставить и это убѣжище; вѣроятно они бросили тамъ сѣмя, которое въ послѣдствіи времени возросло у Арабовъ.

§ 58.

ФИЛОСОФІЯ ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ.

Христіанство само по себѣ было дѣломъ постороннимъ для философіи, какъ знанія свѣтскаго, т. е. простаго изслѣдованія истинъ, основывающихся на разумѣ. Принесенная имъ на землю высокая мудрость проистекала изъ Божественнаго откровенія, и состояла подъ покровительствомъ Божественной религіи.

Такимъ образомъ, въ продолженіе перваго вѣка, Христіане не занимались ни усовершенствованіемъ, ни опроверженіемъ философскихъ Теорій. Но когда Христіанство, постепенно распространяясь, начало дѣлать многочисленныя пріобрѣтенія, то самая польза религіи заставляла разсматривать предметы съ другой точки зрѣнія. Нельзя было не видѣть, что философія можетъ доставить пособія, или противопоставить препятствія къ распространенію Евангелія; по сему съ одной стороны философіи предоставили участвовать въ религіозныхъ спорахъ, а съ другой стали оспаривать у Плотиновъ, Порфиріевъ и Ямблиховъ ихъ мнимыя преимущества.

Въ продолженіи этой первой эпохи, когда Христіанство пріобрѣтая безпрерывныя успѣхи, боролось съ упадающимъ язычествомъ, Отцы Церкви и Хрис-

тіанскіе учители раздѣлились на два особые класса: одни занимались Философіею и одобряли ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, изучали ее, но для того, что бы подчинить ее владычеству Христіанства, и что бы заставить служить ее выгодамъ его, а другіе ее отвергали, порицали и вооружались противъ оной.

Первый изъ отцевъ Церкви, занявшійся Философіею былъ св. Юстинъ мученикъ. Онъ родился въ язычествѣ, въ началѣ втораго вѣка, и по общему духу времени, посѣщалъ главныя Греческія школы. Ученіе Портика и Лицея не могло удовлетворить его ума, стремящагося, по его еловамъ, къ невещественнымъ понятіямъ. Посему онъ прибѣгъ къ Платону. Онъ восхищенъ тѣмъ, что могъ находить въ немъ мысли о Богѣ, о природѣ человѣческой, самыя сообразныя съ потребностями его сердца. Съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ онъ теорію идей, и предался умозрѣнію. Въ это самое время одинъ достопочтенный старецъ возбудилъ въ немъ желаніе познакомиться съ священными книгами. Расположеніе его сердца благопріятствовало этому; въ чтеніи св. писанія онъ нашелъ то, чего искалъ; нашелъ, по его словамъ, истинную Философію. Не имѣя намѣренія порицать свои занятія предшествовавшія, онъ уважалъ тѣхъ мудрецовъ, уроками которыхъ пользовался. Онъ также съ усиліемъ утверждалъ въ Христіанствѣ людей, только что вступившихъ въ него. На Платоново λογος, этотъ высокій

разумъ, просвѣщающій человѣческое разумѣніе, онъ смотрѣлъ, какъ на Божественное Слово, открытое чрезъ Христіанство, какъ на то Слово, которое говорило чрезъ пророковъ. Этимъ Юстинъ хотѣлъ соединить философію съ Христіанствомъ, или лучше сказать, по его мнѣнію, философія проистекала изъ того же источника, изъ коего проистекала и Религія. Такимъ образомъ онъ допускалъ одну только философію. Истинный философъ, говоритъ онъ, не есть Платоникъ, ни Перипатетикъ, ни Стоикъ, ни Пиѳагореецъ; но слѣдуя различнымъ сектамъ, онъ болѣе уважаетъ учителей, нежели умъ.

Весьма любопытно слѣдить за расктытіемъ ученія этого отца церкви, на благочестіе и мужество котораго нельзя смотрѣть безъ уваженія. Его ученіе вообще породило великое число философовъ между Христіанами.

Татіанъ, ученикъ его, обращенный подобно ему къ Христіанскому ученію отъ язычества, и такъ же преданный изученію философскихъ системъ, былъ менѣе благоразуменъ и остороженъ. Познакомясь съ восточными преданіями, онъ старался согласить ихъ съ Христіанствомъ, и впалъ въ заблужденія.

Ѳеофилъ, Пантенъ и Аѳинагоръ также заслуживаютъ вниманіе между Христіанскими философами. Аѳи-

нагоръ сочинилъ Апологію, посвященную въ 176 году императору Марку Аврелію, въ которой онъ излагаетъ и разбираетъ различныя философскія системы. Эта Апологія замѣчательна по познаніямъ, заключающимся въ ней, по искуству, съ какимъ эти системы изложены, и по слогу.

Св. Климентъ Александрійскій, ученикъ Пантена, и можетъ быть такъ же Аѳинагора, былъ украшеніемъ этой Христіанской школы. Онъ образовался въ древней столицѣ Лагидовъ, въ этой новой митрополіи наукъ и знаній, которая стала на ряду съ музеемъ. Соревнуя своему современнику Аммонію Сакку, онъ старался подобно ему, только другими путями, привести всѣ философскія ученія къ единству. Онъ почерпалъ знанія изъ всѣхъ источниковъ, — у Грековъ, Сиріанъ, Египтянъ, Евреевъ, и во всякой школѣ находилъ учителей, достойныхъ уваженія. Изъ спора и смѣси всѣхъ этихъ ученій онъ составилъ подъ именемъ *Stromata*, такое собраніе, которое даже до нынѣ почитается драгоцѣннымъ документомъ для философской исторіи; это было родъ портика, возвышавшагося при входѣ въ Христіанство.

Ученикъ Св. Климента, знаменитый Оригенъ, продолжавшій послѣ своего наставника огласительное ученіе въ Александріи, болѣе прославилъ это ученіе. Но онъ соединилъ уроки неоплатонической школы съ уро-

ками Христіанскаго учителя; многіе находятъ поразительное сходство между его мнѣніями и между ученіемъ, содержащимся въ *Эннеадахъ*. Изъ этого обстоятельства объясняются ошибки, въ которыхъ укоряютъ его, и мнѣніе отцовъ церкви объ Оригенѣ. Вмѣстѣ съ св. Іустиномъ и св. Климентомъ, онъ не сомнѣвается въ томъ, что Греки, первыя начала философіи заимствовали у Евреевъ. Мы имѣемъ, подъ именемъ Оригена, драгоцѣннѣйшее, хотя очень краткое собраніе системъ Греческой философіи, изданное Грановіемъ, достовѣрность котораго еще подлежитъ сомнѣнію. Св. Григорій Нисской руководствуется Оригеномъ въ психологическомъ своемъ разсужденіи, на которое ссылался Меланхтонъ такъ, какъ на сообразнѣйшее съ новѣйшими понятіями. Впрочемъ въ немъ мало новыхъ понятій, даже для своего времени.

Ермій, Тертуліанъ, Арнобій и Лактанцій были слишкомъ строги къ языческой философіи; они изгоняли всякую свѣтскую науку, вооружались противъ философіи критиками, имѣющими большое сходство съ Пирронизмомъ. Этѣ опроверженія можно назвать скептицизмомъ, но скептицизмомъ новымъ и особеннымъ, который возобновленъ потомъ въ новыя времена ученымъ Епископомъ Аврантскимъ; онъ состоитъ въ предположеніи, что достоинство религіи утвердить можно чрезъ отнятіе достоинства у разума.

Изъ отцовъ церкви, державшихся Эклектизма въ

Христіанскомъ духѣ, можно бы упомянуть о св. Василіѣ, Дидимѣ, Григоріѣ Назіанзенѣ, Блаж. Іеронимѣ и св. Амвросіѣ; а въ числѣ предубѣжденныхъ противъ философскаго ученія поставить Ѳеодорита, св. Епифанія, Аполинарія; но довольно указать на общее направленіе школъ Христіанскихъ, въ продолженіи шести вѣковъ, и упомянуть о тѣхъ учителяхъ, которые въ среднихъ вѣкахъ имѣли большое вліяніе на ходъ человѣческаго ума.

По мѣрѣ того, какъ утихала борьба между язычествомъ и Христіанствомъ, церковные писатели не находили побужденій къ занятію собственно философіею, почитаемою свѣтскимъ занятіемъ. Они посвятили себя изключительно Богословію; если у нихъ встрѣчаются вопросы философскіе; то это случайно и какъ бы посторонніе предметы. Впрочемъ въ числѣ соединившихъ съ философскими науками и религіозныя, должно поставить Евсевія, который въ своемъ *пріуготовленіи и доказательствѣ Евангельскомъ* помѣстилъ много отрывковъ изъ древнихъ писателей, которыхъ творенія затеряны, и въ особенности ученаго Иппонійскаго Епископа Бла. Августина, отличнаго между Христіанскими Философами.

Блаж. Августинъ, узнавъ философію различныхъ школъ, сдѣлался ревностнымъ Манихейцемъ. Къ православной вѣрѣ онъ былъ обращенъ краснорѣчивымъ св. Амвросіемъ Медіоланскимъ. Философское образова-

ніе, обширныя и гибкія дарованія послужили ему къ тому, что Христіанскимъ догматамъ онъ далъ ученую форму, и основалъ умственную систему религіознаго ученія, въ которой искусно были соединены Неоплатонизмъ и Христіанство. Въ его системѣ Богъ исповѣдуется Существомъ Высочайшимъ и Совершеннѣйшимъ, и по сему Существомъ необходимымъ, Творцемъ міра, вѣчною истиною и вѣчнымъ закономъ справедливости, понятія которыхъ врождены человѣческому разуму, драгоцѣннѣйшимъ Благомъ въ мірѣ духовномъ, съ которымъ должно соединиться (Religio). Богъ призываетъ всѣ разумныя существа къ счастію чрезъ добродѣтель, и для достиженія его даровалъ имъ разумъ и откровеніе. Въ единой волѣ находится причина, первое начало добраго, или худаго употребленія свободы, чрезъ которое разумное существо соединяется съ Богомъ, или отдаляется отъ него, дѣлается достойнымъ или недостойнымъ счастія. Нравственный порокъ есть недостатокъ, и не имѣетъ положительной причины. Злые необходимо принадлежатъ къ цѣлому вселенной, которая совершенна потому, что это цѣлое требовало, что бы были произведены всѣ возможныя существа во всѣхъ возможныхъ степеняхъ.

Такова была Теодицея Бл. Августина. Въ старости онъ отрекся отъ этихъ идей, и принялъ другую систему, въ которой онъ утверждалъ, что человѣкъ послѣ первороднаго грѣха, потерялъ безсмертіе и сво-

боду избѣгать грѣха, но что онъ сохранилъ свободу грѣшить; и по сему Богъ производитъ непосредственно желаніе дѣлать добро, ниспосылаетъ эту благодать и лишаетъ оной, кого хочетъ (независимое избраніе, или предопредѣленіе). Утвержденіе въ добрѣ есть особенное дѣйствіе Благодати, которой человѣкъ не можетъ сопротивляться; онъ доведенъ былъ до этой системы, противной свойству нравственнаго порядка, тѣмъ, что слишкомъ строго держался словъ библейскихъ, споря съ Пелагіемъ, Британскимъ монахомъ, усвоявшимъ человѣку силу дѣлать добро, и пришедшимъ изъ Ирландіи въ Африку съ другомъ своимъ Целесстіемъ.

Немезій, сочинитель разсужденія о психологіи, которое гораздо выше такого же разсужденія Бл. Августина, показалъ опытъ глубокаго знанія древнихъ Философовъ. Какъ совершенный Эклектинъ, онъ приводитъ мысли изъ Аристотеля, Пиѳагора, Платона, Стоиковъ, Неоплатониковъ, но всегда ихъ обсуживаетъ, часто опровергаетъ, и всегда судитъ самостоятельно. Онъ принялъ гипотезу Платонову о предсуществованіи души, которая была уже возобновлена Оригеномъ, но отвергнута въ 551-мъ году на Константинопольскомъ соборѣ.

Синезій, язычникъ обращенный въ Христіанство Патріархомъ Ѳеофиломъ, и возведенный наконецъ, не смотря на долговременное его сопротивленіе, на степень

Священника и Епископа, старался такъ же соединить основныя понятія Христіанства съ системою Неоплатониковъ. Послѣ него остались гимны, въ коихъ излагается Религіозное ученіе этой школы.

Образцы философствованія св. отцовъ, особенно же сверх-естественная система Бл. Августина, имѣли значительное вліяніе на философію послѣдующихъ временъ. Разрушеніе Римской Имперіи, нашествіе варварскихъ народовъ и уничтоженіе древнихъ гражданскихъ обществъ, содѣйствовали недѣятельности ума, и сокращали свободу мыслей и дѣйствій. Во время невѣжества однѣ превосходныя творенія Бл. Августина много пособствовали въ этомъ случаѣ. Къ нимъ можно присоединить книги діалектическія, которыя безъ основанія были приписываемы ему же, и которыя въ среднемъ вѣкѣ были уважаемы подъ его именемъ.

§ 59.

ПОСЛѢДНЕЕ МЕРЦАНІЕ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ.

Въ концѣ пятаго и въ теченіи седьмаго вѣковъ, искуства, науки и самая философія скорыми шагами приближились къ совершенному упадку. Этотъ упадокъ былѣ особенно примѣтенъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Римской Имперіи, неисключая даже самой Италіи. Литература сохранила только на Востокѣ нѣкоторый

блескѣ, гдѣ она имѣла еще нѣкоторые источники. Что бы дать Философіи возможность снова успѣвать, для сего нужно было, чрезъ преобразованіе, изъ нѣдръ Греческой и Римской древности возникнуть новому міру, который бы мало по малу производилъ новую Философію. Это произведеніе гражданскаго образованія новѣйшихъ временъ и могло произойти только вмѣстѣ съ нимъ: древніе вѣки служили къ тому основаніемъ.

Между сочиненіями, служившими основаніемъ образованія среднихъ вѣковъ, и посредниками между образованіемъ древнихъ и новыхъ, кромѣ сокращенія Маркіана Капеллы извѣстнаго подъ именемъ *семь свободныхъ наукъ*, должно поставить сочиненія двухъ Римскихъ патриціевъ Царства Остроготскаго Боеція и Кассіодора, съ которыми вмѣстѣ погасли Классическія науки на Западѣ; они оба были Эклектики, держались вмѣстѣ ученія Платонова и Аристотелева.

Аниціи, Манлій Торкватъ Северинъ, Боеціи родился въ Римѣ въ половинѣ пятаго вѣка. Выслушавъ въ Аѳинахъ уроки Прокла, онъ возвратился въ Римъ, гдѣ посредствомъ познаній своихъ, достигъ достоинства Сенаторскаго, а спустя нѣсколько времени и Консульскаго; онъ отличался своимъ краснорѣчіемъ. Ѳеодорикъ, Царь Готѳскій умѣлъ цѣнить его достоинства; по завоеваніи Рима онъ сдѣлалъ его своимъ Совѣтникомъ и начальникомъ двора своего. Будучи обви-

ненъ предъ Царемъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Императоромъ Юстиномъ, онъ былъ, по приказанію Ѳеодорика, безъ всякаго суда посаженъ въ темницу, и въ 526 году лишился головы.

Этотъ великій человѣкъ въ темницѣ, для утѣшенія своего во время претерпеваемаго имъ несчастія, написалъ сочиненіе подъ названіемъ: De consolatione Philosophiae. Онъ намѣревался перевести всѣ сочиненія Платона и Аристотеля на Латинскій языкъ, и показать сходство между этими двумя великими учителями; но не могъ успѣть въ своемъ предпріятіи; покрайней мѣрѣ онъ оставилъ переводъ Аристотелевыхъ Категорій, перевелъ также нѣкоторыя его разсужденія діалектическія, сдѣлалъ замѣчанія на Порфирія. Особенно онъ содѣйствовалъ къ тому неограниченному уваженію, которое въ вѣкахъ послѣдующихъ питали къ имени Аристотеля.

Въ Испаніи во время правленія Визиготѳовъ, Архіепископъ Севильскій Исидоръ, радомъ изъ Карѳагена, оказалъ существенную услугу ученію Енциклопедическому своею росписью словъ и дѣлъ. Въ Англіи и Ирландіи образованіе гораздо долѣе сохранялось, нежели въ другихъ мѣстахъ: Англосаксонецъ Беда, прозванный достопочтеннымъ (venerabilis) пріобрѣлъ великую славу; съ помощію сочиненій Исидора, онъ составилъ выписки, изъ коихъ заимствовалъ много Алкуинъ, образователь Французскихъ школъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ.

На востокѣ особенно же, въ Имперіи Греческой словесныя науки и ученыя занятія продолжались гораздо долѣе. Въ шестомъ вѣкѣ, Іоаннъ Стобей, державшійся ученія Неоплатоническаго, и въ девятомъ вѣкѣ Патріархъ Фотій, сдѣлали славные выписки изъ Греческихъ писателей, Іаковъ Едесскій, Александрійскій Эклектикъ, Іоаннъ Филопонъ, и послѣ нихъ Іоаннъ Дамаскинъ поддерживали ученіе Аристотелевой философіи, которая сохранялась даже до XV вѣка.

ВТОРЫЙ ПЕРІОДЪ.

ФИЛОСОФІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ, ИЛИ СХОЛАСТИКА.

Философія употребляется, какъ орудіе на пользу вѣры, и подъ надзоромъ Церковной власти.

Первая Эпоха, отъ начала девятаго вѣка по Р. Х. даже до тринадцатаго.

Происхожденіе схоластической философіи.

§ 60.

Слѣпой реализмъ.

ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ:

Алкуинъ — — — — — 804. Гильбертъ дела Порта — 1154.
Рабанъ Мавръ. — — — 856. Петръ Ломбардъ — — — 1164.

Іоаннъ Скотъ Эригена — 886.
Гилбертъ (Силвертъ 11-й) 1003.
Петръ Даміанъ — — — 1072.
Беренжеръ Турскій — — 1086.
Лафранкъ Павійскій — — 1089.
Ансельмъ Кантарберійскій 1109.
Вильгельмъ Шампо — — 1120.
Гильдербетъ Турскій — — 1134.
Гуго С. Викторскій — — 1140.
Абельяръ — — — — — 1142.
Вильгельмъ Конхскій — — 1150.
Робертъ Паллеинъ — — 1154.
Гуго Аміенскій — — — 1164.
Робертъ Мелунскій — — 1173.
Ричардъ С. Викторскій — 1173.
Іоаннъ Салисбурскій — — 1180.
Росцелинъ — — — — — 1189.
Симонъ Турнайскій — — 1200.
Аленъ — — — — — — 1203.
Петръ изъ Поату. — — 1205.
Амальрикъ Шартскій — 1209.
Давидъ Динантскій — — 1220.
Аделартъ Баескій — — — 1250.

§ 61.

Какъ средніе вѣки есть колыбель настоящаго общества, такъ Философія среднихъ вѣковъ, или схоластика, есть колыбель нынѣшней Философіи. На томъ основаніи, что въ среднихъ вѣкахъ духовной власти всѣ прочія власти болѣе, или менѣе служили, Философія схоластическая, которая довольно выражаетъ эту эпоху, служила для вѣры орудіемъ, и находилась подъ надзоромъ церковной власти.

Мы видѣли, что и въ Греціи также религіозная эпоха предшествовала явленію Философіи. Таинства, учрежденныя Орфеемъ, господствовали въ продолженіи шести вѣковъ, даже до Ѳалеса и Пиѳагора. Хотя намъ не извѣстно, что происходило въ этотъ промежутокъ; впрочемъ можно догадываться, что разумъ мало по малу усиливался освободиться отъ владычества языческаго Богословія. Это же зрѣлище возобновилось въ происхожденіи и разкрытіи Философіи схоластической.

Она началась въ среднихъ вѣкахъ, вмѣстѣ съ ними и окончилась. Эти вѣки кончились съ прекращеніемъ преимущества духовной власти, и усвоеніемъ правъ другимъ властямъ, а особенно политической. По этому и Философія, возникающая въ слѣдъ за великими переворотами общества, необходимо востребовала свои права, и получила ихъ. Но она съ великимъ трудомъ могла выдти изъ состоянія подчиненности и получить свою независимость. Такимъ образомъ исторія философіи схоластической представляетъ намъ три эпохи, совершенно отдѣльныя: I. начало подчиненія Философіи Богословію; II. союзъ Философіи съ Богословіемъ; III. начало отдѣленія ея, которое сперва было слабо, но съ явленіемъ новой Философіи открылось вполнѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Монтескю и Робертсонъ обратили вниманіе людей просвѣщенныхъ на начало Государственныхъ учрежденій Европы, исторія среднихъ вѣковъ возбудила любопытство во многихъ ученыхъ мужахъ. Великій Лейбницъ думалъ, что въ хаосѣ варварства схоластическаго скрыты сокровища. Новые Философы питали надежду болѣе основательную и начали доказывать, что нашъ вѣкъ неблагодаренъ къ своимъ воспитателямъ. Можно видѣть, что исторія ума человѣческаго въ эту эпоху не менѣе занимательна, какъ и во времена, нами разсмотренныя.

Средніе вѣки, можно сказать, начинаются Карломъ

Великимъ, который открылъ ихъ, и далъ имъ направленіе. Этотъ Великій Государь, возстановляя западную Имперію, поставилъ правильныя отношенія между всѣми націями, покорными его власти. Онъ много имѣлъ заботъ о востановленіи Европы, и на время удовлетворилъ всѣмъ; умѣлъ исполнить свои намѣренія, отражая варваровъ, которые безпрестанно безпокоя Европу, препятствовали основанію всякаго постояннаго учрежденія. Мудрые его законы ввели было порядокъ на мѣсто всеобщаго безначалія. Онъ увеличилъ число школъ, завелъ ихъ при храмахъ и монастыряхъ; сдѣлалъ ихъ публичными, открылъ школу для юношества первыхъ чиновъ Государства въ своемъ дворцѣ, окружилъ себя людьми просвѣщенными; не ограничился тѣмъ, что заставилъ учиться главныхъ начальниковъ двора; но и самъ показалъ въ семъ случаѣ удивительный примѣръ, не взирая на тяжесть правленія и частые военные походы.

Прежде Карла Великаго, нѣкоторымъ образованіемъ отличались только монастыри, которые служили убѣжищемъ наукамъ, во время воинскихъ смятеній. Въ нихъ учили, и собирали рукописи, переписывали ихъ, изучали trivium et quadrivium, (*) или такъ называемыя

(*) Trivium: Это Грамматика Риторика и Діалектика. Qvadrivium: это Ариѳметика, Музыка, Геометрія и Астрономія; онѣ изображаются въ слѣдующемъ стихѣ:

Lingva, tropus, ratio, numerus, tonus, angulus, astra.

семь свободныхъ искуствъ. Должно думать, что тамъ старались объ одномъ первоначальномъ образованіи. Читали естественныя вопросы Сенеки, поэму Лукреція, и нѣкоторыя Философскія сочиненія Цицерона, книги Апулея, и переведенныя Викториномъ и Боеціемъ, книги Аристотелевы, десять категорій, приписываемыя Бл. Августину, сочиненія Кассіодора и Маркіана Капеллы; но только читали этихъ писателей, а послѣдователей имъ не было. Изъ всѣхъ монастырей, гдѣ по видимому скрывались издыхающія науки и философія, болѣе замѣчательны монастыри Ирландскіе и Англійскіе. Въ VI, VIII, и IX вѣкахъ, въ Ирландію пріѣзжали за познаніями, и эта провинція доставляла Германіи и Франціи самыхъ отличныхъ Профессоровъ. Въ послѣдней слабость Королей, честолюбіе Меровъ палатныхъ и внутреннія войны искоренили самыя остатки познаній, которыя сообщены были Римлянами; и это продолжалось до того времени, какъ Карлъ Мартель, и его сыновья Карломанъ и Пипинъ приняли верховную власть.

§ 62.

АЛКУИНЪ.

Карлъ В., не находя во Франціи отличныхъ учителей, приглашалъ къ себѣ изъ другихъ странъ людей ученыхъ. Англичанину Алкуину онъ предоставилъ вос-

тановить науки въ своей обширной Имперіи (*). Алкуинъ занялся управленіемъ школы придворной, которая была основана по его намѣреніямъ и его плану. Эта школа составляла всегда часть двора, и всюду за нимъ слѣдовала; но послѣ она уничтожилась, бывъ выведена изъ Парижа. Рабанъ-Мавръ, Профессоръ Фулдскій и Архіепископъ Маинцкій распространилъ діалектику своего учителя Алкуина. Но при слабыхъ средствахъ этимъ ученымъ весьма трудно было распостанять просвѣщеніе съ такою удобностію, какъ надѣялся Карлъ Великій. Плоды ихъ усилія тотчасъ пропадали. Хотя его послѣдователи Людовикъ Кроткій и Карлъ Лысый были расположены къ наукамъ; но не могли восторжествовать надъ невѣжествомъ и обычаями. Права Феодальныя, раздѣленіе Имперіи, частыя войны и вообще безначаліе тотчасъ заглушили слабыя сѣмена, посѣянныя Карломъ великимъ.

§ 65.

ІОАННЪ СКОТЪ ЭРИГЕНА.

Въ продолженіи сего времени, пока поколѣніе Карла царствовало во Франціи, одинъ Іоаннъ Скотъ Еригена заслуживаетъ вниманіе историка Философіи. Имя

(*) При монастыряхъ, управляемыхъ Алкуиномъ, щиталось до 20,000 рабовъ.

Ериґены дано ему, вѣроятно, по мѣсту его рожденія. Онъ родился въ Ирландіи, и нѣсколько времени жилъ при дворѣ Карла Лысаго. Онъ былъ человѣкъ глубокомысленный, и съ отличными способностями, зналъ языки: Греческій, Еврейскій и Арабскій. Философскія познанія онъ заимствовалъ изъ сочиненій, приписываемыхъ Св. Діонисію Ареопагиту, которыя онъ и перевелъ на Латинскій языкъ. Его уроки при дворѣ Парижскомъ привлекли къ нему много слушателей. Изъ сочиненій Діонисія Ареопагита онъ почерпнулъ множество идей, которыя раскрылъ въ двухъ оригинальныхъ сочиненіяхъ *о предопредѣленіи и благодати*, и о *раздѣленіи существъ*; сверхъ того изучалъ сочиненія нѣкоторыхъ отцовъ, именно Бл. Августина и Св. Григорія Назіанзена; изъ замѣчаній Бл. Августина и Боеція на Логику Аристотелеву онъ почерпнулъ Діалектическія свѣдѣнія.

Существенную цѣль его сочиненій составляло соединеніе Философіи съ Богословіемъ, предпріятіе по духу времени дерзкое! Онъ хотѣлъ, что бы второе основывалось на первой. Философія и Религія, по его словамъ, не составляютъ двухъ наукъ; истинная Религія есть истинная Философія, и истинная Философія есть Религія.

Книга *раздѣленіе существъ* есть разсужденіе о высшей Онтологіи; въ немъ Іоаннъ Скотъ не только

старается проникнуть въ природу существъ, но намѣревается изъяснить тайну творенія. Мистическое ученіе Александрійцевъ, принаровленное къ Богословію Христіанскому, онъ облекъ въ формы Аристотелевой Онтологіи и подчинилъ логическому методу. Природу онъ раздѣляетъ I. на творящую и несотворенную, II. на сотворенную и творящую, III. на сотворенную и нетворящую, IV. и наконецъ на нетворящую и несотворенную. Въ первомъ случаѣ природа есть Богъ; во второмъ совокупность идей Божіихъ; а въ третьихъ совокупность твореній. Четвертая природа противорѣчитъ сама себѣ; слѣдовательно несуществуетъ. Его Психологія составлена по духу этой же школы; въ душѣ человѣческой онъ видѣлъ изображеніе Божественной Троицы.

Эти опыты Философа Ирландскаго не имѣли и не могли имѣть большаго вліянія на умы современниковъ его; напротивъ дерзкое его предпріятіе возродило подозрѣніе въ церковной власти. Онъ принужденъ былъ удалиться изъ Франціи; въ Алфредѣ Великомъ онъ нашелъ покровителя сколько просвѣщеннаго, столько же и благороднаго. Послѣ ученія, на кои онъ писалъ замѣчанія, распространились по уваженію къ его имени; и мы должны поставить это уваженіе между главными причинами возобновленія догматическаго мистицизма въ послѣдующихъ вѣкахъ.

Десятый вѣкъ былъ самый безплодный въ отно-

шенiи къ произведенiямъ Литературы, (*) и Философiи. И нельзя было ожидать иныхъ слѣдствiй отъ того состоянiя, въ какомъ находилась Европа, раздираемая Феодальнымъ безначалiемъ, которое содѣлало изъ общества театръ всеобщихъ и безпрестанныхъ войнъ, при грубомъ невѣденiи обладало могуществомъ, и отъ разврата вдавалось во всѣ жестокости. Впрочемъ въ концѣ девятаго вѣка явились два, достойные примѣчанiя человѣка, Гербертъ Аврилакскiй, извѣстный между Папами подъ именемъ Сильвестра II-го и монахъ Константинъ. Первый обучался въ школахъ, основанныхъ Маврами, въ Кордуѣ и Севиллѣ, и оттуда принесъ цыфры Арабскiя, и множество свѣденiй о Философiи Аристотелевой, которыя и распространилъ въ обителяхъ и монастыряхъ, построенныхъ его попеченiями въ Турѣ, Секѣ и Боббiо. Вторый путешествовалъ по Востоку, Египту и Индiи, собиралъ вездѣ познанiя, какiя только ему встрѣчались, и по возвращенiи своемъ, основалъ славную школу Салернскую, или по крайней мѣрѣ такъ ее прославилъ, что она какъ бы родилась съ нимъ; его почитали Волхвомъ.

Между тѣмъ общество со всѣхъ сторонъ было въ

(*) Novum num inchoatur saeculum, qvod sua asperitate, ac boni sterilitate ferreum, mali qvoqve exundantis deformitate plumbeum, atqve inopia scriptorum appelari consvevit obscurum. Baron. an. 900. n. 1.

безпокойствѣ и движеніи. Отъ соединенія новыхъ народовъ съ переродившимися народами древняго міра, которое въ своемъ началѣ ознаменовалось гибельными безпорядками, начинали происходить счастливыя дѣйствія, каковыя безсомнѣнія должны были, по намѣреніямъ Промысла, произойти отъ него. По дѣйствію этаго соединенія Западъ обновился въ своемъ бытіи, и получилъ неизвѣстную обезсиленнымъ его членамъ силу; онъ какъ бы нравственно воскресъ послѣ долговременнаго изнуренія отъ чуждыхъ народовъ. Всеобщая и произвольная рѣшимость всѣхъ классовъ общества на крестовые походы въ концѣ этаго вѣка указываетъ на присутствіе новаго жара, воодушевлявшаго сердца всѣхъ. Торговля и искуства тотчасъ возникнули, любовь къ наукамъ пробудилась; должно было ожидать подобнаго усердія и къ Философскимъ наукамъ.

Но какими Философскими пособіями умъ человѣческій владѣлъ въ эту эпоху? Въ сочиненіяхъ тогдашнихъ писателей видна правильность какъ въ идеяхъ, такъ и въ самыхъ доказательствахъ; чего бы нельзя, кажется, ожидать въ эпоху варварства; по сему на эти слабые опыты возраждающейся Философіи смотрѣли съ величайшимъ удивленіемъ потому только, что никому еще не извѣстенъ былъ источникъ, изъ котораго они получили свое начало. Этимъ удивленіемъ они обязаны одному Христіанству и Бл. Августину. Ученіе Богословское было въ большомъ уваженіи; а Философіи при-

надлежала только форма. Сія форма въ началѣ была необходимо недостаточною, слабою, неточною; самая Философія — это свободное размышленіе была ни что иное, какъ діалектика, болѣе или менѣе утонченная, совершенно подчиненная Богословію; и потому у ней недоставало собственныхъ силъ для открытія какой либо истины. Сверхъ сего постоянный надзоръ удерживалъ порывы того, кто только имѣлъ смѣлость противорѣчить началамъ, принятымъ Папою. Схоластики, не имѣя возможности касаться основанія понятій, принуждены были всю свою дѣятельность обратить на выраженіе и внѣшнюю форму Философскихъ наукъ. Діалектика заступила мѣсто Философіи, орудіе знанія было принято за самое знаніе; употребленіе всѣхъ логическихъ оборотовъ, кои такъ искусно раскрылъ Аристотель, сдѣлалось Гимнастикою, которая была сообразна со вкусомъ времени. Схоластиковъ этаго вѣка уподобляютъ художникамъ, занятымъ строеніемъ и ходомъ машинъ, но не думающимъ употребить ихъ для какого нибудь полезнаго предмета; это огромное собраніе автоматовъ, движущихся и дѣйствующихъ въ пустомъ пространствѣ.

Философія древнихъ, доставшаяся схоластикамъ, существенно сокращалась въ одномъ главномъ положеніи, въ которомъ всеобщія понятія, или, по Аристотелю, общія были поставляемы главными источниками знанія. Эти общія понятія служили точкою соединенія

Академіи и Лицея у Неоплатониковъ, и составляли главный центръ, около котораго обращалась вся схоластическая Философія. Тогда были увѣрены, что всѣ сокровища истины заключаются въ этѣхъ истинахъ; а посему необходимо надобно было обратить умы на разработку этаго неистощимаго рудника, на отдѣлку и преобразованіе этаго богатаго предмета. Этотъ трудъ собственно обращенъ на діалектику Перипатетическую; она составляла сущность его. Казалось, что нашли философскій камень, оставалось только плавить золото. Можно, говоритъ очень остроумно Г. Дежерандо, схоластическую философію нѣкоторымъ образомъ сравнить съ Алхиміею; общія понятія составляютъ сущность ея, а діалектика снаряды.

Такъ какъ незнаніе этихъ родовыхъ понятій, которыя такъ много значили въ продолженіе среднихъ вѣковъ, служитъ отчасти разгадкою споровъ, которыми занимались Схоластики Діалектическіе; то необходимо войти прежде всего въ подробное разсмотрѣніе этаго предмета сухаго и безъ сомнѣнія непріятнаго, ежели судить объ немъ по тому злоупотребленію, которое изъ него сдѣлали; но который несмотря на то имѣетъ отношеніе къ самымъ занимательнымъ проблеммамъ человѣческаго ума.

Аристотель замѣтилъ, что предметы нашихъ познаній можно подвести подъ извѣстные роды. Эти роды

онъ заключилъ въ десяти такъ называемыхъ *категоріяхъ*. Первая заключаетъ субстанціи; а въ девяти другихъ заключались измѣненія, которымъ онѣ подвержены или *случайности*. Категоріи эти слѣдующія:

I. *Субстанція*. Субстанція есть духовная, или тѣлесная, или Божественная и проч.

II. *Количество*. Количество бываетъ раздѣльное, коего части не соединены, напр. въ числахъ; послѣдовательное, напр. время, движеніе, непрерывное, напр. пространство, протяженіе и проч.

III. *Качество*. Аристотель раздѣлилъ его на четыре вида:

I. *На привычку*, т. е. на расположенія духа, или тѣла, пріобрѣтаемыя чрезъ повтореніе дѣйствій, какъ напр, познанія, добродѣтели, пороки, искуство рисовать, писать и проч. II. *На естественныя способности*, таковы въ душѣ, память, воля, чувственность, умъ. III. *Качества, подлежащія чувствамъ*, напр. твердость, мягкость, холодъ и проч. IV. *Видъ* и *наружность*, кои суть внѣшнія органическія количествя.

IV. *Отношеніе*, т. е. взаимная связь существъ, какъ то связь отца и сына, господина и слуги, и

проч. отношеніе способности къ предмету ея, отношеніе вещей сравниваемыхъ.

V. *Дѣйствіе.* Можно дѣйствовать или внутренно т. е. познавать, любить, чувствовать, или внѣшно, напр. бить, ударять, ломать, свѣтить и проч.

VI. *Страданіе.* Подъ этимъ родомъ заключаются всѣ видоизмѣненія, производимыя внѣшнимъ предметомъ;

VII. *Мѣсто.* VIII. *время.* IX. Положеніе. X. наконецъ *Владѣніе*, пять послѣднихъ довольно извѣстны, безъ объясненія.

Извѣстно, что человѣческій умъ не можетъ представить предмета, котораго бы не можно было подвести подъ эти различные классы; но сколько занимательно и полезно познаніе законовъ, управляющихъ мыслію, которымъ она необходимо повинуется, каковъ бы ни былъ предметъ, представляемый ею, если хотятъ посредствомъ этаго познанія отыскать начало познаній, и при помощи наблюденія и анализиса узнать свойство нашихъ идей, столько же излишно и малозанимательно желаніе найти въ нихъ средства къ пріобрѣтенію познанія о предметахъ.

Но разложеніе законовъ мысли, разборъ причинъ и началъ нашихъ вѣрованій не могли быть въ то вре-

мя предметомъ занятій философскихъ. Этаго не позволяла Папская власть. Сверхъ того уже всѣ эти законы были опредѣлены; потому надлежало дозольствоваться ими, и только можно было посредствомъ ихъ распредѣлять по классамъ главные догматы Религіи, которые строгая и бдительная Іерархія заботилась сохранить съ особеннымъ стараніемъ. Итакъ не надобно удивляться счастію Аристотеля и философіи Перипатической, господствовавшей пять, или шесть вѣковъ, до появленія самостоятельной философіи. Достоинство Аристотеля служило только къ подкрѣпленію власти Церковной.

Схоластики, заключенные въ этомъ кругѣ, собственно занимались только рѣшеніемъ трехъ важныхъ проблеммъ, не взирая на разнообразіе безчисленныхъ вопросовъ. Такъ какъ всѣ предметы нашихъ познаній могутъ быть подведены подъ извѣстные роды, или, какъ Схоластики называли, къ общимъ понятіямъ; то и спрашивается, какое свойство имѣютъ эти общія понятія, разсматриваемыя сами по себѣ? Дѣйствительныя ли эти существа? Или простыя имена? Напримѣръ люди, взятые въ смыслѣ недѣлимыхъ, и слѣдовательно представляющіеся отдѣльными существами, относятся къ одному роду т. е. человѣческому: что же человѣческій родъ? Воображаемое ли существо? Или имѣетъ дѣйствительное бытіе? Отсюда возникъ споръ между Реалистами и Номиналистами. Вторая проблемма: такъ

какъ во всѣхъ недѣлимыхъ существахъ, находится родовое свойство, по которому онѣ принадлежатъ къ этому роду, а не другому; то и спрашивается: какъ можетъ родъ раздробляться и переходить въ состояніе недѣлимаго? Это было основаніемъ спора между учениками Ѳомы и Скота, касательно приведенія общихъ понятій въ состояніе недѣлимости. Сущность третьей проблеммы составляло разсужденіе о томъ, какое пособіе доставляетъ познаніе этихъ родовъ, видовъ и раздѣленій по родамъ всѣхъ нашихъ идей. Объ этомъ мало разногласили. Притязаніе на пріобрѣтеніе всеобщаго знанія вдругъ и безъ пріуготовительнаго обученія есть главный характеръ Философовъ среднихъ вѣковъ, которые на томъ основаніи, что они знали роды существъ и естественныхъ явленій, представляли, что они могутъ быть свободны отъ изученія существъ и явленій: почти также заблудился бы въ наше время тотъ, кто, наполнивъ память свою наименованіями родовъ, изъ которыхъ состоитъ химическая номенклатура, вообразилъ бы, что онъ уже знаетъ самую химію. Они даже зашли еще далѣе, и, какъ мы увидимъ это изъ примѣра Раймонда Луллія, въ самомъ дѣлѣ соединяли дѣйствительныя понятія со знаками, опредѣленными для означенія различныхъ родовъ и видовъ нашихъ понятій; приводили въ порядокъ слова, перемѣняли ихъ чрезъ искуственные обороты, и наконецъ представили себѣ, что пріобрѣли общее познаніе посредствомъ этаго умственнаго отраженія; и въ самомъ дѣлѣ начали писать

и говорить (не сообразившись съ собою справедливо ли это), обо всемъ, что могло и даже не могло быть извѣстнымъ: de omni re scibili atqve inscibili.

Впрочемъ, охуждая чрезмѣрныя притязанія схоластическихъ Философовъ, не надобно оставлять безъ вниманія средства, которыя они употребляли. Эти общія понятія, эти общія начала нашихъ познаній и прежде ихъ обращали на себя вниманіе всѣхъ великихъ философовъ, и послѣ каждый размышлялъ о нихъ. Платонъ, Аристотель и Александрійцы въ древности, Лейбницъ, Кантъ, и Шотландская школа въ новѣйшія времена, на основаніи этихъ идей, построяли Философское знаніе. Мы, можетъ быть, смѣемся надъ Реалистами, которые, на основаніи безусловнаго свойства этихъ общихъ понятій, почли ихъ истинными существами: но славный Метафизикъ Малебраншъ, называющій идеи *маленькими существами*, не совсѣмъ достойными презрѣнія, школа Натуралистовъ въ наше время, изъясняющая сходство недѣлимыхъ посредствомъ единства родоваго, развѣ не то же ученіе Реалистовъ допускаютъ? Съ другой стороны, ежели по справедливости судить о мнѣніи Номиналистовъ, то не найдемъ большаго различія между ихъ началами, и положеніями Логиковъ, которые съ Кондильякомъ усвояютъ словамъ безусловное достоинство и думаютъ, что Философія есть *ничто иное, какъ хорошо составленный языкъ*.

Человѣческій умъ всегда вѣренъ самому себѣ; мы видѣли во всѣхъ эпохахъ Исторіи, что размышленіе, занимаясь изученіемъ разума, всегда встрѣчаетъ тамъ однѣ и тѣ же явленія. Это положеніе подтвердится опытомъ въ Исторіи Схоластиковъ, къ которой время возвратиться послѣ предварительныхъ понятій, безъ коихъ трудно было бы постигнуть истинный духъ ея.

Изъ великихъ философовъ первой эпохи, замѣчательнѣе всѣхъ Ансельмъ, Архіепископъ Кантерберійскій, родившійся въ 1035 году въ Аостѣ въ Піемонтской области. Его называютъ вторымъ Августиномъ. Сочиненія его доказываютъ въ немъ человѣка просвѣщеннаго, который руководствуется собственнымъ разумомъ въ умствованіи, не взирая на то, что и онъ также подлежалъ вліянію своего времени, потому что почиталъ Философію орудіемъ религіознаго догматизма. Извѣстнѣе всѣхъ изъ его сочиненій Монологъ, въ которомъ онъ представляетъ необразованнаго человѣка ищущимъ истины съ помощію однѣхъ умственныхъ способностей, мысль смѣлая по времени, не взирая на то, что она была только выдумкою. Это сочиненіе предшествуетъ знаменитому творенію Декарта, и, странное дѣло, ему даютъ преимущество предъ главною идеею *размышленій*. Между прочимъ указываютъ на доводъ, въ которомъ изъ одной идеи о Богѣ вытекаетъ доказательство Его Бытія; это подвергалось различнымъ измѣненіямъ; въ XVIII вѣкѣ надъ нимъ много смѣялись;

в въ XVII оно казалось неоспоримо точнымъ. Декартъ возобновилъ это доказательство въ своихъ *размышленіяхъ*, выводя изъ простой идеи существа совершеннаго доказательство необходимости Бытія этаго существа, т. е. Бога. Онъ не упоминаетъ объ Ансельмѣ, вѣроятно потому, что не зналъ его. Гораздо позднѣе Лейбницъ исправилъ это доказательство въ самомъ основаніи, и представилъ его въ простѣйшемъ и болѣе ученомъ видѣ, приписывая Ансельму честь открытія Декартова доказательства.

Это доказательство Ансельмово въ послѣдствіи было сильно опровергаемо однимъ Монахомъ по имени Гонилономъ, жившимъ въ той же эпохѣ, въ сочиненіи, которое онъ назвалъ *книгою для глупаго.* (*) Онъ старался доказать, что мы не можемъ заключать отъ логической или подлежательной истины къ истинѣ предметной, или дѣйствительной, ни принять за правило того, что все представляемое нами существующимъ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ такое бытіе, какъ мы представляемъ его.

Разговоръ Ансельма, названный *грамматикомъ*, есть весьма слабый образецъ діалектики, основанной на категоріяхъ Аристотеля. Чтобы дать понятіе объ немъ, довольно сказать, что Ансельмъ начинаетъ изслѣдо-

(*) Liber pro insipiente.

вать, и проводить по всѣмъ формамъ слѣдующіе вопросы: Грамматикъ субстанція, или нѣтъ? Первоначальная или зависящая? Грамматикъ можетъ ли не быть человѣкомъ?

Безполезно было бы упоминать о всѣхъ схоластикахъ, извѣстныхъ въ этой эпохѣ, какъ напр. Гильдебертѣ Лавардинскомъ, Беранжерѣ Турскомъ, Лафранкѣ Павійскомъ, Кардиналѣ Петрѣ Даміенѣ; всѣ они только утверждали связь Діалектики съ Богословіемъ.

§ 64.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Реалистовъ и Номиналистовъ.

Въ это время начался знаменитый въ школѣ споръ *Реалистовъ* и *Номиналистовъ*. Предметомъ его было, какъ мы уже сказали выше, опредѣленіе силы и достоинства тѣхъ общихъ понятій, которыя были признаваемы источникомъ знанія. Это прѣніе началось отъ разбора одного мѣста, во введеніи Порфирія къ сочиненію Аристотеля, о различныхъ мнѣніяхъ Платониковъ и Перипатетиковъ, касательно понятій отношенія. Этотъ споръ прямо касался философіи, въ него во-

влечено было также и Богословіе, по причинѣ тѣсной связи, утвердившейся между ними въ это время. Компіенскій Каноникъ Росцеллинъ думалъ, что общія идеи суть только простыя отвлеченія, что умъ составляетъ ихъ посредствомъ сравненія извѣстнаго числа недѣлимыхъ, которыя онъ подводитъ подъ одну главную идею, изъ этаго онъ заключилъ, что общая идея не имѣетъ бытія внѣ ума, составившаго ее; даже назвалъ родовыя идеи простыми словами *Flatus vocis*; отъ этаго мнѣніе его названо номиналізмомъ; впрочемъ не онъ первый его привелъ въ извѣстность. Еще Стилпонъ Мегарскій держался этаго же мнѣнія. Но вѣроятно онъ извлекъ отсюда заключенія, противныя ученію Католической церкви. Абельяръ упрекаетъ его за то, что, по его мнѣнію, никакой предметъ не имѣетъ частей, и что дѣлятся одни слова, которыми означаются вещи. Слѣдовательно, говоритъ онъ, по мнѣнію Росцеллина, Іисусъ Христосъ ѣлъ невещественную часть рыбы, а только часть *слова* рыбы, мнѣніе нелѣпое и нечестивое! —

Но начала бѣднаго Компіенскаго каноника произвели важнѣйшее слѣдствіе, обратившее на себя гнѣвъ Папы. Если общія понятія суть только имена; то слѣдуетъ, что дѣйствительность принадлежитъ только частнымъ вещамъ. Этимъ колеблется всесовершѣннѣйшее единство Пресвятыя Троицы. Три лица, по этому мнѣнію, будутъ существовать, а единство ихъ

будетъ только словесное; однимъ знакомъ сходства трехъ лицъ. Вѣроятно, самъ Росцеллинъ не допускалъ такихъ слѣдствій, но онѣ сами вытекли изъ его началъ. Онъ былъ призванъ на Соассонскій соборъ въ 1092 году, гдѣ и отказался отъ своего мнѣнія, убоясь смерти, по словамъ Ансельма, написавшаго противъ него разсужденіе о единствѣ Св. Троицы.

Вильгельмъ Шампо, ученикъ Росцеллина, учившій въ Парижѣ, въ монастырѣ Виктора впалъ въ противоположную крайность, и увеличилъ еще болѣе *Реализмъ*. Онъ утверждалъ, что общія понятія не только не простыя имена, но напротивъ только онѣ однѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ; а недѣлимыя, на которыя разрѣшаютъ общія идеи, существуютъ не сами по себѣ, но по связи съ общими понятіями. напр. Человѣчество, говоритъ онъ, существуетъ; а всѣ люди суть только части его. Бель заключилъ изъ этаго мѣста, что Вильгельмъ Шампо держался системы, подобной системѣ Спинозы, который, какъ увидимъ въ послѣдствіи, утверждалъ, что въ мірѣ существуетъ одна только субстанція, служащая основаніемъ для всѣхъ недѣлимыхъ. Но это мнѣніе неосновательно. Реалисты и Номиналисты никогда не разсуждали *о субстанціи міра*. Всѣ этѣ секты старались только узнать дѣйствительны, или нѣтъ, всеобщія понятія; и сообщаютъ ли онѣ, или не сообщаютъ сущность недѣлимымъ.

§ 65.

АБЕЛЬЯРЪ.

Вильгельмъ Шампо въ Парижѣ весьма прославился искуствомъ спорить, къ нему собиралось безчисленное множество слушателей; но его слава была помрачена знаменитымъ Абельяромъ, чудесные успѣхи коего въ должности Профессора способствовали утвержденію Парижскаго Университета.

Петръ Абельяръ родился около 1080 года въ Палеѣ, небольшей деревенькѣ близъ Нанта. Желаніе просвѣтиться побудило его посѣщать главныя школы, въ коихъ учили діалектикѣ, и наконецъ привлекло въ Парижъ, гдѣ эта наука процвѣтала болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ при Вильгельмѣ Шампо. Ученикъ незамедлилъ состязаться съ своимъ учителемъ, и безъ труда побѣдилъ противника, котораго онъ такъ много превосходилъ. Абельяръ при огненномъ воображеніи, обладалъ чрезвычайною проницательностію, удивительною прозорливостію, чувствомъ къ истинному и прекрасному и сильнымъ характеромъ. Онъ зналъ кромѣ Отцевъ церкви, многихъ классическихъ писателей, к. т. Цицерона, Виргилія, Аристотелеву Логику, Платонова Тимея; чтеніе свѣтскихъ писателей имѣло вліяніе на чистоту, изящность и понятность слога его, чего въ современникахъ его незамѣтно.

Въ собраніи изданныхъ сочиненій его заключаются только его письма, сочиненія Аскетическія, Богословскія и нравственныя. Въ неизданныхъ рукописяхъ его нашли умозрительную Философію. Онѣ содержатъ драгоцѣнныя документы касательно вопроса о всеобщихъ понятіяхъ; но по причинѣ неисправностей, находящихся въ нихъ, трудно узнать точно собственное мнѣніе Абельяра объ этомъ предметѣ.

Извѣстно, что онъ равно противился и Росцеллинову Номинализму и Реализму Вильгельма Шампо. Вѣроятно онъ училъ, что общія идеи не имѣя предметной, собственной и независимой дѣйствительности, суть понятія ума; но что это понятіе должно образоваться и удержаться въ умѣ посредствомъ внѣшнихъ знаковъ языка; онъ основывалъ ихъ не на простомъ терминѣ, какъ Росцеллинъ, но на предложеніи потому, что оно выражаетъ отношеніе и связь подлежащаго съ свойствами такъ, какъ понимаетъ ихъ разсудокъ. Его философское поприще началось преніемъ съ Вильгельмомъ Шампо, а окончилось гораздо важнѣйшимъ споромъ съ Бернардомъ. Это преніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похоже на преніе Боссюста съ Фенелономъ. Абельяръ былъ обвиненъ подобно Фенелону и покорился съ такимъ же послушаніемъ. Онъ написалъ для своихъ учениковъ разсужденіе, въ которомъ старался изъяснить имъ по разуму догматъ Св. Троицы. Его укоряли за то, что онъ въ этомъ разсужденіи усвоилъ Отцу все-

могущество преимущественнѣйшее, нежели какое усвоилъ Сыну и Св. Духу, чрезъ что и раздѣлилъ нераздѣлимую сущность Божественную. Троицу онъ объясняетъ сравненіемъ съ силлогизмомъ; а именно: какимъ образомъ большее предложеніе, меньшее и заключеніе составляетъ одинъ силлогизмъ; такъ точно Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Духъ Святый суть единосущны. На конецъ оригинальность его Богословія состояла особенно въ томъ, что онъ закономъ для воли Божественной поставилъ свойства Божественныя, именно: благость, правосудіе и проч. а такимъ образомъ волю и необходимость въ природѣ Божественной принялъ за одно. За это самое, вмѣстѣ съ Робертомъ Паллейномъ, Профессоромъ Оксфордскимъ, который напослѣдокъ былъ Кардиналомъ и Канцлеромъ Римской церкви, Бернардъ строго на него нападалъ. (*)

Изъ обстоятельствъ жизни этаго славнаго мужа можно почерпнуть нѣкоторыя понятія о мнѣніяхъ и понятіяхъ его современниковъ. Изъ оныхъ видно, съ какимъ соревнованіемъ въ то время Французскіе юноши

(*) Бернардъ говоритъ: In primis libris theologiae suae vel potius stultilogiae, cum de trinitate loquitur, sapit Arium; cum de gratia Pelagium; cum de Christo, Nestorium. Въ числѣ учениковъ Абельяръ имѣлъ 20 кардиналовъ и болѣе 50 Архіепископовъ и Епископовъ.

стремились къ ученію, и какое живое участіе возбуждали таланты этаго учителя, о чемъ спорили тогда, и какъ враждовали между собою начальники школъ. Тысящи слушателей окружаютъ Профессора; и тогда какъ для избѣжанія гоненій, онъ долженъ былъ скрыться съ поприща своей славы, они слѣдуютъ за нимъ въ его убѣжище, и даже, для слушанія его собираются въ дубровѣ часовни во имя Св. Троицы. Монахи, оскорбленные его укоризнами, возмущенные преобразованіями, имъ замышляемыми, безпокоятъ его, и хотятъ лишить жизни ядомъ, или убійствомъ. Монастыри, и аббатства оспариваютъ его другъ у друга, поставляя свою честь въ томъ, чтобы держаться его ученія. Съ нимъ почти равняется въ познаніяхъ и талантахъ женщина, предметъ его страсти и главная вина его бѣдствій, женщина, превосходящая его чувствительностію, нѣжностію и добродѣтелію. Научившись у него, она сама дѣлается игуменьею вышеозначенной часовни, и своихъ мудрыхъ подругъ знакомитъ съ возвышенными науками. (*) Изъ писемъ Абельяра и Елоизы, сохранившихся для потомства, и составляющихъ по мнѣнію новѣйшихъ писателей самый трогательный романъ, Историкъ видитъ и узнаетъ какъ степень понятія и образованія тогдашняго времени, такъ и направленіе ихъ.

(*) Pro logica Evangelium, pro Platone christum, pro Academia clavstrum tota iam et vera philosiphica mulier legisti Pierre-le Vénérable.

Между современниками Абельяра знаменитъ Гильбертъ-дела-Порре, Епископъ, который столь отважно разсуждалъ о наукахъ Богословскихъ, что подпалъ суду церковному, но такъ искусно и остро защищалъ свои начала, что счастливо окончилъ дѣло. Въ своемъ довольно посредственномъ сочиненіи, подъ названіемъ: *шесть началъ*, онъ сократилъ Аристотелевы категоріи.

Петръ Ломбардъ, сочинитель *Учителя мнѣній* — *magister sententiarum*, Богословскія истины излагалъ столь правильно и столь ясно, что его книга сдѣлалась руководствомъ для всѣхъ Профессоровъ этой науки. Онъ раздѣлилъ довольно остроумно по матеріямъ различныя Богословскія проблеммы и опредѣленія оныхъ, изложилъ доказательства, кои, какъ въ защищеніе, такъ и въ опроверженіе, привесть можно. Наконецъ онъ былъ Епископомъ Парижскимъ.

Готіеръ Викторскій чувствовалъ, что чрезъ приложеніе Діалектики къ Богословію можно было дойти только къ отрицательнымъ заключеніямъ. Въ своихъ сочиненіяхъ противу *Учителя мнѣній* онъ покушался, но тщетно, совратить своихъ современниковъ съ того пути, по коему они шествовали.

Между тѣмъ, какъ Бернардъ, усовершитель Грамматики въ школахъ Парижскихъ, съ жаромъ занимался изученіемъ немногихъ отрывковъ изъ сочиненій Платона, и

пытался соединить ученіе о идеяхъ съ категоріями и формами Аристотеля; въ чемъ, впрочемъ послѣ него ученѣйшій мужъ Вильгельмъ Конхскій болѣе успѣлъ; мистицизмъ пріобрѣлъ себѣ великое число послѣдователей, изъ коихъ главными были Гуго, а особенно Ричардъ Викторскій. Они оба составляли правила для созерцанія. Ричардъ уподоблялъ сѣдалище созерцанія вершинѣ горы, возвышенной надъ всѣми свѣтскими знаніями; откуда мудрый видитъ всю Философію и всякое знаніе подъ ногами своими.

Между тѣмъ горизонтъ ученый мало по малу разширялся; ученіе Платона и Аристотеля, которое лучше понимали, хотя еще не имѣли ихъ главныхъ твореній, держало ученыхъ въ недоумѣніи, а словесныя науки нечувствительно разширялись. Главное мѣсто занимала Діалектика и тѣ тонкости, въ кои она необходимо впадаетъ, если занимается одними словами. Впрочемъ начали уже понимать, что споръ о буквахъ и слогахъ не составляетъ главнаго достоинства, и чувствовали, что время было заниматься изслѣдованіями, гораздо важнѣйшими.

Іоаннъ Сализбурскій, извѣстный какъ и прочіе ученики Абельяра, своимъ вкусомъ и своими словесными познаніями, прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы обратить умы своихъ современниковъ къ полезнѣйшимъ наукамъ, и съ жаромъ нападалъ на Діалектику своего

времени. Онъ упрекалъ философовъ за ихъ покорность правиламъ Аристотеля и слѣпую вѣру въ силу общихъ понятій. Изъ его сочиненій извѣстны только два, кои оба выше времени, въ которое писаны: одно называется *polycraticus*, а другое *Metalogicus*.

Въ поликратикѣ Іоаннъ Сализбурекій занялся философіею, нравоученіемъ и правомъ; онъ сначала занимается практическими приложеніями, потомъ разсуждаетъ о должностяхъ и правахъ Государей; опредѣляетъ законы и назначаетъ имъ цѣль; наконецъ касается различныхъ родовъ общественной экономіи. Не безъ удивленія можно смотрѣть на писателя двѣнадцатаго вѣка, защищающаго свободу. Онъ говоритъ, что нѣтъ ничего славнѣе свободы, исключая добродѣтели, если только можно отдѣлить добродѣтель отъ свободы.

Его Металогикъ направленъ противъ секты защитниковъ непросвѣщенія того времени, которые вооружались противъ усиленія наукъ. Онъ сражался съ ними и умствованіемъ и сатирою, и защищалъ методъ ученія, разкрытый Бернардомъ.

Аделардъ и Аланъ (*ab Fusulis*), также отличаются отъ своихъ современниковъ своими познаніями, и своими высшими взглядами. Аделардъ посѣщалъ школы Арабскія въ Испаніи, Египтѣ и малой Азіи: по возвращеніи своемъ онъ употребилъ всю дѣятельность своего

ума на раскрытіе словесныхъ и философскихъ наукъ. Въ своей остроумной Аллегоріи, намѣкающей на свойства Платона, онъ представляетъ молодаго человѣка, преданнаго философіи; но его старается отторгнуть отъ этаго нерасположенная къ наукѣ богиня, называющаяся *міролюбіемъ*. Первая влечетъ его къ размышленію, а другая соблазняетъ юнаго философа прелестями и удовольствіями міра. Аделардъ особенно старался возбудить вниманіе западныхъ философовъ къ философіи Арабовъ, которыя владѣя большею частію сочиненій Аристотелевыхъ, гораздо болѣе успѣли въ наукахъ, нежели сколько успѣли самые отличные профессоры тогдашнихъ училищъ.

Аланъ (*ab Fusulis*), сочинитель славной поэмы, называемой *Анти-Клавдій*; свои философскія идеи, заимствованныя изъ Александрійскаго мистицизма, облекъ формами поэзіи, и востановилъ уваженіе къ философіи нравственной, которую очень часто для діалектики пренебрегали, и которою Абельяръ занимался въ частности. Въ книгѣ подъ названіемъ *воздыханіе природы*, онъ выводитъ на сцену натуру, бесѣдуетъ съ нею, и предлагаетъ ей многіе вопросы. Въ лицѣ, которое онъ заставляетъ играть главную роль, и свойствахъ ему приписываемыхъ нельзя не признать деміурга новыхъ платониковъ. (*)

(*) Вотъ первые двѣ строфы его:

O Dei proles genitrixque rerum,

Въ концѣ этаго перваго періода схоластической философіи, въ продолженіи котораго духъ человѣческій сдѣлалъ столько, сколько возможно было сдѣлать при помощи одного органона Аристотелева, и при помощи мистическихъ книгъ, приписываемыхъ обыкновенно Св. Діонисію Ареопагиту. — Амалрикъ Картрскій и Давидъ Динантскій усиливались независимымъ образомъ раскрыть нѣкоторыя идеи, заимствованныя отъ древней философіи, почти въ такомъ же отношеніи, въ какомъ дѣлалъ это Іоаннъ Скотъ Еригена. — Система ихъ повидимому была родъ пантеизма. Если вѣрить историку Ригору, то эти схоластики знали книги метафизики Аристотелевой, которыя въ это время привезены были изъ Константинополя во Францію и Германію. Извѣстно, что Папская власть, осудивъ заблужденія Амалрика и Давида, производила ихъ ереси отъ сочиненій философа Стагирскаго. Въ 1209 году опредѣлено было, всѣ сочиненія его собрать и сжечь, и запрещено, подъ опасеніямъ отлученія отъ церкви, читать оныя, или

Vinculum mundi, stabilisqve nexus,
Gemma terrenis, speculum, caducis
Lucifer orbis!

Pax, amor, virtus, regimen, potestas,
Ordo, lex, Finis, via, dux, origo,
Vita, lux, splendor, species, figura,
Regula mundi!

списывать. Но въ концѣ втораго періода Философіи Схоластической, этотъ же самый Аристотель будетъ лучше узнанъ и оцѣненъ; объ немъ будутъ разсуждать совсѣмъ другимъ образомъ, и, можно ли повѣрить ? едва не причислятъ его къ Святымъ.

Вторая эпоха отъ тринадцатаго столѣтія до четырнадцатаго.

Союзъ системы церковной съ философіею Аристотелевой, торжество реализма, направленіе философіи, сообщенное Арабами.

§ 66.

ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ:

Философы Арабскіе:

Алкинди — — — — —	800.	Алгазель — — — — —	1127.
Алфараби — — — — —	954.	Тофаилъ — — — — —	1190.
Авиценна — — — — —	1056.	Аверрой — — — — —	1217.

Философы Іудейскіе:

Абенъ-Езра — — — —	1174.	Моисей Маймонидъ — —	1205.

Главные учители Схоластическіе:

Александръ Галескій — —	1245.	Викентій Бове — — — —	1264.
Вильгельмъ изъ Оверна —	1249.	Роймондъ Теннафортскій —	1274.
Михаилъ Скотъ — — — —	1217.	Робертъ-большая голова —	1255.
Албертъ Великій — — —	1280.	Генрихъ Гандскій — — —	1293.

Бонавентура — — — —	1277.	Петръ Лиссабонскій — —	1277.
Фома — — — — — —	1274.	Іоаннъ XXI.	
Ричардъ Мадлетонскій — —	1300.	Дунсъ Скотъ — — — —	1308.
Егидій Колонна — — —	1316	Францискъ Миронійскій —	1325.
Гервей Наталисъ — — —	1325.	Роджеръ Баконъ — — —	1294.
Арнольдъ Виллелевскій —	1312.	Дурандъ Спурсенскій — —	1332.
Раймондъ Луллъ — — —	1316.	Петръ Албано — — — —	1320.

§ 67.

Діалектика, въ приложеніи къ Христіанской вѣрѣ необходимо долженствовала заключиться въ тѣхъ границахъ, которыя власть ей предназначила: но въ этомъ случаѣ она не была философіею. Чтобы дѣйствительно заслужить это, она имѣла нужду въ гораздо большей независимости и свободѣ; а чтобы пріобрѣсти эту свободу и имѣть право отдѣлиться отъ Богословія: то для этаго нужно было усовершиться ей еще въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Въ продолженіи всего втораго періода своего она служила Богословію; и Богословіе чрезъ эту услугу достигло высокой степени совершенства; почему Богословіе не могло не даровать ей независимости, какъ бы въ награду за услугу. Этимъ она одолжена тремъ великимъ мужамъ: Алберту Великому, Ѳомѣ Аквинату, Дунсъ Скоту, и тому умственному направленію, которое было слѣдствіемъ введенія сочиненій Аристотеля, изтолкованныхъ Арабами.

§ 68.

ФИЛОСОФЫ АРАБСКІЕ И ІУДЕЙСКІЕ.

Наконецъ ученые совершенно узнали Аристотеля, коего счастіе было непостоянно въ школахъ среднихъ вѣковъ. Узнавъ его по возможности, они безпрекословно послѣдовали ему и благоговѣли предъ его Геніемъ; полное собраніе его сочиненій получено изъ Константинополя, коимъ на краткое время завладѣли Латиняне, и изъ Испаніи, въ которой уже давно онѣ были распространены философами Арабскими. Славные Калифы: Алмансоръ, Алрашидъ и Алмамунъ старались основать училища, и завести богатыя библіотеки, дабы возбудить и усилить въ своихъ подданныхъ охоту къ наукамъ и словесности. Въ слѣдствіе ихъ попеченій эта могущественная и пламенная нація, покоривъ большую часть Азіи, Африки и Европы, устремила всю свою дѣятельность на изученіе медицины, естественной исторіи, математики и философіи. Арабы нашли ученіе Аристотелево и Александрійское уже на брегахъ Средиземнаго моря. Это соотвѣтствовало ихъ пышному и живому уму. Они толковали Логику Аристотелеву и вмѣстѣ предавались мистическому изступленію Неоплатониковъ.

Алкиндій Бецрскій, который первый показалъ своимъ соотечественникамъ примѣръ слѣпаго почтенія

къ Аристотелю, жилъ при дворѣ Калифа Алмамуна, коего онъ былъ лѣкаремъ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Карла Великаго: главнымъ предметомъ изученія его были науки Физическія и Математическія.

Еще гораздо ревностнѣе уважалъ Аристотеля Алфараби, украшеніе школы Багдадской. Происходя отъ знатнаго племени, и обладая великимъ богатствомъ, онъ совершенно посвятилъ себя наукамъ и размышленію. Схоластики весьма много пользовались его Логикою и разсужденіемъ о началѣ и раздѣленіи наукъ.

Авиценна, человѣкъ необыкновенный, какихъ только производила эта нація, знаменитъ сколько по своимъ познаніямъ въ Медицинѣ, столько же и по своимъ трудамъ Философскимъ. Его толкованія на Аристотелеву Метафизику, обнаруживаютъ въ немъ оригинальный умъ. Его сочиненія по медицинѣ, не взирая на то, что онѣ почерпнуты изъ Гиппократа и Галіена, даже въ Университетахъ Европейскихъ до конца семнадцатаго столѣтія были признаваемы образцовыми.

Алгазель Ѳусцій, приверженецъ Корана, почитая чудеса Магомета доказательствомъ его божественнаго посольства, ратовалъ скептицизмомъ противъ догматическихъ мнѣній своихъ соотечественниковъ, и опро-

вергалъ это философское ученіе, основанное на Сенсуализмѣ Аристотелевомъ, и возвышенное идеализмомъ Александрійскимъ.

Тофаилъ Кордуанскій съ равнымъ усердіемъ занялся изученіемъ мистическаго ученія Александрійцевъ. Въ остроумномъ романѣ, называемомъ *человѣкъ природы* или *философъ самоучащійся*, онъ оригинально раскрылъ главныя идеи, заимствованныя изъ этой философіи. (*)

Безъ прекословія знаменитѣе всѣхъ Арабскихъ философовъ былъ Авверроесъ, родившійся въ Кордуѣ, какъ и его учитель Тофаилъ, и скончавшійся въ Марокѣ, въ началѣ тринадцатаго вѣка. Онъ на Философію Схоластическую имѣлъ большее вліяніе, и старался внушить своимъ соотечественникамъ тоже удивленіе и почти рабское почтеніе къ Аристотелю, какимъ былъ самъ исполненъ къ нему. Но поелику къ ученію Аристотеля онъ примѣшалъ идеи, взятыя изъ системъ Александрійскихъ, а въ особенности гипотезъ истеченія; то онъ увлекъ Философовъ среднихъ вѣковъ, судившихъ о Аристотелѣ по руководству его, въ безко-

(*) Лейбницъ читалъ съ удовольствіемъ Тофаила и дивился возвышеннымъ мыслямъ Арабскихъ Философовъ о Богѣ.

нечныя разсужденія о матеріи и формѣ, субстанціи и сущности, о формахъ субстанціальныхъ и многихъ другихъ выраженіяхъ, испортившихъ Метафизику и схоластическую психологію. По его примѣру со всею подробностію были обработаны, расположены, раздѣлены и подраздѣлены на виды всѣ роды силлогизма и всѣ правила доказательствъ. Аверроесъ почиталъ начало противорѣчія, котораго держался Аристотель, и которое объяснилъ напослѣдокъ Лейбницъ, первымъ началомъ познаній, достаточнымъ въ самомъ себѣ, такимъ началомъ, безъ котораго не только всякое доказательство, но даже вся Философія невозможна. Онъ довольно обстоятельно опредѣлилъ матерію и форму такъ, что на немъ основывались въ послѣдующіе вѣки. Матерію, по словамъ его, надобно понимать отдѣльно отъ всѣхъ разностей и количества; впрочемъ она отличается отъ лишенія и ничтожества тѣмъ, что составляетъ подлежащее недѣлимыхъ видимыхъ. Она содержитъ въ себѣ всѣ формы, но только въ возможности до тѣхъ поръ, пока дѣйствующая причина не осуществитъ ихъ. Это важное дѣйствіе объясняетъ всю систему существъ, и всѣ явленія природы точно такъ, какъ тайныя пружины, приводящія ее въ дѣйствіе, составляютъ все знаніе."

У Арабовъ были Философы двухъ родовъ: одни *Медабберины* (болтуны, діалектики, разскащики) начиная съ положительнаго ученія Корана, старались Фи-

лософски объяснить происхожденіе міра; они были Сенсуалистами этой страны. — Другіе держались Платонической и Александрійской системы; и по сему бывъ идеалистами, допускали вѣчность міра, и старались соединить эту идею съ положительною религіею. Къ этой школѣ принадлежатъ Аскеты и Софи, мистическіе Пантеисты, коихъ ученіе, существующее еще понынѣ въ Персіи и Индіи, было раскрыто во второе столѣтіе Эгиры Абулъ-Саидъ-Абулъ Чеиромъ.

Этому умственному сообщенію между Западомъ и Испанскими Маврами содѣйствовали Іудеи; они какъ народъ торговый, скитались по Европѣ, знакомили ее въ тоже время съ Авиценною, Тофаиломъ и Аверроесомъ. У нихъ самихъ тогда были славные Философы Абенъ Эзра и Моисей Маймонидъ. Сочиненія перваго, котораго единовѣрцы называютъ мудрецомъ по преимуществу и удивительнымъ, не были напечатаны. Извѣстно, что онъ занимался первоначально толкованіемъ Св. книгъ и Кабалистикою. Второй раскрывалъ ученіе Перипатетиковъ всегда по духу Александрійцевъ. Одною изъ своихъ книгъ, подъ заглавіемъ: *Наставникъ недоумѣвающихъ* (More Nevochim), онъ къ себѣ привлекъ нѣкоторыхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, и заставилъ себя преслѣдовать, такъ что нашелся принужденнымъ бѣжать въ Египтъ. Въ Каирѣ онъ открылъ школу, гдѣ ученіемъ своимъ привлекъ къ себѣ множество слушателей.

§ 69.

УЧИТЕЛИ СХОЛАСТИЧЕСКІЕ

Можно предполагать, что введеніе Арабской философіи должно было причинить движеніе въ монастыряхъ и обителяхъ средихъ вѣковъ. Дѣйствіе разума въ эти средніе вѣки, которые очень часто представляютъ временемъ мрака и невѣжества, сколько многосторонне, столько же и занимательно; а усердіе, съ каковымъ умы принялись за науки, достойно удивленія. Предметомъ изслѣдованій въ это время были науки естественныя, Метафизика и всё касающееся до нихъ. Никогда не старались такъ усовершать науки, никогда языкъ Латинскій не обогащался большимъ числомъ твореній, никогда науки не были въ большой чести, какъ въ XIII вѣкѣ. Можно сказать, что Греческіе и Римскіе писатели въ концѣ сего вѣка стольже хорошо были извѣстны, какъ и нынѣ. Школы славились ихъ именами и изъясненіемъ ихъ сочиненій; всякій схоластическій учитель только чрезъ публичное толкованіе ихъ могъ заслужить имя учителя. Арабскіе философы, забытые въ наше время, были тогда въ великомъ почтеніи; часто одинъ и тотъ же авторъ былъ переводимъ по нѣскольку разъ; и только посредствомъ сличенія между собою разныхъ переводовъ, при постоянныхъ трудахъ, могли объяснять ихъ, соглашать и исправлять ихъ погрѣшности. Однакожъ должно приз-

наться, что тогда при образованіи многостороннемъ, недоставало вкуса и разсудительности; старались узнать много; но не думали, хорошо ли и какъ узнавали.

Съ Епископствомъ Вильгельма Овернскаго начинается вторый возрастъ Схоластической Философіи. Его Епископство замѣчательно въ Исторіи Философской по разсѣянію Парижскаго Университета въ 1229 году, по учрежденію Богословской каѳедры у Францискановъ и Доминиканцевъ. Ордену странствующихъ братій дозволено участвовать въ Академическихъ почестяхъ, умножено число привиллегій, составлявшихъ всегда предметъ славныхъ споровъ; распространены ученія Философовъ Греческихъ и Арабскихъ, и разкрыты Александромъ Гальскимъ, Албертомъ Великимъ, Робертомъ Линкольскимъ.

Дѣйствительно Вильгельмъ нуженъ былъ для эпохи, въ которую онъ жилъ; ревностное благочестіе, обширныя Богословскія и свѣтскія познанія, какія можно было тогда пріобрѣсть, отличная Діалектика, составляютъ его свойства; изъ метафизики и науки естественной онъ изключилъ все то, что не могло согласоваться съ текстами библіи, изъ которой онъ почерпалъ начала своего ученія.

Александръ Гальскій, котораго современники, по обыкновенію давать каждому ученому особенное проз-

ванье, называли Doctor irrefragabilis, толкователь учителя мнѣній, сочиненія Петра Ломбарда; Викентій Бове, отъ щедротъ Людовика, у котораго онъ воспитывалъ дѣтей, собравшій многочисленную библіотеку, которою онъ ползовался при Энциклопедическомъ сочиненіи по системѣ Реалистовъ, подъ заглавіемъ, *зеркало естественное, историческое и ученое*; Михаилъ Скотъ, который утвердившись въ Толедѣ въ 1217 году перевелъ многія Аристотелевы книги и между прочими разсужденіе *de anima*; Робертъ Большеголовый, учившій съ успѣхомъ въ Парижѣ и Оксфордѣ, занимались только толкованіемъ Аристотеля, пытаясь согласить Метафизику съ Богословіемъ Догматическимъ. Объ нихъ довольно упомянуть только. Теперь обратимъ наше вниманіе на великихъ людей, имѣвшихъ по своимъ необъятнымъ трудамъ большее вліяніе на образованіе этаго времени.

§ 70.

АЛБЕРТЪ ВЕЛИКІЙ.

Албертъ, потомокъ знаменитой фамиліи Графовъ Больштадскихъ, родился 1193-го года въ Лавенгенѣ, въ Швабіи. Отличныя свои дарованія онъ усовершалъ съ ревностію въ Академіяхъ Парижской и Павійской. Въ послѣднемъ городѣ Албертъ учился Математикѣ, Философіи и даже Медицинѣ, познакомился съ Журда-

вомъ, начальникомъ Доминикапцевъ, и по его внушенію и примѣру вступилъ въ орденъ Доминиканцевъ. Онъ училъ въ Парижѣ, и во многихъ Нѣмецкихъ городахъ, и въ 1248 году остановился жить въ Кельнѣ, гдѣ и умеръ на 87 году отъ рода. Онъ авторъ не только тѣхъ сочиненій, кои напечатаны въ числѣ 21 тома въ листъ; но и другихъ еще.

Албертъ въ Философской исторіи неоспоримо долженъ быть отнесенъ къ числу необыкновенныхъ людей. Нельзя не дивиться невѣроятной его дѣятельности, безчисленнымъ сочиненіямъ, а особенно при тѣхъ затрудненіяхъ, кои необходимо встрѣчались въ такую эпоху, когда не было еще открыто книгопечатаніе. По прозьбѣ братьевъ своего ордена онъ упражнялся въ Аристотелевой Философіи, уже столько занимавшей всѣхъ Схоластиковъ, рѣшился ее изтолковать, даже перевесть на Латинскій языкъ, объяснить въ ней темныя мѣста, исправить погрѣшности, распространить въ краткихъ мѣстахъ, наконецъ дополнить нѣкоторыя части его ученія, кои еще были неизвѣстны Латинянамъ. Этотъ второй Аристотель желалъ подобно первому познать всё возможное для человѣка. Онъ много путешествовалъ, и съ великими издержками пріобрѣталъ книги. Такъ какъ онъ преимущественно занимался естественными науками, и знаніемъ своимъ превзошелъ всѣхъ современниковъ; то и усвоютъ ему черную магію, чему не надобно дивиться; потому что онъ

самъ признается въ своемъ разсужденіи *о душѣ*, что посредствомъ своихъ магическихъ опытовъ онъ узналъ сущность волшебствъ. (*)

Наконецъ надобно сказать, что онъ былъ болѣе ученый и подражатель, нежели глубокій мыслитель и оригинальный критикъ. Въ толкованіяхъ своихъ на Аристотеля онъ особенно пользовался Арабскими писателями, и смѣшивалъ Неоплатоническія идеи съ идеями своего автора. Онъ началъ тонкія разсужденія о матеріи и формѣ, сущности и бытіи, кои часто будутъ повторяться далѣе.

§ 71.

ѲОМА АКВИНАТЪ.

Ѳома произошелъ, какъ и Албертъ великій, отъ знаменитой фамиліи; подобно ему онъ отказался отъ чести и достоинствъ мірскихъ для религіи и наукъ;

(*) Однажды Албертъ показывалъ самодвижущуюся, одаренную словомъ статую. Ѳома Аквинатъ принявъ куклу вмѣсто демона, сокрушилъ ее посохомъ. Въ другой разъ Албертъ ввелъ одного Государя въ монастырскій садъ и тамъ среди зимы представилъ ему майскую температуру воздуха и весеннюю зелень.

подобно ему вступилъ въ Доминиканскій Орденъ. Находясь въ этомъ орденѣ, онъ обнаружилъ свое безкорыстіе, принявъ на себя одну должность Профессора; онъ былъ несравненнымъ Профессоромъ, такъ что его назвали *Doctor Angelicus*, и Ангеломъ школы. Онъ началъ учиться въ Неаполѣ, а потомъ усовершенствовался въ Кельнѣ у Альберта великаго, училъ попеременно въ Кельнѣ, Парижѣ и другихъ Италіанскихъ Городахъ, куда сопутствовалъ двору Римскому; въ послѣдней странѣ Ѳома былъ въ такомъ же уваженіи, въ какомъ Альбертъ въ Германіи.

Ѳома, вмѣстѣ съ ревностію къ умственнымъ занятіямъ, обладалъ истиннымъ философскимъ умомъ, обширными познаніями, и былъ весьма начитанъ. Онъ былъ ученъ хотя менѣе Альберта великаго, впрочемъ совершенно зналъ достоинство Арабскихъ и Греческихъ философовъ, и всѣми мѣрами поощрялъ переводившихъ творенія ихъ. Европа весьма много одолжена ему за всѣ, по его настоятельности, сдѣланные переводы. Какъ Метафизикъ, и какъ правоучитель онъ заслужилъ память въ Исторіи философіи. Онъ былъ идеалистъ, и почиталъ предметы умственные, или отвлеченія оригинальною сущностію вещей; старался эту систему привесть въ лучшее положеніе, разкрывая Аристотелеву теорію мышленія, къ которой примѣшена была часть идей Платоновыхъ и Александрійскихъ. Но главною цѣлію его усилій было то, чтобы Богословію дать

философскую форму чрезъ основаніе его на ученіи Аристотелевомъ и Александрійскомъ. Его сочиненіе *summa Theologiae* служитъ памятникомъ человѣческаго ума въ среднихъ вѣкахъ. Это есть первый и важнѣйшій опытъ Богословской системы, въ которой можно видѣть главнѣйшія черты Теодицеи Лейбницевой. Нравоученіе, раздѣленное на общее и частное, онъ писалъ руководствуясь частію нравоученіемъ Аристотелевымъ. И хотя Ѳома не опредѣлилъ главныхъ понятій съ достаточною подробностію, впрочемъ онъ ввелъ въ эту науку весьма много важнаго и справедливаго. Имъ долгое время руководствовались въ Богословіи, а Философія его въ продолженіи многихъ вѣковъ имѣла множество послѣдователей

§ 72.

ІОАННЪ ДУНСЪ СКОТЪ.

И Францисканскій орденъ имѣлъ Философа славнаго, подобнаго предъидущимъ, и сильнаго ихъ соперника. Это былъ первый Схоластикъ своего времени, Англичанинъ Скотъ, родившійся въ Дунстонѣ въ Нортумберландѣ 1215 года, котораго называли *Doctor subtilis.* Его творенія показываютъ въ немъ начитанность; въ нихъ заключается сравнительное перечисленіе различныхъ мнѣній, на вопросы его времени. Хотя онъ былъ реалистомъ, впрочемъ не держался уче-

нія Ѳомы объ идеяхъ общихъ; онъ говорилъ, что всеобщности, не только по возможности (posse), но и по самой дѣйствительности (actu), нѣтъ въ предметахъ. Должно сказать, что онъ, вдался въ пустые обороты и остроты, единственно по желанію побороть своихъ противниковъ.

Примѣръ этѣхъ тонкостей можно видѣть въ его рѣшеніи проблеммы касательно приведенія въ состояніе недѣлимыхъ, (individuatio): хотя общія понятія, говоритъ онъ, произошли отъ опытности, впрочемъ они не суть дѣйствительны потому, что разумъ ихъ непроизводитъ, но получаетъ; ибо предметъ въ бытіи предшествуетъ его познанію. Во всякомъ родѣ есть первое единство, которое есть мѣра его. Это единство дѣйствительно; ибо предметы измѣряемые дѣйствительны. Но предметы дѣйствительные не могутъ быть измѣряемы только бытіемъ разума. Это единство есть ни дѣлимое, ни числительное, оно находится въ вещахъ независимо отъ дѣйствій разума.

Но что нужно общему и родовому, дѣйствительно существующему, чтобы изъ него образовать недѣлимое? Скотъ не находитъ основанія къ тому ни въ матеріи, ни въ формѣ, ни въ случайности. Онъ прибѣгъ къ такъ называемымъ *бытностямъ положительнымъ*, (Entitates positivae) опредѣляющимъ природу вещей, которыя его школою названы haecceitates; напр.

какимъ образомъ Петръ есть недѣлимое? Это происходитъ по словамъ Скота такъ, что Petreitas соединяется съ человѣчествомъ.

Скотъ заслужилъ славу не тѣмъ, что онъ увеличилъ и такъ уже длинный списокъ сущностей схоластическихъ; но тѣмъ, что онъ съ надлежащею точностію различаетъ идеи чувственныя отъ идей необходимыхъ и безусловныхъ. Онъ очень хорошо доказалъ, что отъ послѣднихъ зависитъ всякая истина. Чувствованіе есть случай, а не причина ихъ, онѣ основываются на свойствѣ ума, ихъ образующаго. Волю онъ почитаетъ совершенною произвольностію, свободною причинностію; а совершенствомъ почитаетъ сообразованіе ея съ волею Божественною.

Эти три человѣка, усовершая форму Богословія, т. е. единственную Философію, какая тогда могла существовать, возвысили ее до того, что ей скоро нужно было освободиться отъ начала, которому она была подчинена, и вступить въ права независимости. Ихъ современники могли только приставать къ тому, или другому, слѣдовать по ихъ стопамъ. Скучно и безполезно будетъ перечислять всѣ ихъ разсужденія, объ отвлеченныхъ предметахъ, составляющихъ Аристотелеву Метафизику, тонкости, и мелочныя умствованія, коими возобновлялись ихъ главныя идеи, въ формѣ болѣе, или менѣе понятной. Въ особенности въ сочиненіяхъ Скота надобно искать ученіе этаго времени

о существованіи, сущности, вещи и субстанціи, объ отношеніи и различіи его отъ своего предмета, о постепенности свойствъ, о причинѣ недѣлимости вещей, объ отношеніи матеріи къ формѣ, о пространствѣ и времени, о простотѣ души, о свойствѣ мысли и разума и другихъ предметахъ онтологическихъ, которыми занимались Схоластики.

Изъ недостовѣрныхъ слѣдствій, произшедшихъ отъ такого философствованія, люди великіе безъ сомнѣнія могли видѣть, что ученые этаго вѣка не имѣли въ виду какой-либо цѣли практической. Но такъ какъ большая часть изъ нихъ были отшельники, которые опредѣлили себя къ жизни созерцательной, скрылись отъ міра, мало занимались выгодами общественными; то цѣлію для себя поставляли только изученіе онтологіи, въ отношеніи ея къ Богословію: и старались отличиться предъ сверстниками одними тонкостями. Тѣ, коихъ духъ не былъ удовлетворяемъ этими созерцаніями отвлеченными, не хотѣли въ наблюденіи и опытѣ, въ этихъ неизчерпаемыхъ источникахъ познанія почерпать началъ твердѣйшихъ, а прибѣгали къ мистицизму. Это сдѣлалъ современникъ Алберта Великаго Іоаннъ Дефиданза, болѣе извѣстный подъ именемъ Бонавентуры, и названный отъ современниковъ *Doctor seraphicus*. Онъ производилъ все знаніе изъ высшаго свѣта, или просвѣщенія, которое онъ раздѣляетъ на наружнее, внутреннее, низшее и высшее. По его мнѣ-

нію люди только въ нѣдрѣ одного Бога могутъ почерпать истину и снискать счастіе. Въ его сочиненіи: *путь души къ Богу*, онъ описываетъ шесть степеней, по коимъ человѣкъ возвышается къ Богу, и относитъ къ этимъ степенямъ столько же способностей душевныхъ. — Мнѣніе довольно плодовитое и замысловатое, но болѣе произвольное и натянутое!

Но число тѣхъ, кои устремились къ новому ученію Альберта, Ѳомы и Скота долженствовало быть, и дѣйствительно было, весьма велико. Мы неможемъ разбирать каждаго въ частности. Ограничимся показаніемъ вкратцѣ главныхъ чертъ спора учениковъ Ѳомы и Скота, послѣдователей Ангела школы и тонкаго учителя.

§ 73.

ПОСЛѢДОВАТЕЛИ ѲОМЫ И СКОТА.

Современникъ Ѳомы Генрихъ Гандскій, названный *Doctor solennis*, разбирая формы Аристотелевы и нѣкоторыя начала формы, своими отвлеченіями заслужилъ себѣ великую славу. Тогда старались узнать, можетъ ли быть отдѣлено бытіе отъ сущности; Генрихъ по видимому разрѣшилъ сей вопросъ къ общему удивленію. Мы не почитаемъ нужнымъ повторять его умствованія, въ которомъ, признаться, мы ничего непоймемъ.

Другой учитель (Doctor solidus, copiosus, fundamentissimus). Ричардъ Миддлетонъ, родившійся и выучившійся въ Оксфордѣ, и принадлежащій къ Францисканскому ордену, славился (что было рѣдко въ это время) чистотою идей, и умозрѣніями отвлеченными. Послѣдователи Ѳомы не допускали никакого различія между душами. Ричардъ ихъ опровергалъ. Душа человѣческая, говоритъ онъ, въ своихъ толкованіяхъ на *учителя мнѣній*, имѣетъ извѣстное протяженіе, отличное отъ пространства тѣлъ, не взирая на то, что она имѣетъ съ нимъ нѣкоторое сношеніе, она находится въ каждой части тѣла, такъ какъ Богъ въ каждой части пространства.

Между учениками Дунсъ Скота, надобно упомянуть о Францискѣ Миронискомъ, учителѣ просвѣщенномъ (Doctor illuminatus). Онъ точно опредѣлилъ нѣкоторыя идеи своего учителя, и къ нимъ прибавилъ еще свои.

Егидіо Колонна Римскій болѣе всѣхъ защищалъ начала Ѳомы; онъ сѣдалищемъ истины почиталъ и разумъ и предметъ. Особенную услугу оказалъ онъ яснымъ разкрытіемъ проблемъ и трудностей метафизическихъ и покушеніемъ согласить противоположныя мнѣнія о существѣ, формѣ, матеріи и недѣлимости. Другой послѣдователь Ѳомы Гаврей Наталисъ, Британецъ, Генералъ ордена Доминиканскаго, отличился ученою Діалектикою, которая въ иныхъ мѣстахъ очень

отвлеченна, и особенно своими спорами съ Епископомъ Вильгельмомъ Дурандомъ Сентпурсенскимъ. Послѣдній, какъ человѣкъ великаго ума, начиналъ понимать ничтожность Діалектики. „Сколь бы ни велико было достоинство, говоритъ онъ, приписываемое послѣдователями Аристотеля *дѣйствующему уму*; но это разсужденіе менѣе приноситъ пользы, нежели нетина." Онъ приготовилъ реализму паденіе точнымъ различіемъ понятія отъ его предмета. Его называютъ самымъ отважнымъ учителемъ.

РОЖЕРЪ БЕКОНЪ И РАЙМОНДЪ ЛУЛЛІЙ.

Конецъ XIII столѣтія замѣчателенъ по явленію двухъ отличнѣйшихъ людей. Одинъ изъ нихъ былъ Францискапскій монахъ Рожеръ Беконъ; а другой Раймондъ Луллій.

Первый, обладая могущественнымъ и высшимъ своего вѣка умомъ, вдругъ открылъ своимъ современникамъ неизвѣстную до того времени стезю, о которой едва только догадывались предъидущіе вѣки; онъ въ концѣ XIII столѣтія, обратилъ размышленіе, опытность и труды, независимо отъ схоластической философіи, на изслѣдованіе таинствъ естественныхъ наукъ. Другой человѣкъ отважный, признаваемый одними за еретика, а другими почитаемый за святаго и мученика, бывшій попеременно то солдатомъ, то прид-

ворнымъ, то женатымъ, то монахомъ, то ученымъ, то Филологомъ, то мистикомъ, то Богословомъ, то Философомъ, то писателемъ, то Миссіонеромъ, написалъ сочиненіе, подъ названіемъ: *искуство соединенія* (l' art combinatoir), которое назвали чуднымъ искуствомъ. Это сочиненіе, которое возбудило тогда удивленіе въ отличнѣйшихъ людяхъ, подверглось нынѣ такому забвенію, что даже имя самаго писателя едва извѣстно.

Рожеръ Беконъ родился въ Ильчестерѣ, въ Графствѣ Соммерсетскомъ. Современники, не понимавшіе его, называли его *Doctor admirabilis*. Кажется, что одинъ только Робертъ Большеголовый, его учитель, Епископъ Линкольскій понималъ достоинство его сочиненій и важность того преобразованія, которое онъ хотѣлъ произвести въ ходѣ наукъ. Онъ могъ имѣть величайшее вліяніе на свое время, но его почти не было. Невѣжество и суевѣріе противопоставляли непобѣдимую преграду его Генію. Францисканцы, къ ордену которыхъ онъ принадлежалъ, запретили ему обнародывать свои сочиненія подъ опасеніемъ *лишиться сочиненія, и быть посаженнымъ, на долгое время, на хлѣбъ и на воду.*

Однакожъ онъ нашелъ просвѣщеннаго покровителя въ Климентѣ IV, который, взошедши на Папскій престолъ, выпросилъ у него важнѣйшее изъ его сочиненій,

извѣстное подъ именемъ *opus maius*, въ которомъ онъ излагаетъ свой планъ преобразованія и методъ, нужный для этого дѣла. Во время жизни этаго Первосвященника Беконъ наслаждался мирною жизнію, и видѣлъ вниманіе и уваженіе къ своимъ сочиненіямъ; но какъ смерть лишила его этой подпоры, зависть и ненависть вооружились противъ него за любовь къ Философіи, онъ былъ жестоко преслѣдуемъ, какъ чародѣй былъ влачимъ по темницамъ въ продолженіи многихъ годовъ.

Поприще Раймонда Луллія было чрезвычайно безпокойно. Увлекаемый пылкимъ воображеніемъ, онъ провелъ жизнь, скитаясь по міру, хотѣлъ участвовать въ крестовыхъ походахъ, безпокоилъ Царей и Папъ безпрерывными прозбами объ обращеніи Сарацинъ и о распространеніи новой науки, имъ изобрѣтенной, и погибъ при переѣздѣ изъ Африки, куда онъ ѣздилъ для освобожденія Христіанскихъ плѣнниковъ.

Вѣроятно, идею, на которой основывается его великая наука, онъ заимствовалъ изъ Кабалистики Іудеевъ и Арабовъ. Подобно Пиѳагору, Гностикамъ и жрецамъ древняго Египта, онъ находитъ таинственныя отношенія въ соединеніи чиселъ, и эти отношенія служатъ основаніемъ его системы.

Онъ начинаетъ съ той гипотезы, которая по понятіямъ Реалистовъ того времени, должна была ему

казаться непоколебимою, съ гипотезы, что общія понятія, и ихъ логическія соединенія въ точности выражаютъ область вещественныхъ предметовъ; что роды и виды различныхъ существъ природы раждаются и происходятъ точно такимъ же образомъ, какъ понятія нашего ума. Эта гипотеза довела его до мысли, что можно произвесть *a priori*, нѣкоторый родъ запаснаго магазина для знанія; что бы достигнуть этаго, нужно только сдѣлать номенклатуру отвлеченныхъ идей, раздѣлить по роду дѣйствованія въ ихъ различныхъ сочиненіяхъ, и представить таблицу всѣхъ ихъ возможныхъ началъ. Съ этою таблицею не нужно изучать дѣйствій; потому что дѣйствія природы, бывъ соединеніемъ идей, могутъ быть познаны безъ заботы объ изчисленіи безчисленныхъ соединеній этѣхъ идей. Оставалось только показать въ символическихъ знакахъ средство для произведенія всѣхъ возможныхъ ихъ отношеній, это средство состояло въ образованныхъ кругахъ, въ синоптическихъ таблицахъ, генеалогическихъ деревахъ; при помощи коихъ авторъ великой науки надѣялся рѣшить свою несбыточную проблему.

Надобно согласиться, что для человѣка, одареннаго столь живымъ и столь возвышеннымъ воображеніемъ, было что нибудь привлекательное въ идеѣ, служившей основаніемъ его системы. Она летила тайному и неизъяснимому расположенію и склонности души нашей къ чудесному, которыя заставляютъ предполагать

истину въ отвлеченіяхъ и дѣйствительное знаніе въ знакахъ.

Безсомнѣнія отъ этаго произошло то ослѣпленіе, коимъ была заражена толпа послѣдователей, толкователей и подражателей Раймонда Луллія, между которыми находились и великіе люди. Скажемъ нѣсколько словъ для удовлетворенія любопытства о нѣкоторыхъ его таблицахъ.

Можно видѣть, что для Раймонда Луллія служила основаніемъ номенклатура Аристотелева. Во главу двухъ отдѣльныхъ столбцовъ онъ поставляетъ безусловное и условное, кои называетъ началами или *предикатами*; онъ въ нихъ включаетъ *возможныя задачи*, *общіе предметы*, *добродѣтели и пороки*; каждому столбцу назначаетъ девять терминовъ, которые представляютъ девять буквъ азбуки, такъ, что каждая буква дѣлается отличительнымъ свойствомъ этой таблицы новаго рода логариѳмовъ; потомъ слѣдуютъ концентрическіе круги, одни за другими, подвижные, изъ коихъ каждый соотвѣтствуетъ одному столбцу его таблицы, а радіусы соотвѣтствуютъ различнымъ терминамъ этихъ столбцовъ. Эти круги обращаясь сами по себѣ, постепенно выставляютъ на видъ эти термины, въ различныхъ соединеніяхъ и производятъ такимъ образомъ всѣ роды предложеній.

Очень правильно сравниваютъ эту игру съ мящи-

ною, выдуманною Паскалемъ для приведенія въ дѣйствіе четырехъ правилъ Ариѳметики. Раймондъ Луллій употребляетъ ее для того, чтобы говорить и писать о всякомъ родѣ предметовъ, не думая о нихъ. Ему приписываютъ болѣе четырехъ тысячь сочиненій; и однѣ эти сочиненія въ печати составляютъ десять огромныхъ томовъ in Folio. Мы не должны этому удивляться: онъ могъ ихъ производить даже во снѣ, при помощи двигателя, который приводилъ въ движеніе его машину. Простимъ Раймонду Луллію то, что онъ преувеличилъ достоинство своей системы; разсматривая ея простое свойство, можно было ее употребить въ пособіе для памяти и импровизаціи; но этимъ онъ неудовольствовался; ему хотѣлось найти, и онъ думалъ, что нашелъ ключь къ тому тайному познанію, къ тому священному искуству Кабалистики, къ изученію которой его влекла ненасытимая его дѣятельность.

Мы должны были изложить довольно обширно предубѣжденія и мечты этаго учителя иллюминатизма потому, что онъ есть образецъ своей школы; и по сему заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе въ томъ обозрѣніи, которое имѣетъ цѣлію упомянуть о различныхъ системахъ, произведеніяхъ человѣческимъ разумомъ, какъ въ его правильныхъ, такъ и погрѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Раймондомъ Луллiемъ оканчивается вторый возрастъ Схоластики. Уже нельзя было болѣе ничего прибавить къ достоинству всеоб-

щихъ понятій; тѣ преувеличенія, которымъ онъ подвергся, должны были обратить вниманіе на изслѣдованіе бытностей, (entitates), изъ которыхъ было сдѣлано столь странное употребленіе. Реализмъ отъ полнаго торжества своего впалъ въ совершенное сумазбродство; номиналисты по необходимости возстали, и восхищали въ свою очередь у своихъ противниковъ ту побѣду, которую онъ одержалъ было весьма удобно, по причинѣ заблужденій его противниковъ.

Третія эпоха съ XIV столѣтія до половины XV.

Отдѣленіе Богословія отъ философіи. Торжество Номиналистовъ.

§ 74.

ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

Реалисты:		*Номиналисты:*	
Валтеръ Бурлейтъ — — —	1337.	Іоаннъ Оккамскій — — —	1347.
Фома Брадвардинскій — —	1339.	Іоаннъ Буриданъ — — —	1360.
Ѳома Стразбурскій — —	1357.	Петръ Ейльскій — — —	1346.
Маркелъ Ингенскій — —	1396.	Робертъ Голькотъ — — —	1349.
Николай Автрикортъ — —	1348.	Гавріилъ Біель — — —	1395.
Іоаннъ Демеркурія — — —	1348.	Генрихъ Гесскій — — —	1397.

МИСТИКИ.

Іоаннъ Таулеръ — — —	1361.	Петраркъ ум. — — — — —	1374.
Ѳома Кемпсійскій ум. —	1471.	Герсонъ — — — — — —	1429.

§ 75.

Нападать на реализмъ значило вступать въ опасную борьбу противъ власти папской; которая его поддерживала. Хотя это нападеніе начинаемо было въ концѣ перваго возраста схоластики; но оно было безплодно, такъ, что въ продолженіи втораго возраста не было ничего сдѣлано въ пользу номинализма. Обстоятельства сдѣлались благопріятнѣе: Цари и Принцы, находившіеся до сихъ поръ, подобно Философіи подъ властію Папъ, всемѣрно старались освободиться отъ оной. Уже началась борьба между Бонифатіемъ VIII. и Филиппомъ Красивымъ; спустя нѣсколько времени она завязалась между Императоромъ Людовикомъ Баварскимъ и Іоанномъ XXII. Одинъ защитникъ правъ изъ Графства Оккамскаго въ Англіи съ жаромъ въ своихъ сочиненіяхъ требовалъ освобожденія политической власти, и будучи не менѣе силенъ въ Философіи, онъ принялъ на себя защищеніе этаго мнѣнія. Поддерживаемый силою Государей, которыхъ онъ защищалъ своимъ перомъ, (*) онъ нанесъ реализму удары, отъ которыхъ ему нельзя было оправиться.

Іоаннъ Оккамскій, коего называютъ Doctor singularis, invincibilis, et venerabilis inceptor, началъ мнѣніемъ, что для достиженія истины не должно полагаться на авкторитетъ, а отсюда возталъ противъ дѣйстви-

(*) Онъ писалъ Людовику: Tu me defendas gladio, ego Te defendam calamo.

тельности общихъ понятій, противъ praedicabilia praedicata Аристотелевыхъ. Какаго свойства эти общія идеи, спрашиваетъ онъ самъ себя? Если онѣ могутъ существовать независимо; то существуютъ или въ вещахъ, или въ Богѣ; въ вещахъ нѣтъ общихъ идей потому, что онѣ тутъ были бы или цѣлымъ, или частію. Если въ Богѣ онѣ не составляютъ независимой сущности, но только предметъ познанія, то и въ умѣ онѣ не другое что нибудь. Такимъ образомъ рушались бытности (entitates) схоластики; и была утверждена основная аксіома Философіи Номиналистовъ: не должно умножать числа существъ безъ необходимости, *entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem.*

Другая теорія, не менѣе славная обратила также на себя вниманіе Философа преобразователя т. е. умозрѣніе о видахъ чувственныхъ и умственныхъ. По мнѣнію Схоластиковъ, душа человѣческая не можетъ непосредственно познавать какъ тѣлесныя, такъ и духовныя существа. Между внѣшними тѣлами и человѣческимъ умомъ посредствуютъ необходимо образы, подобія εἴδωλα Демокрита, виды чувственные, которые доставляютъ представленіе о внѣшнихъ предметахъ, по сообразности своей съ ними. Точно также виды умственные для ума человѣческаго суть посредники въ познаніи духовныхъ существъ. Оккамъ въ одномъ умствованіи, подобномъ умствованію Арцезилая противъ стоической школы, которое остроумно изложилъ Гав-

ріилъ Біясь, его ученикъ напалъ на химерическую гипотезу этѣхъ идей, образовъ. Послѣ того, какъ основаніе реализма такимъ образомъ было поколеблено, Оккамъ уже свободно и безъ препятствій могъ идти новымъ поприщемъ. Всѣ теоріи, основавшіяся на началѣ существованія всеобщихъ (universalium) напр. теорія о приведеніи въ состояніе недѣлимости, которая столько занимала послѣдователей Ѳомы и Скота, изчезли. Онъ сталъ искать источника человѣческихъ познаній въ возрительномъ понятіи (la perception intuitive), и возстановлять столь долго бывшее въ забвеніи достоинство опыта, означать отношеніе отвлеченныхъ познаній къ познаніямъ чувственнымъ. Такъ, какъ дѣятельность имѣютъ только недѣлимыя, а недѣлимыя подлежатъ только чувствамъ, то познанія и нельзя основывать на общихъ понятіяхъ.

Такимъ образомъ Оккамъ взошелъ на путь Сенсуализма. Достойно примѣчанія, что Философія, приходя въ состояніе независимости, облекается въ одну изъ четырехъ формъ, которыя мы уже показали; не менѣе этаго замѣчательно и то, что, въ началѣ сего Философскаго образованія, сенсуализмъ первый показывается на горизонтѣ. Но еще болѣе назидательно для насъ слѣдствіе, которое Іоаннъ Оккамъ извлекъ изъ своихъ началъ, сколь слабо они не были развернуты. Эти слѣдствія сходны со всѣми тѣми, которыя мы видѣли до сихъ поръ, и которыя, какъ мы увидимъ послѣ,

всегда имѣла сенсуалистическая философія. Безъ сомнѣнія, этотъ сенсуализмъ не былъ сильный и упорядоченый сенсуализмъ Греческихъ школъ; но мы не должны забыть того, что это было при концѣ схоластики, и что школа Номиналистовъ писала подъ владычествомъ власти, хотя ослабленной, но все еще очень сильной.

Какъ ни слаба была эта свобода, все въ философіи Оккама открылись счастливыя слѣдствія чувственнаго наблюденія. Главнымъ слѣдствіемъ есть презрѣніе метода и бытностей схоластическихъ и усиливающійся вкусъ къ Анализу и изученію физическихъ наукъ. Можно также видѣть нѣкоторыя и худыя стороны сенсуализма. Оккамъ доказывая, что умъ человѣческій не иначе понимаетъ субстанціи, какъ по ихъ началамъ и принадлежностямъ, утверждаетъ, что нельзя имѣть никакого понятія о свойствѣ субстанціи. Какъ нельзя познать иначе Бога, какъ только по его принадлежностямъ, говоритъ онъ, такъ нельзя познать и души иначе, какъ только по качествамъ. Можно наблюдать эти качества, разсуждать объ нихъ, но что касается до субстанціи души, то такъ какъ ее нельзя видѣть непосредственно, то и нельзя утверждать, что она безсмертна, потому, что нельзя доказать чрезъ нее самую, что она не матеріальна.

Нельзя доказать какой это дѣйствователь, имѣющій качества, нами познаваемыя; *это можетъ быть, есть дѣйствователь естественный и матеріальный.*

Одна только вѣра можетъ насъ удостовѣрить въ истинѣ. Мы увидимъ, что это начало послужило основаніемъ для умствованія, возобновленнаго Локкомъ, и послѣдователями его ученія. Мы будемъ отвѣчать послѣднимъ, такъ какъ и Оккаму: если нѣтъ субстанціи безъ принадлежностей, то всегда, когда намъ будетъ дана принадлежность извѣстнаго свойства, всякая субстанція противоположной природы не можетъ имѣть этой принадлежности; такимъ образомъ усвоя душѣ главную принадлежность мысль, мы должны необходимо лишить оной субстанцію протяженную и матеріальную.

Для Номиналистовъ довольно было того, что они поколебали важность Аристотеля и разрушили часть заблужденій Реализма. Не справедливо бы было требовать отъ нихъ основательнаго разкрытія какой нибудь системы: вся ихъ дѣятельность должна была сосредоточиваться въ борьбѣ съ приверженцами старѣющей схоластики. Номиналисты, какъ этому можно повѣрить, не остались безъ гоненія; ихъ начальникъ, преслѣдуемый ненавистію Іоанна XXII умеръ въ Мюнхенѣ въ 1347 году.

§ 76.

БОРЬБА РЕАЛИСТОВЪ И НОМИНАЛИСТОВЪ.

Ученіе Оккама не могло совершенно восторжество-

вать: послѣдняя половина этой третьей эпохи была почти совершенно занята борьбою между противниками и защитниками его системы. Одинъ изъ участниковъ его въ наукахъ, Валтеръ Бурлейгъ, Doctor planus, et perspicuus, который въ книгѣ, названной *via moderno-rum*, защищаетъ дѣйствительность общихъ идей нравственнымъ порядкомъ, и особенно цѣлями дѣйствія, Ѳома Стразбурскій, Августинецъ, преподававшій Богословіе въ Парижѣ, особенно держался понятій Егидія Колонны; Ѳома Брадвардинскій, и Маркелъ Шпенскій, написали много сочиненій въ пользу реализма, которыя славились въ ихъ время; они нападали на начала Оккама въ Богословскомъ и Философскомъ отношеніяхъ. Важнѣйшія ихъ доказательства суть слѣдующія: 1) неоспоримо, что есть дѣйствительныя общія идеи, совершенно отличныя отъ частныхъ, къ которымъ можно привести первыя чрезъ разложеніе ихъ, потому что природа, на которую безпрестанно ссылается школа Номиналистовъ, занимается только видами и сохраняетъ роды: 2) и умъ человѣческій дѣйствуетъ подобно природѣ; онъ не радитъ о недѣлимыхъ, и занимается только родами: такимъ образомъ человѣкъ сознаетъ, что не только существуютъ подобія въ человѣческомъ родѣ, но даже тождественность; 3) мы ищемъ счастія въ различныхъ благахъ этаго міра; но всѣ онѣ относительны, всѣ измѣняемы, всѣ недостаточны, и мы не можемъ не восходить отъ этихъ частныхъ благъ къ благу общему, которое не есть соеди-

неніе всѣхъ общихъ благъ, но которое всѣхъ ихъ выше, которое мы щитаемъ высшимъ благомъ, единствомъ самаго блага. Мы не желаемъ частнаго, измѣняемаго; и такъ безусловное и общее существуетъ.

Номиналисты противополагали симъ доказательствамъ такія же тонкости. Іоаннъ Буриданъ и Петръ Ейльскій въ этой борьбѣ очень много прославились. Буриданъ сдѣлался знаменитымъ особенно потому, что выдумалъ правила, какъ находить средніе идеи въ силлогистическихъ доказательствахъ, родъ пособія, которое онъ назвалъ *мостомъ для ословъ* (le pont aux anes) и особенно своими изслѣдованіями о посредствѣ. *Оселъ Буриданов* вошелъ въ пословицу, хотя неизвѣстно точное происхожденіе этой народной поговорки. Бель догадывается, что она основывается на томъ, будто бы Буриданъ для опроверженія свободы человѣческой говорилъ, что оселъ, мучимый жаждою и голодомъ, и находившійся на равномъ разстояніи отъ луговъ и воды, долженъ погибнуть непремѣнно потому, что ни почему онъ не можетъ рѣшиться, пить ли ему идти, или ѣсть. Однако этаго примѣра нѣтъ въ его сочиненіяхъ. Петръ Дайли, по прозванью Французскій Орелъ, началъ весьма чувствительно показывать различіе между Богословіемъ и Философіею и объявилъ войну злоупотребленіямъ Схоластики. Таковое удаленіе отъ тонкой Діалектики сдѣлалось общимъ свойствомъ всѣхъ отличныхъ умовъ этой эпохи. Споры Реа-

листовъ и Номиналистовъ часъ отъ часу оживлялись. Послѣдніе, не смотря на множество гоненій болѣе и болѣе возникали къ независимости, а чрезъ нее предавались глубокомысленнымъ наукамъ. Эта брань, которая представляетъ въ маломъ видѣ войну, производимую между емпиризмомъ и идеализмомъ, также кончилась скептицизмомъ; впрочемъ не надобно думать, что бы скептики этой эпохи были Пирронистами или Енезидемами. Ихъ скептицизмъ могъ имѣть и имѣлъ дѣйствительно вліяніе на одну только форму Философіи этаго времени, т. е. на Діалектику: отъ сего происходятъ сильные нападки на Схоластику, униженіе всеобщихъ и всего множества школьныхъ выраженій, которыя составляли выразительную терминологію Арабской и Аристотелевой Логики. Николай Автрикортскій и Раймондъ Себондскій особенно заслуживаютъ вниманіе своими покушеніями отвратить своихъ современниковъ отъ тщетнаго и скучнаго изученія словъ, и заставить ихъ совѣтываться съ великою книгою природы, открытою предъ глазами всѣхъ и столь богатою чудесными уроками. Если они не умѣли совершенно истребить схоластическую Философію, которая уже глубоко пустила свои корни, то покрайней мѣрѣ они поколебали ея достоинство, и сѣмена, ими посѣянныя, произвели въ послѣдствіи времени благіе плоды.

Презрѣніе къ схоластикѣ и диспутамъ ея должно было произвести и произвело дѣйствіе другое надъ

людьми благочестивыми и разумными. Жаркіе споры Реализма съ Номинализмомъ не могли не произвести мистицизма въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ подъ владычествомъ Христіанскаго Богословія, бывшаго столь свойственнымъ человѣческому уму. Такъ мистицизмъ есть отличительное свойство всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей XIV вѣка. Отличная книга *подражаніе Іисусу Христу*, тогда-возбудила въ благочестивыхъ душахъ справедливое удивленіе, и много споспомоществовала къ поколебанію могущества схоластики. Кроткій и добродѣтельный авторъ этой книги Ѳома Кемпійскій, по имени Городка Кемпена въ Епископствѣ Кемпскомъ, произвелъ благодѣтельнѣйшее дѣйствіе на умы, открывая религіозному чувству въ благочестіи неизчерпаемый источникъ для размышленія.

Мистицизмъ былъ уже съ жаромъ проповѣдуемъ Іоанномъ Таулеромъ, умершимъ въ Стразбургѣ 1361 года. Знаменитый Петрарка, который при концѣ жизни оставилъ свѣтскія науки, чтобы предаться совершенно созерцательной философіи, и особенно Канцлеръ Герсонъ, ученикъ Дайля и его намѣстникъ въ 1395 году въ должности Канцлера Парижскаго Университета, гора до болѣе усилили это новое направленіе философіи.

Герсонъ есть истолкователь и истинный представитель мистицизма этаго времени. Этотъ Фенелонъ

XIV столѣтія, который въ любви Божіей находитъ пищу для любви къ людямъ, былъ обремененъ важнѣйшими должностями, служилъ украшеніемъ Парижскаго Университета и свѣтильникомъ Пизскаго и Констанскаго соборовъ, рѣшился посвятить свои послѣдніе дни на ученіе бѣдныхъ дѣтей, какъ это видно въ его замѣчательнѣйшемъ твореніи, которое онъ издалъ въ свѣтъ, *de parvulis ad Deum ducendis.*

Въ Ліонѣ, куда онъ былъ вѣроятно сосланъ, онъ сочинилъ разсужденіе о мистическомъ Богословіи, которое отличается отъ другихъ сочиненій этаго рода тѣмъ, что оно не есть твореніе человѣка уединеннаго, который впадаетъ въ мистицизмъ, самъ незная, но твореніе Философа, человѣка дѣловаго, человѣка съ умомъ дѣятельнымъ, который охотно отказывается отъ дѣлъ, отъ міра и отъ знанія, и который предпочитая мистицизмъ, вполнѣ знаетъ, что онъ беретъ и что оставляетъ. Александрійцы выдавали себя за обыкновенныхъ Философовъ, они не принимали на себя имени мистиковъ; историки уже приписали имъ это титло. Здѣсь напротивъ мистицизмъ есть система, которая отличается отъ всѣхъ другихъ, и ограничивается только собою. Слѣдствіемъ размышленія Герсенова было восторженіе не одного воображенія и разума, но восторженіе всей души, состоящей изъ воображенія и разума, восторженіе, оканчивающееся соединеніемъ съ Богомъ.

Такимъ образомъ еще разъ подтверждается та истина, которая уже доказана столькими фактами, что умъ человѣческій, всегда вѣренъ самъ себѣ, и что всѣ различныя системы, къ которымъ онъ приходитъ, смотря по обстоятельствамъ, по мѣсту и степени умственнаго образованія, по направленію свободы, всегда относятся или къ сенсуализму, или къ идеализму, или къ скептицизму, или къ мистицизму.

Схоластика въ началѣ занялась слѣпою только діалектикою. Эта діалектика, мало по малу усовершенствованная возвысилась до такой степени, что ей усвоена особенная важность. Но какъ скоро она могла получить нѣсколько свободы, и заслужить по этому имя Философіи; какъ скоро она шествуя по независимому пути свободно занялась изысканіемъ истины; немедленно возобновила она четыре системы, развитыя въ школахъ Милета, Элеи, Аѳинъ, Александріи и Рима. Безъ сомнѣнія она возобновляла ихъ въ извѣстной мѣрѣ; но къ нещастію историкъ не можетъ усвоить благоразумія и мудрости человѣческому уму самому по себѣ; онъ даже долженъ эту умственность приписать его слабости, и вмѣстѣ бдительности, и могущественной власти церкви. Подъ этою суровою печатью Философія принуждена была содѣлаться болѣе благоразумною; однако и въ этихъ тѣсныхъ границахъ, она болѣе или менѣе есть идеалистическая, сенсуалистическая, скептическая и мистическая.

Далѣе область философіи увеличится, и произойдетъ великій переворотъ, который справедливо называютъ возрожденіемъ наукъ, а самую философію новою. Въ это время уже не будутъ заниматься безплоднымъ толкованіемъ твореній нѣкоторыхъ людей геніальныхъ; мы увидимъ, что вновь явится на сцѣнѣ, въ сопутствіи знаменитыхъ людей, эта величественная древность, которая введетъ порядокъ на мѣсто хаоса, свѣтъ на мѣсто густаго мрака, и мы займемся разсмотрѣніемъ того пути, коимъ пойдетъ геній новыхъ націй, въ философскихъ изысканіяхъ, вспомоществуемый геніемъ древнихъ народовъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.